И. В. Преображенскій.

КОНСТАНТИНЪ ПЕТРОВИЧЪ ПОБѢДОНОСЦЕВЪ,

ЕГО ЛИЧНОСТЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

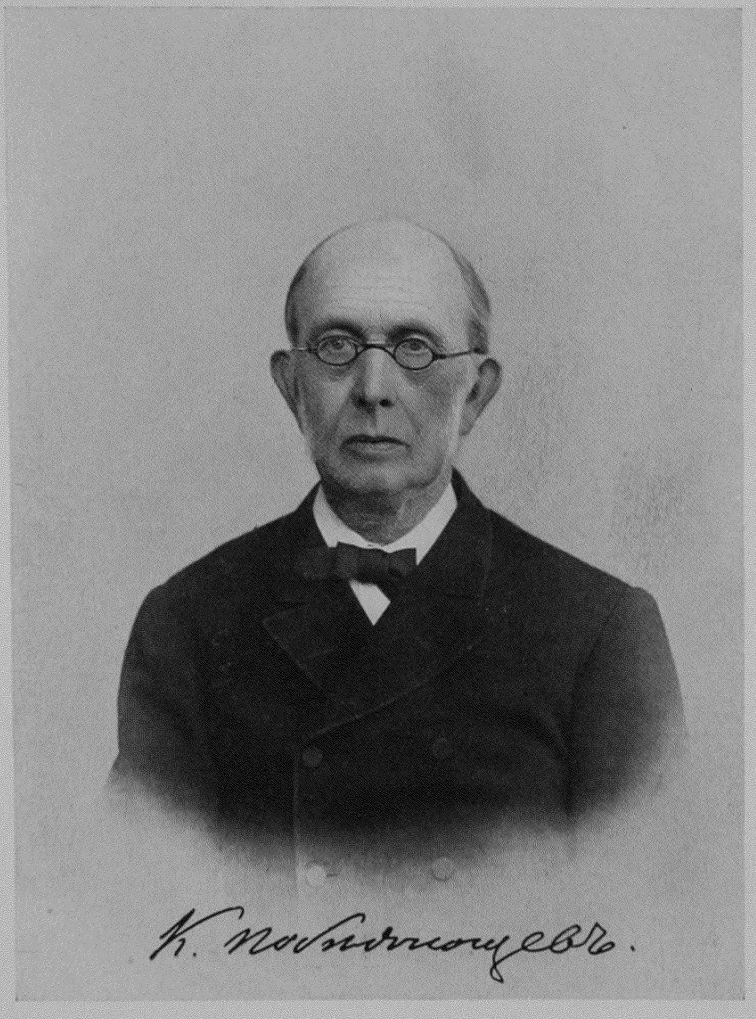
ВЪ

ПРЕДСТАВЛЕНІИ СОВРЕМЕННИКОВЪ ЕГО КОНЧИНЫ.

DK
218
.12
6K

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „Колоколъ“, Невскій, 127.
1912.

219
37



Константинъ Петровичъ
Побѣдоносцевъ.

Род. 21 Мая 1827 г., скончался 10 Марта 1907 г.
(Оберъ-Прокуроръ съ 24 апр. 1880 г. по 19 окт. 1905 г.)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе . . . . . 3 —5

Глава I. Необыкновенная популярность и исключительное значеніе К. П Побѣдоносцева въ нашей церковно-государственной жизни.—Причина этого явленія.—Личныя свойства Побѣдоносцева. . . . . 6— 25

Глава II. Непримиримое разногласіе печати въ оцѣнкѣ дѣятельности К. П. Побѣдоносцева. — Неизбѣжность этого явленія —Объясненіе причинъ крайне враждебнаго отношенія къ Побѣдоносцеву, какъ дѣятелю, со стороны „освободительной“ печати.—Характеристика этой печати . . 26— 34

Глава III. Ложное представленіе объ отношеніи К П. Побѣдоносцева къ печати какъ прогрессивной, такъ и консервативной.—„Пляска дикихъ ирокезовъ“ въ образѣ органовъ „освободительной“ печати или лѣвогазетное бѣсованіе по случаю кончины Побѣдоносцева. . . . . 35— 64

Глава IV. К. П. Побѣдоносцевъ, какъ оберъ-прокуроръ Св. Синода, по отзывамъ лѣваго лагеря печати. — Общее замѣчаніе объ этихъ отзывахъ.—Какими побужденіями дѣятели либеральной и радикальной печати руководились при оцѣнкѣ оберъ-прокурорской дѣятельности Побѣдоносцева.—Противопоставленіе радикальною печатью Побѣдоносцева „новымъ свѣтиламъ церковнымъ“. . . . . 65— 75

Глава V. Оцѣнка К. П. Побѣдоносцева въ консервативной средѣ —Какъ здѣсь встрѣчена вѣсть о его кончинѣ.—Націонализмъ Побѣдоносцева и преданность его православію - Характеръ консерватизма Побѣдоносцева. . . . . 76— 87

Глава VI. Характеристика міровоззрѣнія К. П. Побѣдоносцева по его научно-литературнымъ трудамъ — Значеніе въ этомъ отношеніи „Московскаго Сборника“. . . . . 88—107

Глава VII Мнѣнія о К П. Побѣдоносцевѣ, какъ исключительно идеологѣ — Послѣдствія его политики для жизни государства.—О чемъ свидѣтельствуютъ эти послѣдствія.—Побѣдоносцевъ, какъ оберъ-прокуроръ Св. Синода, въ отзывахъ правой печати.—Заслуги его предъ церковной жизнію —„Трагическій“ разладъ между теоріей и практикой, обнаружившійся къ концу жизни Побѣдоносцева О чемъ онъ свидѣтельствуетъ.—Заключительныя слова. . 108—134

Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ, его личность въ представленіи современниковъ его кончины.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Кончина Константина Петровича Побѣдоносцева, послѣдовавшая 10 марта 1907 г, вызвала въ періодической печати подробнѣйшую всестороннюю оцѣнку его личности, научно-литературныхъ трудовъ и въ особенности его административной дѣятельности и не только какъ оберъ-прокурора Св. Синода, но и какъ лица, вліявшаго на строй и ходъ всей нашей общественной и государственной жизни.

Въ первые дни послѣ кончины К. П. Побѣдоносцева, кажется, не было газеты, которая не высказала бы своего сужденія о почившемъ. По количеству появившихся о немъ и его дѣятельности отзывовъ въ газетахъ, а потомъ и журналахъ, можно сказать, что печать удѣлила ему исключительное, невиданное дотолѣ къ государственному дѣятелю вниманіе Заинтересованные отзывами о личности и дѣятельности Побѣдоносцева мы внимательно отыскивали въ пучинахъ періодической печати статьи о немъ. Въ одну недѣлю у насъ образовалась груда статей, посвященныхъ К. П. Побѣдоносцеву. Какъ-то сама собою у насъ явилась мысль не уничтожать газетъ со статьями о Побѣдоносцевѣ, а продолжать ихъ собираніе. Это мы старательно и дѣлали. Въ результатѣ получился большой сборникъ статей и замѣтокъ, трактующихъ о Побѣдоносцевѣ. Сборникъ этотъ въ буквальномъ смыслѣ *ипсит*. Въ немъ немало статей изъ такихъ газетъ, которыя давно уже прекратили свое существованіе, и названіе которыхъ забыто. Между тѣмъ, высказанное въ этихъ статьяхъ иногда очень интересно и какъ характеризующее моментъ, въ который угасала и угасла жизнь замѣчательнѣйшей личности.

Читатель можетъ спросить, почему мы раньше не воспользовались имѣющимся у насъ столь исключительнымъ по его цѣнности матеріаломъ? Изображеніе Побѣдоносцева по отзывамъ о немъ печати—скажутъ—явилось бы для общества осо-

бенно интереснымъ вскорѣ же послѣ его кончины, когда память о немъ была еще свѣжа, когда имя его было у всѣхъ на устахъ. Не споримъ, статья или книга съ систематизированными и въ разныхъ другихъ отношеніяхъ разработанными отзывами печати о Побѣдоносцевѣ была бы тогда показаться интереснѣе но за то она значительно утрачивала бы въ своемъ внутреннемъ достоинствѣ.

Для освѣщенія личности Побѣдоносцева, его разнообразной и обширной дѣятельности, освѣщенія спокойнаго, безпристрастнаго, тотъ моментъ, когда онъ скончался, былъ совершенно неблагопріятенъ. И къ К. П. Побѣдоносцеву приложима общепризнанная истина, что безпристрастнымъ и справедливѣйшимъ судьею и людей и дѣлъ ихъ является исторія. Объ этой истинѣ вспоминается во многихъ отзывахъ о немъ. Мы съ своей стороны прибавимъ, что мудрено, трудно было въ то время правильно судить и о самыхъ отзывахъ, правильно понимать ихъ. Какъ можно было безъ труда и увѣренно разобраться въ массѣ самыхъ разнообразныхъ, самыхъ противорѣчивыхъ отзывовъ о Побѣдоносцевѣ—этомъ виднѣйшемъ и вліятельнѣйшемъ церковно-государственномъ дѣятелѣ въ моментъ его кончины и ближайшее къ тому время, когда, по словамъ Б. Б Глинскаго, «кругомъ кипѣли страсти и политическія бури, когда явленіямъ жизни не было спокойнаго суда и разсужденія, и въ особенности въ отношеніи тѣхъ, кто такъ или иначе своей жизнью и дѣятельностью былъ причастенъ къ этимъ бурямъ и той пыли земли, которая встала густымъ облакомъ надъ всею поверхностью нашей родины, какъ прямое слѣдствіе отечественной непогоды?» [1]).

Нынѣ, когда прошло уже пять лѣтъ со дня кончины Побѣдоносцева, время, можно сказать, совсѣмъ не то, что было въ моментъ его кончины и ближайшее къ тому. Нынѣ мы уже не наблюдаемъ чего-либо подобнаго тогдашнему «кипѣнію страстей и политическихъ бурь»,—улеглась и та «пыль земли», которая, какъ густое облако, мѣшала распознавать и правильно оцѣнивать и людей и ихъ дѣятельность, явленія жизни и ходъ ихъ. Въ значительно прояснившейся умственной и нравственной отечественной атмосферѣ виднѣе обрисовывается типъ Побѣдоносцева, какъ русскаго ученаго мужа, какъ оберъ-прокурора Св. Синода, какъ Царскаго слуги, какъ блюстителя государственныхъ интересовъ и историческихъ традицій, какъ, наконецъ, христіанина и сына православной церкви. Теперь стало возможнымъ правильнѣе понять и оцѣнить и время, въ которое сошелъ со сцены церковно-государственной дѣятельности Побѣдоносцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ лучше, безошибочнѣе разобраться въ массѣ отзывовъ о Побѣдоносцевѣ, вызванныхъ его кончиною.

---

1) Статья Б. Б. Глинскаго «Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ» («Матеріалы для біографіи»), въ «Историч. Вѣстникѣ» за 1907 г., м. апрѣль, стр. 261. Въ послѣдующихъ случаяхъ ссылокъ на эту обширную, выдающуюся по своимъ большимъ достоинствамъ статью, будемъ указывать лишь страницы ея.

Почитаемъ необходимымъ въ настоящемъ предисловіи сдѣлать слѣдующую оговорку. По служебному своему положенію въ должностяхъ по канцеляріи оберъ-прокурора Св. Синода мы находились въ полной зависимости отъ К. П. Побѣдоносцева. Вполнѣ признаемъ, что обстоятельство это способно возбудить подозрѣніе на счетъ нашего безпристрастія въ предпринятомъ дѣлѣ. Въ отстраненіе такого подозрѣнія считаемъ необходимымъ со всею категоричностью заявить то, что видимо всѣмъ нашимъ сослуживцамъ, именно, что отъ К. П. Побѣдоносцева милостей или поощреній, такъ сказать, сверхдолжныхъ мы ровно никакихъ не имѣли. Съ другой стороны, и лихомъ поминать Константина Петровича у насъ рѣшительно нѣтъ ни малѣйшихъ основаній.

И. В. Преображенскій.

ГЛАВА I.

Необыкновенная популярность и исключительное значеніе К. П. Побѣдоносцева въ нашей церковно-государственной жизни.—Причина этого явленія.—Личныясвойства Побѣдоносцева.

Въ вызванныхъ кончиною Константина Петровича Побѣдоносцева и посвященныхъ его памяти статьяхъ періодической печати большое вниманіе удѣляется личности почившаго. Въ отзывахъ печати по сему предмету проявлено рѣдкое единодушіе. Газеты всевозможныхъ направленій и оттѣнковъ, за ничтожнымъ, сравнительно, исключеніемъ (въ своемъ мѣстѣ оно будетъ указано), согласно отмѣтили необыкновенную популярность К. П. Побѣдоносцева, его огромное вліяніе на нашу церковно-государственную жизнь, признали въ немъ выдающіяся исключительныя умственныя способности и высокія нравственныя качества, непоколебимую стойкость во взглядахъ и убѣжденіяхъ, вѣрность идеаламъ и искреннее, нелицемѣрное служеніе имъ. Отмѣчены въ печати и глубокая религіозность Константина Петровича и рѣдкая любовь его къ церковности.

Имя Побѣдоносцева, по справедливому замѣчанію В. Авсѣенко въ «Петерб. Газетѣ» (№ 70), «было у всѣхъ на устахъ въ теченіе четверти вѣка» [1]). «Къ имени (Побѣдоносцева), говоритъ Б. Глинскій, въ теченіе слишкомъ четверти вѣка приковывалось вниманіе современниковъ, оно не сходило со столбцовъ нашей печати» (стр. 247). «Птб. Листокъ» высказался, что «имя Побѣдоносцева было извѣстно не только во всѣхъ уголкахъ необъятной Россіи, но и далеко за предѣлами ея» (№ 68). Въ газетѣ «Колоколъ» В. С. писалъ: «за послѣднюю четверть вѣка не было болѣе извѣстнаго и популярнаго во всѣхъ классахъ и

---

[1]) Такъ какъ большинство отзывовъ появилось вскорѣ же по смерти К. П., то, цитуя газеты, мы будемъ указывать лишь №№ газетъ, не обозначая число ихъ выхода.

слояхъ русскаго общества государственнаго человѣка, какъ почившій Константинъ Петровичъ» (№ 375).—«Всѣ, или почти всѣ грамотные люди Россіи, говоритъ «Церк. Голосъ», знали Побѣдоносцева, и всѣ теперь (по случаю его кончины) снова вспомнятъ о немъ» (см. «Полт. Еп. Вѣд.» № 11, стр. 511).

Со всею опредѣленностью, категоричностью высказалась печать объ огромномъ, а по выраженію иныхъ отзывовъ, безпримѣрномъ вліяніи Побѣдоносцева на нашу церковно-государственную жизнь. «Никто изъ русскихъ государственныхъ дѣятелей послѣдней четверти минувшаго вѣка, говоритъ «Новое Время», не стоялъ на такой высотѣ вліянія, ничье имя такъ не связано и не закрѣплено въ исторіи русской Церкви за послѣднія тридцать лѣтъ, какъ имя бывшаго оберъ-прокурора Св. Синода К. П. Побѣдоносцева» (№ 11.133).—«Занимая постъ оберъ-прокурора Св. Синода, Побѣдоносцевъ, по словамъ «Русск. Вѣдомостей», умѣлъ подчинить своему вліянію всѣ сферы внутренняго управленія, на самомъ дѣлѣ игралъ роль какъ бы перваго министра» (№ 57).—«Будучи въ теченіе 25 лѣтъ оберъ-прокуроромъ Св. Синода, говоритъ С. А. С—кій въ «Голосѣ Сѣвера», К. П. Побѣдоносцевъ въ то же время былъ вліятельной личностью и въ общегосударственномъ механизмѣ вообще Въ этомъ послѣднемъ отношеніи мы не ошибемся, если назовемъ его премьеръ-министромъ, конечно не гласнымъ» (№ 167).—«Человѣкъ громаднаго ума, тонкій богословъ и юристъ, Побѣдоносцевъ, по словамъ *Пирата* въ «Гол. Правды», имѣлъ всегда большое вліяніе и, можно сказать, почти съ полной увѣренностью, что почти все царствованіе Императора Александра Ш онъ былъ первымъ министромъ и дѣйствительнымъ совѣтникомъ Государя, несмотря на то, что по внѣшности завѣдывалъ духовной частью» (№ 437).

Въ «Пенз. Губ. Вѣд.» М. Ростовцевъ отзывъ свой о Побѣдоносцевѣ предваряетъ разсужденіемъ на тему: «Что значитъ одинъ человѣкъ». М. Ростовцевъ держится того мнѣнія, что «отдѣльныя личности, выдвигаемыя на первый планъ, въ сущности—выразители и исполнители какой-то стихіи, называемой народной волею»... «Въ русской «Гражданской» исторіи мы, говоритъ г. Ростовцевъ, знаемъ двѣ такихъ крупныхъ типичныхъ фигуры: Сперанскій и Побѣдоносцевъ, кстати оба изъ духовнаго званія. Не по родству или свойству, безъ заискиванія и униженія предъ сильными міра, эти два человѣка выдвинулись на роль первостепенныхъ государственныхъ дѣятелей. Говоря о послѣднемъ, можно сказать, что его дѣятельность въ теченіе

25 лѣтъ—исторія Россіи за этотъ періодъ. По его волѣ, мы неуклонно шли назадъ, хотя всѣ чувствовали необходимость идти впередъ. Побѣдоносцева считали злымъ геніемъ Россіи, но его логикѣ, точно загипнотизированные, подчинялись всѣ и тѣ, которые отъ него нисколько не зависѣли».

Для иллюстраціи того, какъ велико было вліяніе Побѣдоносцева, г. Ростовцевъ разсказываетъ случай въ засѣданіи Государственнаго Совѣта въ концѣ 80-хъ годовъ при обсужденіи проекта о прекращеніи гоненій на старообрядцевъ. «Всѣмъ присутствовавшимъ было ясно, что нельзя преслѣдовать людей за «двуперстіе», поклоненіе иконамъ «стариннаго письма» и вообще за желаніе совершать обряды и вѣрить въ Бога по-своему. Многими ораторами указывалось на то, что у насъ не только ни одно инославное, но даже языческое исповѣданіе не подвергается тѣмъ гоненіямъ, какимъ старообрядческое. Вопросъ о свободѣ былъ рѣшенъ, оставалось приступить къ баллотировкѣ, какъ встаетъ Побѣдоносцевъ и произноситъ слѣдующее: «Здѣсь говорятъ о свободѣ, которою у насъ пользуются католическое, лютеранское, магометанское и даже языческое исповѣданіе. Я знаю, господа, государства, въ которыхъ допущено обращеніе иностранной монеты, но я не знаю такого—въ которомъ допускалось бы обращеніе фальшивой». Это сравненіе до такой степени ошеломило всѣхъ, что вмѣсто свободы начались репрессіи и старообрядцы стали подвергаться новымъ усиленнымъ гоненіямъ, а бѣдныхъ духоборовъ довели до необходимости переселиться въ другую часть свѣта. Вотъ образчикъ историческаго хода событій [1]). Когда на мѣсто живой свободной школы, стали насаждать церковно-приходскую, то такой просвѣщенный человѣкъ, какъ знаменитый докторъ Захарьинъ, пожертвовалъ на это дѣло полмилліона. Мы неудержимо шли назадъ во всемъ и шли не упираясь, какъ тѣ, которыхъ ведутъ, а добровольно, поддавшись гипнозу одного человѣка» (№ 60).

По признанію сотрудника «Одесскихъ Новостей» Лоэнгрина, «въ теченіе десятилѣтій Побѣдоносцевъ игралъ колоссальную роль, былъ первой и главной фигурой въ рядахъ нашей бюрократіи. Онъ былъ альфой и омегой правительственныхъ мѣропріятій. Если въ Германіи былъ Бисмаркъ, то у насъ былъ Побѣдоносцевъ... Онъ былъ главнымъ фокусомъ, былъ центромъ, гдѣ сходились и откуда расходились всѣ планы, всѣ распоря-

[1]) Вотъ, по мнѣнію нашему, образчикъ искаженія въ изображеніи причинъ и хода историческихъ событій.

женія сильныхъ и властныхъ міра сего» (№ 7.117)—«Въ лицѣ почившаго К. П. Побѣдоносцева, по отзыву «Птб. Листка», покончилъ земное существованіе крупный государственный дѣятель, безпримѣрный, по своему вліянію, въ теченіе многихъ лѣтъ руководитель нашихъ духовныхъ сферъ» (№ 68).

«Совр. Рѣчь» вліяніе Побѣдоносцева называетъ «всемогущимъ» (№ 43). «Если бы, говоритъ Бобыль въ «Варш. Дневникѣ», Побѣдоносцевъ перешелъ въ лагерь оппозиціи, то у насъ давнымъ давно была бы и Дума и народное представительство. Такъ этотъ человѣкъ могъ достигать того, чего онъ хотѣлъ и такъ силенъ и могучъ былъ его умъ» (№ 74).

Съ какимъ вліяніемъ, съ какимъ исключительнымъ вліяніемъ представлялся современникамъ своимъ Константинъ Петровичъ, на это авторитетно указываетъ г. Глинскій, когда говоритъ, что Побѣдоносцевъ и послѣ ухода съ государственной сцены (въ октябрѣ 1905 г.) «не сошелъ въ глазахъ и мнѣніи современниковъ совсѣмъ на-нѣтъ, а продолжалъ оставаться все тѣмъ же нѣсколько таинственнымъ, съ налетомъ драматизма, Побѣдоносцевымъ, которому стоустая молва продолжала приписывать всяческія легенды, связывать съ его именемъ всевозможные слухи, порою самые фантастическіе, ожидать съ его стороны какого-нибудь начинанія, долженствовавшаго имѣть на событія дня рѣшающее вліяніе. Въ этомъ психологическомъ настроеніи общества усматривается своего рода гипнозъ, не оправдываемый фактами дѣйствительности, а относимый скорѣе на счетъ того глубокаго слѣда, который ближайшій сотрудникъ Императора Александра III оставилъ своей былой дѣятельностью на разныхъ поприщахъ нашей исторической жизни. Прошлое засчитывалось въ настоящее, откуда получилась опредѣленная историческая преемственность и наличность опредѣленнаго государственнаго служенія интересамъ родины».

Объ огромномъ вліяніи, какое имѣлъ у насъ Побѣдоносцевъ извѣстно было и заграницей. Газета «*Jurnal*», напр., по поводу кончины его высказала: «въ Петербургѣ умеръ въ преклонномъ возрастѣ г. Побѣдоносцевъ, бывшій прокуроръ Св. Синода. Въ теченіе послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ ни одинъ человѣкъ не имѣлъ такого громаднаго значенія въ исторіи внутренней жизни Россіи, какъ онъ. Въ теченіе цѣлой четверти вѣка онъ былъ главнымъ руководителемъ жизни русской православной церкви» (см. «Колоколъ» № 340).—По словамъ Н. И. К—то въ «Казан. Телеграфѣ» «дань уваженія несъ Побѣдоносцеву Западъ, тотъ самый Западъ, противъ идей котораго онъ такъ упорно

и такъ смѣло возставалъ Западъ понялъ величину его умственной личности и поставилъ на ряду съ такими политиками, какъ Гладстонъ и Бисмаркъ» (№ 4 221) —Изъ Берлина телеграфировали въ «Нов. Вр.»: „Всѣ газеты (германскія) посвящаютъ статьи К П. Побѣдоносцеву, помѣщая подробныя біографіи и характеристики покойнаго государственнаго дѣятеля. Газеты,—прибавляется въ телеграммѣ,—въ общемъ отмѣчаютъ выдающуюся его эрудицію и умъ“ (№ 11 134).

Констатируя въ отзывахъ своихъ о Побѣдоносцевѣ его огромное, исключительное вліяніе на церковно-государственную жизнь нашу, печать указываетъ и причину сего явленія. По ея согласнымъ отзывамъ, она въ самомъ Побѣдоносцевѣ, въ его богатыхъ духовныхъ дарованіяхъ, въ сильномъ и глубокомъ умѣ, широкомъ образованіи, колоссальной энергіи, неподкупной честности и изумительномъ трудолюбіи.

«Рус. Вѣдомости» послѣ приведенныхъ уже нами словъ о томъ, что Побѣдоносцевъ, занимая постъ оберъ-прокурора Св. Синода, съумѣлъ подчинить своему вліянію всѣ сферы внутренняго управленія, на самомъ дѣлѣ игралъ роль какъ бы перваго министра, добавляютъ, что «эта роль принадлежала ему по праву, такъ какъ и по уму, и по образованію онъ стоялъ головой выше всѣхъ своихъ товарищей по министерству» —«Русская Рѣчь» причисляетъ Побѣдоносцева къ такимъ людямъ, «которые стоятъ во главѣ общества и своего народа независимо отъ какихъ бы то ни было личныхъ разсчетовъ и побужденій. Враги бранятъ ихъ, издѣваются надъ ними, но никогда не осмѣливаются обвинить въ низости, подлости, своекорыстіи и какихъ-либо другихъ порокахъ, свидѣтельствующихъ о низости души.. Всѣ вообще считаютъ такихъ людей великими умами, первыми дѣятелями своего времени, творцами жизни... Великій покойникъ обладалъ широкимъ, всестороннимъ образованіемъ; сильнымъ и гибкимъ умомъ, никогда не знавшимъ покою; неподдѣльной любовью къ родинѣ; глубокой, дѣтски-чистой вѣрой и удивительной послѣдовательностью въ проведеніи своихъ идей въ жизнь» (см. «Рус. Знамя», № 67).—«Приаз. Край», сказавъ, что Побѣдоносцевъ четверть вѣка охранялъ, «какъ черный рыцарь, входъ въ замокъ, гдѣ томилась въ заключеніи весна русской свободы», спѣшитъ прибавить: но «надо быть справедливымъ—охранялъ не изъ корыстныхъ побужденій, не ради выгодъ и власти, а только исключительно по непоколебимому убѣжденію въ своей правотѣ... И въ этомъ и былъ секретъ его силы, его огромнаго авторитета, который пришелъ къ нему самъ со-

бой, словно притягиваемый магнитомъ стального, несокрушимаго духа» (№ 71).—По отзыву «Руси», долгъ велитъ признать что дѣйствовалъ Побѣдоносцевъ—въ силу глубокаго убѣжденія, имѣвшаго мало общаго съ бюрократическимъ карьеризмомъ, отъ имени цѣльнаго и стройнаго міросозерцанія, взявшаго въ полонъ и несомнѣнную образованность и поразительную начитанность Побѣдоносцева... Безукоризненность его личной жизни и карьеры должна быть признана самыми убѣжденными его врагами» (№ 70).—«Рѣчь» замѣчаетъ, что «даже противники Побѣдоносцева не подозрѣвали въ немъ стремленія къ власти изъ какихъ-либо личныхъ побужденій» (№ 59).

Объ отсутствіи въ Константинѣ Петровичѣ стремленія къ власти или того, что называется «бюрократическимъ карьеризмомъ», оригинально высказывается извѣстный писатель-публицистъ, В. Розановъ. Въ № 11.148 «Нов. Вр.» напечатаны его «Воспоминанія и мысли о К. П. Побѣдоносцевѣ». Вотъ что, между прочимъ, читаемъ мы здѣсь: «Мундиръ на Побѣдоносцева былъ только надѣтъ, притомъ—со стороны. И хотя Побѣдоносцевъ нервно ненавидѣлъ общество и общественность, и въ этомъ отношеніи иногда произносилъ слова удивительной дерзости, но уже по ихъ темпераменту и вообще по отсутствію въ немъ лукавства, хитрости, двуличія, притворства, заискиванія, по этому свободному прекрасному въ немъ духу «онъ былъ *нашъ*» (курсивъ автора)... Плоть отъ плоти общества, литературы, скажу необыкновенную вещь—улицы: Алексинскій на-выворотъ. Бываютъ случаи, что дитя улицы, уличный волченокъ доброю феею или ангеломъ судьбы своей бываетъ перенесенъ во дворецъ, въ аристократію, въ золотые и раззолоченные круги; и всю-то жизнь онъ стоитъ угрюмо среди нихъ, кусается, презираетъ, бьется. Мнѣ рѣшительно и опредѣленно извѣстно, что раззолоченную среду вокругъ себя, эту нашу бюрократію онъ всегда и нескрываемо презиралъ».

Совсѣмъ инымъ представляетъ намъ К. П. Побѣдоносцева Амфитеатровъ, также извѣстный писатель-публицистъ изъ лагеря уже архилиберальнаго, открыто революціоннаго. Вѣроятно, чтобы яснѣе выразить свои мысли, Амфитеатровъ говоритъ не объ одномъ Побѣдоносцевѣ, а вмѣстѣ и о Суворинѣ-старикѣ, котораго считаетъ «варіантомъ Побѣдоносцева». А—въ спрашиваетъ: зачѣмъ, во имя чего Суворинъ распинается въ своей газетѣ за дѣло, въ которое самъ не вѣритъ и «ради котораго распинаетъ народную свободу»?—«Секретъ тутъ, по увѣренію А—ва, въ психологіи. И Побѣдоносцевъ, и Суворинъ—разно-

чинцы. Мелкіе самые разночинцы по происхожденію. Побѣдоносцевъ—сынъ? снявшаго съ себя санъ діакона. И вдругъ сначала чрезъ профессуру діаконскій сынъ? попалъ въ придворныя сферы. Сказки любятъ не одни только дѣти,—сказки любятъ и взрослые. Любятъ свои, для взрослыхъ, сказки. Любятъ иной, не свой міръ. Крестьяне и рабочіе не любятъ пьесъ и разсказовъ изъ своего быта. Тоже и разночинецъ. Публицистъ—публицистомъ, профессоръ—профессоромъ, а старый блескъ аристократическихъ придворныхъ сферъ, чуждый имъ въ ихъ жизни, при встрѣчѣ кажется имъ обольстительнымъ. У Доде, въ извѣстномъ романѣ «Нума Руместанъ», есть тонкая, психологически вѣрная картина. Молодая, красивая Розали, жена Руместана, къ ужасу узнаетъ, что у ея мужа—любовница. И кто же?—сорокалѣтняя женщина, изношенная блондинка, съ угреватымъ лицомъ... Но она была знатная барыня... маркиза д'Эскарбесъ!.. А для Нумы Руместана, сына скромнаго страхового агента, это замѣняло все. Для нашихъ Руместановъ,—Суворина-старика и Побѣдоносцева,—въ ихъ измѣнѣ народнымъ силамъ, свѣжимъ и прекраснымъ порывамъ страны маркизой д'Эскарбесъ является министерскій мундиръ. Какъ ни былъ прогрессивенъ Суворинъ-старикъ, но онъ не устоялъ предъ соблазномъ тайной связи съ маркизой д'Эскарбесъ, съ верхами аристократіи... Типичнымъ Руместаномъ былъ и Побѣдоносцевъ. Полупоповичъ, онъ сталъ у кормила власти. Онъ могъ не только быть съ министрами, онъ въ силѣ былъ смѣщать и ставить министровъ... Какъ хотите, понять не трудно, что ему было лестно играть такую роль. Онъ, Руместанъ, сынъ страхового агента, и въ связи съ маркизой. Онъ, Побѣдоносцевъ, сынъ бывшаго дьякона, и онъ ставитъ министровъ, онъ даетъ тонъ всей политикѣ могучей Имперіи. Даетъ и будетъ давать, нужно только отдаться самому маркизѣ д'Эскарбесъ. И Побѣдоносцевъ отдался». Ради сохраненія связей съ аристократическими, придворными сферами, онъ, «упрямый и рѣзкій внизу, вверху былъ мягокъ, гибокъ, уступчивъ и угодливъ».

Мы намѣренно сопоставили два мнѣнія, два отзыва о К. П. Побѣдоносцевѣ лицъ, считаемыхъ въ прогрессивныхъ, въ радикальныхъ, а въ извѣстныхъ отношеніяхъ въ архи-либеральныхъ, въ архи-радикальныхъ кругахъ особо выдающимися, особо авторитетными. Какое же получается впечатлѣніе отъ этого столкновенія? А то именно, что мнѣнія этихъ авторитетовъ, какъ діаметрально противоположныя, при столкновеніи взаимно исключили, уничтожили другъ друга. Тутъ получилось, какъ

въ математикѣ, при замѣнѣ плюса минусомъ, нуль. Выходитъ, что въ нашихъ либеральныхъ и радикальныхъ кругахъ К. П. Побѣдоносцевъ совершенно не понятъ. Тамъ не могутъ столковаться даже о томъ только, Нума ли Руместанъ—Побѣдоносцевъ, или онъ Алексинскій на-выворотъ. Но вѣдь это все равно, что спорить о предметѣ—черный ли онъ или бѣлый. Не способенъ ли такой споръ возбудить даже жалость къ спорящимъ?..

Что либералы и радикалы путаются въ противорѣчивыхъ мнѣніяхъ о Побѣдоносцевѣ, это вполнѣ естественно. По справедливымъ словамъ Н. О., высказаннымъ имъ въ «Колоколѣ», «оцѣнить Побѣдоносцева, этого колосса русской мысли и русской воли, могутъ только люди, преданные всѣмъ сердцемъ и всею душой *русской идеѣ*». Но на такихъ людей наши либералы и радикалы совсѣмъ непохожи.

Нижеприведенные отзывы печати и притомъ органовъ самыхъ разнообразныхъ направленій и оттѣнковъ, дорисовываютъ духовный обликъ Константина Петровича настолько полно и ясно, что большаго въ этомъ и желать не приходится.

«Нѣтъ сомнѣнія, утверждаетъ газета «Время», что даже и недоброжелатели Побѣдоносцева должны признать въ немъ глубоко-умнаго, даровитѣйшаго государственнаго дѣятеля, необыкновенно сильнаго волей и энергіей въ достиженіи цѣлей, которыя, по его мнѣнію, могли создать условія для мирной, спокойной жизни родины».—По отзыву В. Колпенскаго въ «Россіи», враждебные Побѣдоносцеву органы печати «не осмѣлились коснуться его нравственной и идейной личности и въ этомъ отношеніи почтительно склонились предъ великой тѣнью» (№ 399).—По отзыву г. Ярмонкина въ «Зорькѣ», «даже самые заклятые враги умственнаго направленія Константина Петровича, и тѣ должны признать въ немъ глубоко образованнаго и воистину замѣчательнѣйшаго человѣка по преданности его идеѣ государственнаго блага... Всѣ его знали за человѣка, обсолютно неподкупнаго ничѣмъ: ни деньгами, ни властью, ни честолюбіемъ. Онъ зналъ только «идею», которой и служилъ до гробовой доски» (№ 298).—По отзыву В. С. въ «Колоколѣ», «почитатели и враги Побѣдоносцева одинаково сходились въ признаніи одного безспорнаго, что это былъ человѣкъ просвѣщеннѣйшій, великаго ума, обширнѣйшихъ знаній, неподкупно честный и изумительно трудолюбивый» (№ 375).—Вышеупоминавшійся сотрудникъ «Одес. Новостей «Лоэнгринъ считаетъ «долгомъ справедливости отмѣтить, что Побѣдоносцевъ не искалъ дешевой популярности въ правительственныхъ кругахъ»

(№ 7.178).—«Утро» считаетъ Побѣдоносцева «талантливѣйшимъ, умнѣйшимъ дѣятелемъ реакціи, являвшимся во всякомъ случаѣ огромной личностью» (№ 63).—По признанію «Бирж. Вѣдомостей», Побѣдоносцеву «нельзя отказать ни въ умѣ, ни въ волѣ» (№ 9.790), а по признанію «Совр. Рѣчи», онъ былъ «сильнаго ума, желѣзной воли, большого таланта» (№ 43).—Въ «Свѣтѣ», въ статьѣ А И. С. читаемъ: «покойный Побѣдоносцевъ былъ человѣкъ упорной, настойчивой идеи... человѣкъ желѣзной воли, безупречной честности, всегда думавшій то, что онъ говорилъ, всегда открыто и громко исповѣдывавшій свои убѣжденія» (№ 67). Въ той же газетѣ «Свѣтъ» В. К. Истоминъ писалъ: «что бы ни говорили, а Константинъ Петровичъ великая сила. Это почти послѣдній глубоко-образованный носитель народныхъ идеаловъ, послѣдній старо-русскій богатырь. Это былъ назидательный христіанинъ, проникнутый глубокою, страстною вѣрою... Личною своею жизнью, среди окружающаго служенія мамонѣ, былъ поистинѣ высокимъ примѣромъ... Древнее христіанство уважало бы его за ревнивую охрану всего воспринятаго въ божественномъ ученіи, за его назидательную неуступчивость въ вопросахъ вѣры и церкви» (№ 96).

Съ особенною подробностью характеризуетъ личность К. П Побѣдоносцева Л. Тихомировъ въ статьѣ, напечатанной въ № 342 «Колокола». «Въ исторіи Россіи я,—говоритъ г. Тихомировъ,—не вспоминаю государственнаго человѣка, кромѣ развѣ Сперанскаго, который былъ бы такъ щедро надѣленъ многосторонними дарованіями, столь тщательно обработанными. Покойный К. П. Побѣдоносцевъ ни одного своего таланта не зарылъ въ землю, но всѣ ихъ можетъ смѣло представить своему Создателю преумноженными десятерично. Его свѣтлый умъ, проницательность сужденія, тонкость наблюденія, внимательность къ содержанію наблюдаемаго—все это соединялось съ совершенно необычайной трудоспособностью, и въ концѣ концовъ онъ поражалъ своими огромными знаніями и продуманностью ихъ. Поднявшись, какъ юристъ, на высоту первокласснаго ученаго, онъ обладалъ огромными знаніями и по другимъ отраслямъ человѣческаго вѣдѣнія, и до конца дней не переставалъ слѣдить за движеніемъ человѣческой мысли, удивляя даже спеціалистовъ освѣдомленностью по литературѣ ихъ предметовъ. Но и при этой многосторонности знаній, онъ не сдѣлался ни эклектикомъ, ни человѣкомъ какой-либо «школы», не былъ «ученикомъ», а ко всему умѣлъ отнестись съ самостоятельностью «учителя».

Высоко цѣнило ли иныя качества К. П. Побѣдоносцева въ частности духовенство православное, что, между прочимъ, выразилось въ словахъ и рѣчахъ представителей его, произнесенныхъ при заупокойныхъ богослуженіяхъ по почившемъ. Вотъ сему примѣры.

Преосвященный Митрофанъ, епископъ Гомельскій, викарій Могилевской епархіи, въ рѣчи, произнесенной въ мѣстномъ каѳедральномъ соборѣ 14 марта, между прочимъ, высказалъ: «При жизни К. П—ча много было выражено о его дѣятельности сужденій и притомъ самыхъ разнообразныхъ. Но и враги его, которые всячески хотѣли бы унизить его, развѣнчать, втоптать въ грязь, ничего не могли сказать укоризненнаго по адресу его. Это былъ рыцарь безъ страха и упрека. Самоотверженно, до готовности положить душу, преданный своему дѣлу, онъ смѣло и безбоязненно шелъ по своему жизненному пути. Вокругъ его кипѣли зависть, злоба и ненависть. Часто самая жизнь его была въ опасности... Можно спорить и, подчасъ, не соглашаться съ нѣкоторыми его начинаніями, но отнюдь нельзя было не отдать дани уваженія и даже преклоненія предъ его искренностью, честностью и правдивостью Въ нашъ вѣкъ дутыхъ величинъ, опозорившихъ себя взяточничествомъ, подкупомъ, интригами, съ особенной рельефностью выдвигается на первый планъ во всемъ величіи эта нравственная чистота и безупречность почившаго» («Могилев. Вѣстн.» № 61).—Преосвященный Таврическій Алексій въ произнесенной предъ панихидой, отслуженной въ каѳедральномъ соборѣ 12 марта рѣчи, характеризуя Побѣдоносцева, какъ «великаго церковно-государственнаго дѣятеля земли Русской», говорилъ, что почившій былъ сыномъ Церкви, «являвшимъ вѣру свою отъ разумныхъ дѣлъ своихъ на пользу и созиданіе Церкви а не на разореніе ея—былъ вѣрнымъ, преданнымъ, высокоталантливымъ слугою Царя и отечества, поборникомъ научнаго просвѣщенія страны, другомъ народной школы, наиболѣе любимой народомъ—школы церковной» («Таврич. Церк.-Общ. Вѣстн.» № 9).—По характеристикѣ прот. Гр. Прозорова, сдѣланной имъ въ рѣчи, сказанной въ собраніи Кіевскаго религіозно-просвѣтительнаго общества 18 марта, Побѣдоносцевъ былъ «мужъ вѣры и разума, мужъ великой духовной силы и совѣта, государственный человѣкъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова» («Кіевлянинъ», № 97 отъ 7 апрѣля).

Кромѣ отзывовъ о личности Константина Петровича, такъ сказать, вообще, печать дѣлала особые или, иначе говоря, спеціальные отзывы о той или другой частной чертѣ въ этой выдающейся, знаменитѣйшей личности.

Наиболѣе рельефно характеризующею К. П. Побѣдоносцева чертою печать признаетъ стойкость его взглядовъ и убѣжденій, честность цѣлей и намѣреній, вѣрность принципамъ и идеаламъ. Такъ, по отзыву «Нов. Вр.», Константинъ Петровичъ, «съ университетской скамьи и до могилы былъ и остался вѣренъ своимъ идеямъ. Текли десятилѣтія, одни государственные принципы и идеалы смѣняли другіе, но идеи Побѣдоносцева оставались все тѣ же непоколебимыя, какъ гранитъ» (№ 11,133).—«Въ лицѣ Побѣдоносцева, по словамъ «Голоса Кавказа», сошелъ въ могилу дѣятель, основной чертой котораго была непоколебимая твердость убѣжденій и неумолимая послѣдовательность. Въ этомъ отношеніи Побѣдоносцевъ, можно сказать, не имѣлъ равнаго среди русскихъ государственныхъ дѣятелей... Можно не соглашаться со взглядами его на русское бытостроительство, но нельзя не воздать должнаго замѣчательному уму, широкой образованности и удивительной стойкости и честности этого выдающагося человѣка... Цѣлую четверть вѣка занималъ онъ высокій и отвѣтственный административный постъ, никогда не поступаясь своими убѣжденіями, и покинулъ его только тогда, когда «спасать» Россію началъ графъ Витте» (№ 261).—Побѣдоносцевъ былъ,—говоритъ «Либавскій Вѣстникъ.»,—исключительною личностью не только вслѣдствіе достиженія имъ небывалаго дотолѣ апогея могущества и вліянія на весь ходъ внутренняго управленія нашего государства, особенно въ царствованіе Александра III, но и вслѣдствіе необычайной стойкости своихъ убѣжденій" (61).—«Посвятивъ всю свою жизнь служенію Родинѣ, Побѣдоносцевъ былъ однимъ изъ вѣрнѣйшихъ сыновъ Россіи» («Вѣче», № 30).—«Человѣкъ упорной настойчивой идеи, желѣзной воли, Побѣдоносцевъ, по словамъ А. И. С. въ «Свѣтѣ» никому и никакимъ въ мірѣ интересамъ не продалъ родной земли... Исторія несомнѣнно отмѣтитъ святую, неподкупную честность цѣлей и убѣжденій, которая красной строкой прошла чрезъ всю его дѣятельную, трудовую жизнь, чрезъ всю его многосложную карьеру» (№ 67).—По словамъ преосвященнаго Митрофана, Побѣдоносцевъ «никогда не измѣнялъ своимъ убѣжденіямъ и вѣрованіямъ въ угоду лицамъ, или по чувству страха предъ опасностью» (Изъ рѣчи преосвященнаго. См. въ «Могилевск. Вѣстникѣ» № 61).—По отзыву преосвященнаго Таврическаго Алексія, Побѣдоносцевъ «былъ работникъ христіанско-убѣжденный. Его нельзя было купить цѣною уступокъ какому-нибудь временному увлеченію, вѣянію. Онъ не дѣлалъ никакихъ уступокъ людямъ карьеры» (Изъ рѣчи

преосвященнаго. См. въ «Таврическомъ Церк.-Общ. Вѣстникѣ» № 9).

О стойкости взглядовъ и убѣжденій Побѣдоносцева, о ненарушимой, неизмѣнной вѣрности его своимъ идеямъ согласно говорятъ также, повторяя главнымъ образомъ вышеприведенныя нами строки на этотъ счетъ «Нов. Времени», и др. газеты, напр.: «Русск. Знамя» (№ 313), «Астрах. Листокъ» (№ 57), «Юго-Восточн. Россія» (№ 105), «Подолія» (№ 59), «Симбирянинъ» (131).

Какъ «лучезарно-свѣтлую черту» въ жизни Побѣдоносцева А. И. С. отмѣчаетъ въ «Свѣтѣ» «всѣми признанное безкорыстіе, съ какимъ онъ проходилъ свою крупную и знаменательную служебную карьеру и ту осторожность, съ какою онъ всегда относился къ казенному рублю, этой многострадальной единицѣ, которая отъ вѣка такъ легко пристаетъ ко всѣмъ, прикасавшимся къ ней рукамъ... Пройти бокъ-о-бокъ съ казенными милліардами, не растративъ ни одного рубля, и держать въ рукахъ своихъ бразды такого широкаго управленія, ни разу преднамѣренно, съ корыстной цѣлью, не покачнувъ вѣсы правосудія ни въ ту, ни въ другую сторону, это въ нашъ «нервный вѣкъ» заслуга немаловажная и явленіе далеко не обыденное... и далеко не каждый, уходя изъ міра, уноситъ съ собой на душѣ такое успокоительное сознаніе» (67). «Безкорыстіемъ Побѣдоносцева древній Римъ гордился бы» (№ 96).—На одномъ изъ вѣнковъ, принесенныхъ ко гробу К. П. Побѣдоносцева, именно на великолѣпномъ вѣнкѣ изъ бѣлыхъ цвѣтовъ отъ А. Нарышкиной, изображена была такая выразительная, многоговорящая надпись: „Приложившему сердце къ откровеніямъ Божіимъ, а не къ корысти». Эту надпись на вѣнкѣ печать особо отмѣтила (напр. «Свѣтъ» № 67). Исключительное безкорыстіе Побѣдоносцева отмѣчено, также, „Варш. Дневникомъ“ (№ 74), «Гол. Подоліи“ (№ 61) и „Вил. Вѣстникомъ“ (№ 1139).

Послѣдній, т. е. «Вил. В.», приводитъ, между прочимъ, слѣдующіе, очень ярко рисующіе безкорыстіе, честность и неподкупность Побѣдоносцева, анекдотъ и фактъ. «Извѣстно, что Александръ III, при вступленіи своемъ на престолъ, издалъ строгій манифестъ противъ „хищеній“, т. е. всякаго рода казнокрадства и взяточничества. Авторомъ этого манифеста былъ Побѣдоносцевъ. По поводу этого акта были, между прочимъ, сужденія въ Комитетѣ Министровъ. Засѣданіе уже окончилось и изъ залы одновременно, бесѣдуя на ту же тему, выходили Толстой, Посьетъ и Побѣдоносцевъ. „Желать можно,—говорилъ

оберъ-прокуроръ,—но искоренить хищенія трудно, разъ въ нихъ запачканы руки министровъ".—Это вы про кого говорите?—спросилъ К—нъ (министръ, потомъ уволенный за взятку), шедшій вслѣдъ за ними —«Да тутъ вотъ одинъ позади идетъ, а другой подальше» Анекдотъ этотъ въ свое время сильно былъ распространенъ» —А вотъ и фактъ: «Одинъ, покойный нынѣ банкиръ, считавшійся первымъ богачемъ въ Россіи, будучи крайне заинтересованъ въ проведеніи одного закона, наканунѣ его проведенія въ Госуд. Совѣтѣ прислалъ въ пакетѣ К. П. Побѣдоносцеву чекъ на милліонъ фр. Такъ какъ съ банкиромъ К. П—чъ не былъ знакомъ и считалъ эту присылку ему, какъ должностному лицу, то и отправилъ чекъ въ подлежащее мѣсто, желая дѣлу дать ходъ. Узнавъ объ этомъ, банкиръ встревожился и вечеромъ прислалъ дополнительное письмо, «съ поясненіемъ, на какой собственно предметъ онъ жертвуетъ присланную сумму». Скандалъ былъ устраненъ, но въ свое время о немъ много говорили» (№ 1139).

Въ отзывахъ печати о К. П. Побѣдоносцевѣ, на ряду съ исключительнымъ безкорыстіемъ, отмѣчались и другія высокія нравственныя черты его—отзывчивость, простота, скромность. «Окружавшіе и приходившіе въ близкое соприкосновеніе съ К. П. Побѣдоносцевымъ, какъ объ этомъ сообщается въ «Пет. Газетѣ», разсказываютъ различные факты изъ жизни К. П—ча, рисующіе его необыкновенную отзывчивость и благотворительность въ частной жизни. Никто изъ обращавшихся къ нему изъ истинно нуждавшихся не получалъ отказа въ помощи. Большею частью К. П—чъ посылалъ вспомоществованія, не указывая отъ кого они исходятъ, скрываясь подъ именемъ неизвѣстнаго. Часто его благодѣянія тщательно имъ скрывались даже отъ приближенныхъ лицъ, и лишь случайно обнаруживалось, что неизвѣстнымъ благодѣтелемъ являлся К. П. П—въ» (№ 69).—Та же газета въ другомъ №-рѣ (79) разсказываетъ такой фактъ изъ жизни Побѣдоносцева. «Нѣсколько лѣтъ назадъ, когда К. П—чъ былъ въ полномъ расцвѣтѣ своего вліянія на государственныя дѣла, въ посту въ Петербургѣ впалъ въ сильную нужду небезызвѣстный на югѣ поэтъ г. Б. Въ одно прекрасное утро Б. отправляетъ К. П. Побѣдоносцеву письмо съ изложеніемъ своей нужды, прилагая къ письму цѣлую кипу ломбардныхъ квитанцій, своихъ печатныхъ произведеній и документы о своей личности. Проходятъ недѣли двѣ. Въ срединѣ страстной въ квартирѣ, занимаемой г. Б., вечеромъ раздается громкій звонокъ. Б. самъ отворяетъ дверь и видитъ важнаго осанистаго лакея, нагру-

женнаго тюками и узлами —«Отъ его высокопревосходительства Константина Петровича Побѣдоносцева господину Б».,—говоритъ посѣтитель. Какъ оказалось, Побѣдоносцевъ выкупилъ по присланнымъ квитанціямъ всѣ заложенныя вещи поэта и въ страстной четвергъ возвратилъ ему эти вещи, документы и стихи вмѣстѣ съ суммой денегъ на разговѣнье».—Объ изложенномъ фактѣ изъ жизни К. П—ча разсказывалось и въ др. газетахъ. В. М. Скворцовъ, приводя тотъ же фактъ въ «Колоколѣ», замѣчаетъ, что «мы лично подобныхъ фактовъ знаемъ множество» и затѣмъ приводитъ «первый попавшійся изъ (его) воспоминаній случай» сочувственнаго, чисто отеческаго отношенія и существенной (въ 100 р.) матеріальной помощи, оказанныхъ К. П—мъ пріѣзжей съ юга въ Петербургъ и явившейся къ нему съ своею нуждою дочери одного умирающаго чуть не съ голоду бѣдняка чеха, принявшаго православіе и переселившагося въ Россію, хлопотать о семьѣ отца. Оказавъ помощь просительницѣ, К. П—въ обѣщалъ еще написать письмо въ Кіевъ Терещенкѣ, чтобы онъ принялъ брата просительницы на заводъ и далъ квартиру старику отцу ея (№ 348).—«Минскій епархіальный наблюдатель цер.-пр. школъ въ мѣстномъ каѳедральномъ соборѣ предъ совершеніемъ заупокойной по К П—чѣ литургіи свидѣтельствовалъ: „вниманіе К. П—ча къ труженикамъ по церковно-школьному дѣлу было поистинѣ изумительнымъ. Небудетъ преувеличеніемъ, если сказать, что цѣлыя сотни изъ нихъ были облагодѣтельствованы имъ при постигшихъ ихъ несчастіяхъ и гнетущихъ нуждахъ въ счетъ своихъ собственныхъ средствъ» («М. Е. В.» № 8).

Приведенные примѣры и свидѣтельства говорятъ объ отзывчивости Константина Петровича на матеріальныя нужды обращавшихся къ нему за помощію; но онъ въ такой же, если даже не въ большей еще, мѣрѣ отзывчивъ былъ на нужды духовныя. Эту высокую, можно сказать, даже плѣнительную черту въ немъ отмѣчаетъ Л. Тихомировъ. «Близко знающимъ его говоритъ онъ, хорошо извѣстно, что самыя сложныя государственныя дѣла никогда не заглушали отзывчивости К. П. Побѣдоносцева на запросы души самаго маленькаго человѣка, съ которымъ ему приходилось сталкиваться. Когда станетъ извѣстна его громадная переписка, всѣ будутъ поражены какимъ-то миссіонерскимъ, любовнымъ къ личности вниманіемъ его. Онъ получалъ кучу писемъ отъ лицъ, которыхъ считалъ нужнымъ или поддержать на добромъ пути, или предохранить, и изумительно, какъ умѣлъ онъ находить время и вниманіе на такой трудъ профессора и миссіонера» (№ 342).

Для сужденія о К. П. Побѣдоносцевѣ со стороны его отзывчивости, доброты и снисходительности весьма цѣнно слѣдующее свидѣтельство, приводимое г Глинскимъ въ его уже извѣстной намъ статьѣ на смерть Побѣдоносцева, помѣщенной въ «Истор. Вѣстникѣ». Свидѣтельство это принадлежитъ архіепископу Волынскому Антонію и заключается оно въ письмѣ послѣдняго къ К. П—чу, посланномъ, какъ замѣчаетъ г. Глинскій, послѣ того, какъ К. П—чъ сложилъ съ себя (въ 1905 г.) должность оберъ-прокурора Св. Синода, отошелъ отъ дѣлъ и подвергался въ печати многочисленнымъ нападкамъ и обвиненіямъ. Въ письмѣ преосвященнаго, такимъ образомъ, нѣтъ и малѣйшихъ основаній предполагать чего-либо похожаго на лесть и заискиваніе. Да не таковъ и авторъ письма, чтобы можно было думать о чемъ-либо подобномъ съ его стороны при какихъ бы ни было условіяхъ. Онъ, между прочимъ, писалъ Побѣдоносцеву: «Вы не были сухимъ фанатикомъ государственной или церковной идеи: вы были человѣкомъ сердца добраго и снисходящаго... Люди бѣдные или скорбящіе духомъ, люди споткнувшіеся находили сердечный откликъ въ вашемъ сердцѣ. Вы не отступали предъ страхами человѣческими, но часто отступали предъ слезами. Быть можетъ, даже иногда погрѣшали противъ принципа, подчиняясь жалости, но не погрѣшали этимъ противъ Господа Іисуса Христа. Вопреки заявленію вашихъ презрѣнныхъ враговъ, форма и буква закона не были для васъ высшимъ доводомъ: горячая и убѣжденная просьба склоняла на изъятіе во имя милосердія. Особенно цѣнно въ васъ было то, что вы вѣрили въ человѣческое раскаяніе и исправленіе: въ 1883 г. вы простили одного раскаявшагося семинариста, а въ 1898 г. онъ былъ епископомъ, и такихъ случаевъ было много за время вашей службы» (стр. 266).

Ярко и симпатично обрисовываетъ Константина Петровича и именно какъ человѣка совсѣмъ не черствой души, а сердечнаго В. К. Истоминъ въ «Свѣтѣ». Онъ пишетъ: «говорили о душевной черствости Константина Петровича. Много лѣтъ я зналъ его лично и любилъ именно за сердечную мягкость. Помню одинъ случай: 22 мая 1896 г., послѣ вѣнчанія на царство, Государь съ Императрицею отправились на поклоненіе въ Свято-Троицкую Лавру. Сопровождая въ этой поѣздкѣ великаго князя Сергѣя Александровича, я находился въ царскомъ поѣздѣ и помѣстился въ купэ стараго товарища, нынѣ умершаго дворцоваго коменданта, Петра Павловича Гессе. Едва отошелъ поѣздъ отъ вокзала, какъ въ купэ къ намъ вошелъ Константинъ Пе-

тровичъ. Было чудное весеннее утро. Солнце заливало просторъ загороднаго приволья. Деревья только что покрылись листьями, всходы озимыхъ полей блестѣли свѣжестью, словомъ, вся картина настраивала душу къ весенней размягченности. Разговоръ невольно принималъ соотвѣтственный характеръ и болѣе другихъ говорившій К. П—чъ перешелъ въ область воспоминаній своей ранней юности. Увлекательно разсказывалъ онъ о паломничествахъ того времени въ Свято-Троицкую Лавру, въ которыхъ и самъ онъ принималъ участіе. «Это было необыкновенно хорошо,—разсказывалъ онъ,—теперь уже нѣтъ болѣе такихъ типовъ, какъ тѣ, съ которыми доводилось путешествовать, именно путешествовать, добавилъ онъ, смѣясь, ибо мы шествовали, а не ѣздили, а сзади и впереди тарантасъ, бричка и другіе уже забытые въ наше время экипажи и всѣ кругомъ довольные и радостные, совершающіе важнѣйшее дѣло въ своей жизни—богомоліе. Съ какимъ, бывало, аппетитомъ утоляешь голодъ на привалѣ или на ночлегѣ незатѣйливою домашнею провизіею, а спишь какъ! Силъ сколько за этотъ сонъ наберешься и не передать; и вотъ, наконецъ, приходишь къ Хотькову,—тогда ни одинъ паломникъ не смѣлъ появляться въ Лавру, не исполнивъ первоначально совѣта сугодника поклониться его родителямъ. Наконецъ, послѣ заутрени въ монастырѣ, большою толпою соединившихся здѣсь богомольцевъ двигаемся по направленію къ Лаврѣ»... Тутъ Константинъ Петровичъ вскочилъ съ дивана, какъ-бы вглядываясь въ прошлое, продолжалъ, сильно жестикулируя: «Приближаемся, наконецъ, къ Поклонной горѣ и останавливаемся, какъ вкопанные: предъ нами, блестя на утреннемъ солнцѣ своими куполами, выростаетъ великая Лавра; всѣ падаютъ на колѣни, крестятся, кланяются въ землю и, поднявшись на ноги, сливаются въ одинъ радостный хоръ пѣнія тропаря преподобному Сергію»... и Константинъ Петровичъ не выдержалъ, глаза его наполнились слезами, и онъ вытиралъ ихъ платкомъ, поднявши на лобъ свои очки въ черепаховой оправѣ Ну могъ-ли бы черствый человѣкъ такъ чувствовать?—Нѣтъ, эту славу ему создали его враги только потому, что въ отношеніи къ божествѣ онъ допускалъ не одну любовь, но и спасительный страхъ Божій, руководящій этой любовью» (№ 96 отъ 18 апрѣля).

По отзыву «П. Газеты», К. П. Побѣдоносцевъ «въ отношеніяхъ своихъ къ окружающимъ его былъ весьма простъ и обходителенъ, цѣнилъ искренность и простоту и не любилъ низко

поклонствъ. Особенно онъ любилъ дѣтей и всегда вступалъ съ ними въ разговоръ» (№ 69).

О скромности, смиреніи души великаго человѣка, полнѣйшемъ (а по выраженію «П. Листка» въ № 68, «чисто философскомъ») равнодушіи его къ ругательнымъ статьямъ и памфлетамъ, какъ бы они ни были несправедливы и наглы, краснорѣчиво говоритъ слѣдующій фактъ, приводимый В. Скворцовымъ въ «Колоколѣ». Въ январѣ (23 числа) 1904 г. въ Спб. Русскомъ Собраніи сдѣланъ былъ Б. Никольскимъ рефэратъ, посвященный характеристикѣ Побѣдоносцева и основательно обличавшій ненавистниковъ его и хулителей. Скворцовъ имѣлъ намѣреніе напечатать въ «Миссіон. Обозрѣніи» и самый рефератъ Никольскаго и свои замѣтки по поводу реферата. На просьбу разрѣшить напечатаніе того и другого К. Петровичъ отвѣтилъ г. Скворцову слѣдующимъ письмомъ: «Благодарю васъ за письмо, Василій Михайловичъ, но настоятельно прошу не упоминать печатно ни однимъ словомъ о происходившемъ вчера въ «Русскомъ Собраніи». Это было бы для меня болѣзненно непріятно. Послѣ моей смерти пусть говорятъ, что и какъ хотятъ, пусть печатаютъ критическіе разборы печатнаго моего слова, но этотъ публичный разборъ моей личности тяжелъ для меня. Мнѣ неловко было противиться доброму желанію Бориса Никольскаго, но рѣчь его была все-таки для меня нарушеніемъ мира» (№ 337).— Отмѣчая ту-же черту въ Побѣдоносцевѣ—скромность, смиреніе души, Е. Поселянинъ говоритъ: «какъ въ человѣкѣ удивительно умномъ и достигшемъ отчасти мудрости, въ немъ не было кичливости ума и самолюбія, и весь онъ былъ очень скроменъ и непритязателенъ» («М. Вѣд.» № 64).—По отзыву А. Каминки въ газетѣ «Право» (№ 11), «Побѣдоносцевъ былъ чуждъ всякаго личнаго искательства, мелкаго честолюбія и мелкаго тщеславія».

Печать въ этзывахъ своихъ отмѣтила и изумительное трудолюбіе Константина Петровича. Большую часть своего дня К. П, говоритъ «П. Газета», посвящалъ работѣ, даже будучи больнымъ, онъ продолжалъ работать почти до послѣдней минуты своей жизни" (№ 69).—По словамъ «Вил. Вѣстника», «К. П. Побѣдоносцевъ очень часто просиживалъ за работою напролетъ цѣлыя ночи. Для письма у него была довольно низкая парта. К П. могъ писать на ней, сидя на полу кабинета, устланнаго мѣховыми коврами. Такъ онъ нерѣдко занимался въ девятидесятыхъ годахъ» (№ 1139).—По отзыву Е. Поселянина, «въ громадномъ кабинетѣ Побѣдоносцева съ письменнымъ столомъ

колоссальнаго размѣра и другими столами, сплошь покрытыми безчисленными книгами и брошюрами, становилось страшно отъ ощущенія развивающейся здѣсь мозговой работы. Онъ все читалъ, за всѣмъ слѣдилъ, обо всемъ зналъ. Мнѣ, говоритъ г. Поселянинъ, пришлось разъ разговориться съ нимъ о театрѣ. Онъ сказалъ, что уже очень давно не бывалъ въ театрѣ, кромѣ какъ въ Москвѣ, на какой-то пьесѣ Литер.-Худож. театра:— «Великій князь Сергѣй Александровичъ затащилъ». Но когда зашла рѣчь о разныхъ пьесахъ современнаго репертуара, русскаго и иностраннаго, онъ, оказалось, не только зналъ ихъ содержаніе, но и то, что пишутъ объ этихъ пьесахъ разные заграничные критики» («Моск. Вѣд.» № 64).

Привлекательною, безхитростною, глубоко естественною по манерамъ своимъ личностію рисуетъ К. П. Побѣдоносцева сотрудникъ «Р. Слова» В. Варваринъ, относящійся—нужно замѣтить—крайне отрицательно къ его принципамъ и дѣятельности. Въ № 76 вотъ въ какихъ словахъ г. Варваринъ передаетъ свое впечатлѣніе объ личности Побѣдоносцева, прибывшаго гостемъ въ одно семейство, въ которомъ случился и авторъ: «Вошелъ Побѣдоносцевъ, свѣтя умомъ и спокойствіемъ: тѣмъ умомъ и спокойствіемъ, какое я всегда любилъ въ немъ, какъ все пріятное и красивое. Мнѣ кажется, «своя думка», своя недодуманная дума и недоконченное размышленіе всегда были въ немъ, присущи ему были днемъ и ночью. И отъ этого присутствія мысли въ его лицѣ, вотъ сейчасъ мысли, оно было духовно красивѣе всѣхъ другихъ лицъ, куда бы онъ ни входилъ, гдѣ бы ни появлялся. Всѣ остальные думаютъ о «сейчасъ», и эта мысль о «сейчасъ»—коротенькая, малая. Побѣдоносцевъ же входя въ обстановку «сейчасъ», несъ на себѣ остатки и слѣды именно длинныхъ мыслей, естественно болѣе важныхъ и болѣе красивыхъ, чѣмъ обыкновенныя. Какъ ни мало увлекательна для меня его дѣятельность, тѣмъ не менѣе, личность Побѣдоносцева была для меня и остается неизмѣнно привлекательною.— Въ немъ была еще другая дорогая черта—глубокая естественность. Каждое движеніе его, каждое слово были натуральны, «какъ хотѣлось». Ничего искусственнаго, дѣланнаго, преднамѣреннаго. Никакого даже отдаленнаго намека на хитрость или возможность хитраго. До чего онъ въ этомъ отношеніи не похожъ на «высокопоставленныхъ карьеристовъ Петербурга».

При жизни Константина Петровича было, можно сказать, общимъ мнѣніе о немъ, какъ человѣкѣ религіозномъ, вѣрующемъ, любящемъ церковность, убѣжденномъ и вѣрномъ сынѣ

православной Церкви. Эту черту въ немъ печатъ отмѣтила особо и по поводу его кончины. По словамъ, напр., Л. Тихомирова, К. П. Побѣдоносцевъ «былъ искренній христіанинъ и убѣжденный православный, вполнѣ проникнутый церковностью, но стоялъ выше всякаго подчиненія клерикализму или какой-бы то ни было внѣшней формѣ. Необычайная тонкость ума, сознающаго свою силу, во всѣхъ отрасляхъ міровоззрѣнія предохраняла его отъ подчиненія чему бы то ни было, кромѣ истины» («Колоколъ» № 342).—«Служеніе православной церкви, говоритъ В. Колпенскій въ «Россіи», вотъ истинное душевное влеченіе Побѣдоносцева. Уже давно проявлялъ онъ особое рвеніе къ этой сторонѣ человѣческаго духа, которую одну почиталъ истинной. Наука, разнообразная и широкая литературная дѣятельность, политическая мысль, учебно-воспитательное дѣло, которому также онъ отдалъ обильную дань, политика,—ничто не заглушило въ немъ того, чѣмъ онъ былъ прежде всего—православнаго христіанина. Начиная съ книги «О подражаніи Христу» Ѳомы Кемпійскаго, имъ переведенной и изданной, онъ не перестаетъ сквозь всю свою дѣятельность служить дѣлу православной церкви» (№ 399)

По отзыву Е. Поселянина въ «М. Вѣдом.» (№ 64), у Побѣдоносцева «была область, болѣе другихъ имъ любимая, область, въ которой онъ отдыхалъ всею душею: это была *церковность*. Онъ любилъ и понималъ ее, какъ русскій простолюдинъ съ безхитростной простотой интересуясь и обрядностью. Мнѣ, продолжаетъ г. Поселянинъ, говорили, что, когда въ Сѵнодѣ было рѣшено назначеніе въ одну епархію архіерея, не особенно благолѣпнаго въ служеніи, онъ, схватясь за голову, воскликнулъ: «Что они дѣлаютъ! Тамъ народъ службу любитъ. А онъ повернуться не умѣетъ!» Его можно было встрѣтить незамѣтно затерявшагося въ молящейся толпѣ гдѣ нибудь въ Казанскомъ соборѣ. Всѣ знали, что онъ не любилъ, чтобы его въ это время узнали. Мнѣ кажется, какъ всякій русскій, и смиренно вѣрующій и въ то же время высоко культурный человѣкъ, онъ переживалъ, въ эти часы, подъ напѣвъ вѣчныхъ пѣсенъ, настроеніе близости вѣчности, слабости тѣхъ земныхъ узъ, которыя насъ здѣсь тяготятъ, не давая подняться и улетѣть въ высоту къ Богу. Ему съ его вѣчно трудовою жизнью, какъ бы покорно и сознательно бороздившему ниву въ томъ направленіи, какъ казалось ему лучшимъ, ему хотѣлось отрады и покоя, его жадному уму—обладанія совершенною истиной, его чуткой къ красотѣ душѣ—откровенія вѣковѣчной и святой красоты,—и все это обѣщали ему пѣсни, тѣ пѣсни, что въ церквахъ ужъ который вѣкъ

дают русскому народу возможность дожить и дотерпѣть... Дожилъ и дотерпѣлъ и онъ, и пойдетъ со своими подвигами ошибками и добродѣтелями къ единому всевидящему Судіи... Есть въ человѣкѣ, что переходитъ съ нимъ въ вѣчность, и чего сама вѣчность не изгладитъ: это—настроеніе его жизни, его отношеніе къ Божеству. И тутъ этотъ мудрецъ будетъ предстоять предъ Богомъ въ вѣнцѣ своей теплой и безхитростной вѣры, сливаясь съ рядами былыхъ русскихъ людей, которые встрѣтятъ его тамъ, какъ своего, какъ брата».

Какъ извѣстно, въ послѣдніе годы своей жизни К. Петровичъ занимался переводомъ на русскій языкъ книгъ Н. Завѣта. Касаясь этого дѣла К. Петровича—перевода имъ Новаго Завѣта, «Колоколъ» высказалъ: «Предъ самою кончиною за нѣсколько только дней появился въ печати его переводъ Новаго Завѣта. Это показываетъ, что возвышенный умъ его былъ обращенъ къ самой глубокой основѣ жизни человѣка и витал въ самыхъ возвышенныхъ сферахъ. Подобно Гладстону, онъ всегда находилъ время обращаться мыслію къ Богу и на семъ Камени желалъ утвердить подвигшееся сердце свое на закатѣ дней своихъ» (№ 537).—Преосвященный Таврическій Алексій въ рѣчи предъ панихидой по К. Петровичѣ высказалъ: «кажется, главнымъ предметомъ, занимавшимъ его душу, была вѣра Христова, въ ея ученіи и жизни... Нельзя забыть послѣдняго труда его, который онъ закончилъ, можно сказать, наканунѣ своей смерти. Я разумѣю новый русскій переводъ свящ. книгъ Новаго Завѣта» («Тавр. Ц.-Общ. В.», № 9).

Искренняя, глубокая религіозность Константина Петровича отмѣчена и въ «Церк. Вѣстникѣ». Въ № 12 этого журнала Н. Никольскій, называя К. П—ча «благочестивѣйшимъ» оберъ-прокуроромъ, говоритъ, что «не забудутся и свойства душевнаго облика К. П—ча, отвѣчающія тому посту «государева ока», который былъ занятъ имъ въ теченіи четверти вѣка. Въ спискѣ правителей, состоявшихъ въ этой должности и въ сонмѣ лицъ, его окружавшихъ, трудно назвать другого человѣка, который былъ бы такъ нелицемѣрно проникнутъ сердечною религіозною вѣрою, такъ пропитанъ благочестивою настроенностью, который бы съ такимъ благоговѣніемъ и дѣтскою чуткостью относился къ установленіямъ церковнымъ, и такъ тонко умѣлъ осмысливать гармонію между старыми преданіями и текущими событіями жизни».

ГЛАВА II.

Непримиримое разногласіе печати въ оцѣнкѣ дѣятельности К. П. Побѣдоносцева.—Неизбѣжность этого явленія.—Объясненіе причинъ крайне враждебнаго отношенія къ Побѣдоносцеву, какъ дѣятелю, со стороны «освободительной» печати.—Характеристика этой печати.

Насколько періодическая печать единодушна была въ отзывахъ своихъ о личныхъ свойствахъ Константина Петровича, обусловившихъ его карьеру и вліяніе на нашу церковно-государственную жизнь, настолько же печать эта расходилась въ отзывахъ о дѣятельности его и послѣдствіяхъ ея для жизни страны. Тутъ мы встрѣчаемся съ отзывами непримиримыми, діаметрально противоположными.

На разнообразіе, на неизбѣжность разнообразія въ оцѣнкѣ дѣятельности Побѣдоносцева и ея послѣдствій указывала сама же печать. Такъ, по отзыву «Р. Вѣдомостей», къ Побѣдоносцеву, «представлявшему несомнѣнно сильную политическую фигуру, не могло быть равнодушнаго отношенія—одни предъ нимъ преклонялись, другіе глубоко его ненавидѣли» (№ 57).—«Церк. Голосъ» высказалъ, что о Константинѣ Петровичѣ знали всѣ или почти всѣ грамотные люди Россіи, теперь, по случаю его кончины, снова всѣ вспомнятъ, причемъ «одни благословятъ его память и тепло помолятся объ упокоеніи его души, другіе сомкнутъ свои уста, слѣдуя правилу: de mortuis aut bene, aut nigil,—третьи, быть можетъ, не оставятъ въ покоѣ его и по смерти» (см. «Полт. Еп. Вѣд.» № 11 стр. 511).—«К. П. Побѣдоносцевъ, говоритъ Б. Б. Глинскій, представляетъ собою въ нашей столь небогатой выдающимися личностями жизни явленіе необычайнаго порядка... Одни его ненавидѣли и проклинали, другіе славословили, предъ нимъ преклонялись и его благословляли; одни видѣли въ немъ ангела—спасителя Россіи, другіе—ея злого генія. Безразлично къ нему никто не относился. Онъ былъ опредѣленнымъ историческимъ знаменемъ, которое рвали бури и непогоды, вокругъ котораго кипѣли страсти и борьба. И такъ не только въ теченіе двадцати пяти лѣтъ, когда онъ стоялъ на ряду активныхъ дѣятелей нашего государственнаго механизма, но даже когда онъ, обремененный годами и несогласный съ новыми теченіями правительственнаго курса, сошелъ съ государственной сцены и утратилъ всякое вліяніе на ходъ событій“ (стр. 247).

При рѣдкомъ единодушіи, съ которымъ періодическая печать и самыхъ разнообразныхъ направленій отозвалась о высокихъ до исключительности, свѣтлыхъ личныхъ свойствахъ К. П. Побѣдоносцева и въ виду крайняго несогласія той же печати въ оцѣнкѣ его дѣятельности, по ея характеру и послѣдствіямъ для страны, естественно возникнуть вопросу, чѣмъ объяснить стремленіе иныхъ, даже многихъ газетъ или, по крайней мѣрѣ, отдѣльныхъ сотрудниковъ иныхъ газетъ всячески, во что бы то ни стало представить, какъ говорится, чернѣе чернаго не только отдѣльныя стороны въ дѣятельности Побѣдоносцева, но всю ея сплошь, безъ единаго хотя бы маленькаго въ какомъ либо отношеніи исключенія? Просто невѣроятнымъ представляется, чтобы человѣкъ съ такимъ сильнымъ, свѣтлымъ умомъ, съ такимъ выдающимся по широтѣ и глубинѣ образованіемъ, съ такими несравненными по ихъ высотѣ и привлекательности нравственными качествами, какими обладалъ Побѣдоносцевъ, могъ проявлять себя и притомъ постоянно и неизмѣнно въ такой дѣятельности, для порицанія которой, можно сказать, не находилъ достаточно сильныхъ словъ и выраженій тотъ самый лагерь печати, изъ котораго слышалась этому человѣку, какъ личности, почти исключительно только хвала и славословіе. Чтобы понять и правильно оцѣнить это могущее казаться, дѣйствительно, невѣроятнымъ явленіе, необходимо знать, какою была или что представляла собою въ значительнѣйшей своей части наша періодическая печать въ послѣдніе годы жизни Побѣдоносцева.

Считаемъ за лучшее характеристику тогдашней печати сдѣлать на основаніи самой же печати. Въ этомъ отношеніи вполнѣ можно удовлетвориться слѣдующей, въ высшей степени яркой, характеристикой ея, принадлежащей перу первостатейнаго изъ современныхъ публицистовъ М. Меньшикова. Въ его статьѣ—«Преступное слово», помѣщенной въ № 11. 212 «Нов. Вр.» въ іюнѣ 1908 г., между прочимъ, читаемъ: «Еще до революціи за подписью «дозволено цензурою» часто выпускалась пресса завѣдомо клеветническая, шантажная, смердящая самымъ подлымъ зловоніемъ. Публика отдана была во власть мошенниковъ пера, которые проституировали гласность до жалкаго ея паденія. Еще до революціи на глазахъ правительства создалась такъ называемая «жидовская дешевка», «распивочная», «подкаретная печать», спеціальностью которой, какъ во Франціи, сдѣлалась уголовная хроника», описывающая «въ самыхъ феерическихъ краскахъ громкія преступленія... чтобы наиболѣе гнусныя зло-

дѣйства воспѣть, какъ эпопеи, а негодяямъ придать ореолъ героевъ»...

Что революціонная дешевка вноситъ въ публику ядъ, объ этомъ кричатъ нѣкоторые изъ тѣхъ либеральныхъ журналистовъ, что имѣютъ мужество быть честными. Какъ на характерный этого документъ, г. Меньшиковъ указываетъ на статью г. Чуковскаго подъ заглавіемъ—«Спасите!», напечатанную (на что обращается особое вниманіе) въ крайне-радикальной газетѣ—«Судьба Народа» (№ 1-й). Статью эту г. Меньшиковъ называетъ «воплемъ утопающаго». Содержаніе этого «вопля», дѣйствительно, очень любопытно и назидательно.

«Прошли уже святыя, задушевныя времена кустарной литературы,—пишетъ г. Чуковскій. Начинается литература фабричная, газетный періодъ россійской словесности. Вмѣстѣ съ газетой,—а газета у насъ всего года три съ японской войны,—въ русскую литературу пришла сволочь, и всю ее, сверху до низу, окрасила собою. Ежедневно къ столичнымъ вокзаламъ прибываютъ все новыя и новыя партіи свѣжей литературной сволочи.—Страховые агенты, дантисты, сутенеры, шуллера, маклера, юнкера, прыщеватые люди въ пенснэ, люди съ бумажными манишками и прилизанными волосами густо устремляются въ Петербургъ. Карманы у нихъ оттопыриваются, и оттуда они извлекаютъ не рукопись, нѣтъ, не балладу, не поэму, не романъ, а груду рекомендательныхъ писемъ въ погребальную контору, къ женѣ страхового инспектора, въ аптеку, въ галантерейный магазинъ и, между прочимъ, къ редактору газеты.—Если не приметъ страховой директоръ, если аптека не возьметъ въ фармацевты, если въ погребальной конторѣ переполнены штаты, молодой человѣкъ идетъ въ газету и становится русскимъ писателемъ».

«Таковъ, замѣчаетъ г. Меньшиковъ, нынѣшній писатель, которому отдана во власть самая коренная изъ всѣхъ свободъ—свобода слова. Г. Чуковскій, видимо, насмотрѣлся до омерзенія этой заразы. Онъ стѣсняется только прибавить, что всѣ эти агенты, дантисты, маклера и шуллера—въ подавляющемъ большинствѣ евреи. Журналистъ и еврей—почти синонимы. Такъ сложилось, что отбросъ еврейскій представительствуетъ «русское общественное мнѣніе». Не три послѣдніе года явилась «сволочь» въ печать; она проникала въ печать всегда. Теперь она лишь взяла засилье. И г. Чуковскій говоритъ также, что «теперь на одного настоящаго писателя копошится сто полуписателей, псевдописателей, квази—писателей». Настоящіе писатели «по-

тонули въ этой сплошной, безконечной, безличной, безглазой литературной сволочи»... Странно ли, удивительно ли,—спрашиваетъ тотъ же Чуковскій,—что этой литературной сволочью «все прошлое, великое и благородное, до чего додумалась и дострадалась русская литература—сметено и забыто, а новое, если и творится, то въ одиночку, со всѣхъ сторонъ захлестываемое и обливаемое грязной волной»?

Тотъ же по существу,—что и Чуковскій съ Меньшиковымъ,—взглядъ на дѣятелей наиболѣе распространенной печати и тогда же высказалъ въ газетѣ „Колоколъ“ одинъ изъ нашихъ епископовъ въ статьѣ—«Непроходимое невѣжество». Онъ пишетъ: „пора бы русскимъ людямъ убѣдиться, что вся наша такъ называемая „освободительная“ печать находится въ рукахъ заклятыхъ нашихъ враговъ-іудеевъ и нашихъ іудействующихъ измѣнниковъ—«интеллигентовъ». Іудеи и ихъ союзники—масоны отлично понимаютъ всю силу гипноза печати... Зная эту силу, они ничего не жалѣютъ на поддержку своихъ изданій. Вы не хотите подписаться на нихъ? Не безпокойтесь, вамъ будутъ присылать ихъ даромъ, если вы—человѣкъ, обреченный іудеями на эту отраву» (см. № 649 отъ 18 апрѣля).

Чтобы лучше уяснить себѣ причину крайне враждебнаго отношенія нашей «освободительной» печати къ Побѣдоносцеву, какъ къ церковно-государственному дѣятелю и надлежащимъ образомъ понять и оцѣнить отзывы ея о немъ, необходимо имѣть въ виду отношеніе свѣтской прессы къ самой церкви и ея догматамъ, къ родинѣ, къ государственному строю и къ національной идеѣ, которое существовало еще задолго до начала у насъ революціи и которое во время революціи и ближайшіе къ нему послѣдующіе годы проявило себя съ особою яркостью.

Кто не помнитъ, какая пристрастная, безпощадная, полная ненависти и высокомѣрія и въ то же время лживая раздавалась еще до революціи критика дѣятельности церкви въ лицѣ ея представителей и не только дѣятельности современной, но и прошлой, исторической? Тогда еще громко заявлялось въ нашей прессѣ, что православная Церковь, будто бы, сломила въ русскомъ племени его славянскую самобытность, повредила чистотѣ браковъ, все время мѣшала сложиться у насъ правильнымъ семейнымъ отношеніямъ, цѣлые вѣка держала и продолжаетъ держать народъ въ суевѣріяхъ и невѣжествѣ, была гасительницею въ немъ просвѣщенія, убила въ народѣ поэтическое творчество, художественные порывы, глушила въ немъ звуки

живой пѣсни, губила творчество на музыкальныхъ инструментахъ. Мало того, съ небывалою никогда прежде свободою высказывалось отрицаніе самой идеи церкви, какъ богоустановленнаго учрежденія, и, напротивъ, утверждалась, хотя, впрочемъ не новая, но успѣвшая уже заплѣсневѣть мысль, что церковь есть созданіе рукъ человѣческихъ. Утверждалось еще, что догматы христіанскаго ученія суть кандалы, убивающіе религіозную мысль и жизнь, что церковь растоптала евангельскія лиліи, засушила ихъ, сдѣлала изъ нихъ нити, а изъ нитей веревку, на которой и остается только удавиться.

Весною 1905 г., какъ извѣстно, выдвинутъ былъ на оффиціальную почву вопросъ о коренной реформѣ всего строя нашей церковной жизни, вопросъ величайшей важности, колоссальнаго значенія. Либеральная и радикальная печать взяла этотъ вопросъ подъ свое покровительство и, защищая идею, всячески порицала существующій строй церкви. Скоро же, однако, обнаружилось, что благожеланія свои церкви «красная печать» высказывала совершенно лицемѣрно, въ надеждѣ пріобрѣсти въ церкви союзницу «освободительному движенію», и потому еще, что вопросъ о церковной реформѣ она считала за «досадительный» церковной власти. Въ существѣ дѣла радикальная печать несказанно была бы рада, если бы церковь прекратила свое существованіе и голосъ ея умолкъ навсегда. Раньше другихъ эту всегдашнюю затаенную мысль радикальной, да и либеральной печати откровенно высказали въ дебатахъ по вопросу о церковной реформѣ «Новости». «Не о реформѣ церкви,— заявила эта газета еще въ апрѣлѣ 1905 г.,—надо заботиться, а о томъ, чтобы поскорѣе совершенно избавиться отъ этого кошмара (т. е. церкви). Въ разгаръ революціи и особенно въ періодъ дѣйствія первыхъ двухъ Г. Думъ «красная печать» сбросила окончательно маску, прикрывавшую истинное ея отношеніе и къ церкви и къ самому православію, какъ вѣроученію. Она объявила православіе «историческимъ предразсудкомъ русскаго народа», какъ и самодержавіе и точно такъ же, какъ послѣднее, подлежащимъ уничтоженію (см. «Наша Жизнь» въ № отъ 29-го іюня 1906 г.). Судите сами, читатель, что могла высказывать о церкви, о служителяхъ ея, о стражахъ и защитникахъ церкви и ея интересахъ печать, ставящая для себя долгомъ искоренять въ русскомъ народѣ православіе, какъ вредное суевѣріе!.. [1]).

[1]) Болѣе подробно объ отношеніи свѣтской прессы къ церкви и ея догматамъ въ предъ-революціонное и въ революціонное время можно ознакомиться и по нашему труду—«Откуда духовные предатели вѣры и церкви?». СПБ. 1908 г.

Съ неменьшею, чѣмъ къ церкви, враждою и ненавистью печать освободительнаго лагеря, проникнутая соціализмомъ и почти явно революціонная, относилась и къ государству. Совлекая съ церкви принадлежащія ей драгоцѣнныя, неизъяснимой красоты ризы и накидывая на нее безобразныя лохмотья, печать эта усердно разукрашивала существующій государственный и общественный строй и самую національную идею лишь одними цвѣтами чертополоха и крапивы. Все это мы хорошо помнимъ и знаемъ, и совершенно излишне было бы подробно говорить объ этомъ. Церковь и государство, православіе и самодержавіе одинаково представлялись ею, какъ пережитки, какъ историческіе предразсудки народа, подлежащіе искорененію. На обязанности образованнаго общества, по ея мнѣнію, помочь народу возможно скорѣе и съ наименьшею болью освободиться отъ всего этого.

Что проповѣдывала соціалъ-демократическая, соціалъ-революціонная печать въ народной массѣ и какъ интенсивна была ея проповѣдь, объ этомъ вполнѣ ясное представленіе даютъ результаты, которыхъ проповѣдь эта достигала и—замѣтьте это—въ здоровой средѣ. Вотъ, напр., что писала г. Меньшикову лѣтомъ 1908 г «одна весьма почтенная дѣятельница» о своей деревнѣ: «Двадцать лѣтъ тому назадъ я устроила школу. Мнѣ пишутъ многіе бывшіе ученики. Одинъ передъ войной все просилъ, чтобы я устроила ему переводъ въ дѣйствующую армію. «Хочу—писалъ онъ—повоевать за Царя, за вѣру, за родину» Теперь, послѣ чтенія дешевыхъ газетъ, я читаю въ его письмахъ· «Взялъ бы, кажется, сейчасъ ружье, чтобы самому перестрѣлять всѣхъ генераловъ и главное правительство»... Учительницы, не захваченныя бунтомъ, пишутъ мнѣ одно и то же: «Дайте народу читать что-нибудь другое, кромѣ дешевыхъ газетъ и прокламацій. А прокламацій у насъ милліоны. Ихъ не только разбрасываютъ по избамъ, а даже по пути въ городъ, на кустахъ онѣ развѣшаны. Мужики выписываютъ газеты, только справляясь съ цѣной: дешевы—ну и выписываютъ. А смотрите, какая изъ этого растетъ злоба. Вы не узнаете вашихъ любимыхъ школьниковъ. Они превратились въ парней· которые только и твердятъ, что надо все правительство перерѣзать». Войдите въ мое положеніе: двадцать лѣтъ работала въ родномъ гнѣздѣ, всѣ силы отдавала народной грамотности... Видѣть, что всѣ мои труды пошли на пользу бунта... Видѣть страшную лаву злобы, что вливаютъ дешевыя газеты въ обученный нами грамотѣ народъ—какъ хотите—тяжело»... («Нов. Вр.» № 11. 212)

Или вотъ еще примѣръ, не менѣе ясно, чѣмъ предыдущій, показывающій, какую проповѣдь и насколько успѣшно вела революціонная печать въ народной массѣ. Въ «Казан. Телеграфѣ» помѣщено письмо одного крестьянина изъ с. Каинки, Свіяжскаго у. «Господа читатели,—пишетъ, между прочимъ, этотъ крестьянинъ,—посмотрите, что творится у насъ на соціалъ-революціонерской почвѣ. Наше родное село изстари вѣка отличалось добросовѣстностью и смиренствомъ изъ окрестности, а теперь что же! Вертепомъ разбойниковъ и хулиганства стало. Ежедневно почти происходятъ грабежи и насильство»... (См. «Колоколъ» № 682, 1908 г.).

Имѣя въ виду періодическую печать послѣднихъ годовъ службы и жизни Побѣдоносцева противохристіанскую, противоцерковную, анархическую, явно и—надо это помнить—безнаказанно проповѣдывавшую теорію разврата мысли, чувства и слова, теорію разнузданія страстей, имѣя въ виду такую печать, можно-ли было ожидать добраго ея слова о принципахъ и идеяхъ, которыхъ неизмѣнно держался Побѣдоносцевъ, которымъ вѣрно и нелицемѣрно служилъ и которые старался проводить въ нашу церковно-государственную и общественную жизнь? Доброе слово о Побѣдоносцевѣ со стороны такой печати прямо-таки немыслимо, ибо равнялось бы ея самоотрицанію, самоубійству.

Для полноты сужденія о дѣлѣ необходимо имѣть въ виду еще и то обстоятельство, что Побѣдоносцевъ не скрывалъ своего презрительнаго мнѣнія о забравшей засиліе современной ему газетной печати, отзывался о ней въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ, чѣмъ, конечно, и усиливалъ въ ней по отношенію къ себѣ раздраженіе и злобу. Извѣстный взглядъ Побѣдоносцева на газеты «Бирж. Вѣд.» излагаютъ въ слѣдующей частной бесѣдѣ его съ однимъ московскимъ издателемъ. Если бесѣда эта, дѣйствительно, и была, то въ изложеніи ея, въ тонѣ изложенія допущено бо́льшее или меньшее искаженіе. Это невольно чувствуется. «Газеты,—говорилъ, будто бы, Побѣдоносцевъ,—это тѣ же кокотки. Какъ и продажныя женщины, органы прессы стараются прельщать читателей различными заигрываніями... «Эти дамы» румянятся, подводятъ глаза, втыкаютъ въ шляпки чудовищныя перья... Все это дозволяется, но, въ интересахъ общественнаго здравія, «горизонталки» всегда должны находиться подъ медицинскимъ присмотромъ, и заболѣвшихъ, во избѣжаніе заразы, слѣдуетъ тотчасъ извлекать изъ обращенія Такъ *мы* (курсивъ газеты) и съ газетами: кокетничайте съ публикой, слегка заигрывайте съ либерализмомъ и даже соціа-

листами... Но какъ только явилось подозрѣніе, что газета «больна», что она всерьезъ хочетъ проводить какія-то тамъ политическія идеи,—пожалуйте въ карантинъ: пріостановить ее на 8 мѣсяцевъ или закрыть".—Какую драму моральнаго потемнѣнія пережилъ человѣкъ, не различавшій проституціи отъ дара слова! восклицаютъ «Б. В.» въ негодованіи по поводу высказаннаго Побѣдоносцевымъ взгляда его на газеты, на печать (№ 9.790)—Но однако, до негодованія-ли тутъ, если вспомнить свидѣтельство либеральнаго же публициста г. Чуковскаго о томъ, что въ нашу газетную печать пришла и забрала въ ней силу «литературная сволочь?»...

Какъ остро сознавалась нужда въ обузданіи періодической печати, въ которой господствующее положеніе заняла «литературная сволочь», вѣскимъ, краснорѣчивѣйшимъ доказательствомъ этого служитъ слѣдующее постановленіе пастырскаго собранія духовенства цѣлой кіевской епархіи, состоявшееся вскорѣ же, чрезъ какихъ-нибудь полгода послѣ смерти Побѣдоносцева, именно въ сентябрѣ 1907 г. Въ одномъ изъ своихъ засѣданій, происходившихъ подъ предсѣдательствомъ епископа Агапита, собраніемъ было постановлено обратиться къ митрополиту Флавіану съ докладной запиской, въ которой указывается, что значительная часть тогдашней печати стала проводникомъ мыслей противорелигіозныхъ, противохристіанскихъ, противогосударственныхъ, противообщественныхъ, противоцерковныхъ и безнравственныхъ, *такая печать разлагаетъ семью, государство и общество и что она главная виновница революцій* (см. телеграм. изъ Кіева въ № 11. 318 «Нов. Времени»).

Е. Поселянинъ въ «М. Вѣдом.» указываетъ еще и на особую причину, почему К. Петровичъ «ненавистенъ» былъ всей вообще лѣвой печати. По личнымъ своимъ свойствамъ, по высокимъ духовнымъ дарованіямъ онъ являлся для лѣвой печати такимъ противникомъ, «котораго нельзя было презирать, почти невозможно оспаривать, и котораго оставалось только ненавидѣть» (№ 64). Почти ту-же, что г. Поселянинъ, причину ненависти лѣвой печати къ Побѣдоносцеву указываетъ и «Кіевлянинъ». Онъ говоритъ: «ненависть радикальнаго и либеральнаго лагеря къ Побѣдоносцеву находитъ себѣ полное объясненіе въ томъ обстоятельствѣ, что наши либералы и радикалы въ покойномъ К. П. Побѣдоносцевѣ имѣли сильнаго и безпощаднаго врага сильнаго не столько практической государственной дѣятельностью, сколько могучимъ аналитическимъ умомъ, съ безстрастностью ученаго анатома вскрывавшимъ

всю сущность современнаго либерализма, радикализма, демократизма» (№ 77-й).

Въ объясненіе отношенія иныхъ, быть можетъ, и многихъ дѣятелей въ лѣвомъ лагерѣ печати къ К. П. Побѣдоносцеву, какъ къ дѣятелю, «Колоколъ» такъ высказывается: «выдающіеся дѣятели и великіе характеры встрѣчаютъ со стороны своихъ современниковъ обычно не пониманіе, а противодѣйствіе, вражду и борьбу. Это жребій всякаго крупнаго дѣятеля въ родѣ людскомъ. На высшіе организмы съ яростью нападаютъ именно всякіе микробы, бациллы и прочая мразь» (№ 337-й).

ГЛАВА III

Ложное представленіе объ отношеніи К. П. Побѣдоносцева къ печати какъ прогрессивной, такъ и консервативной.— «Пляска дикихъ ирокезовъ» въ образѣ органовъ «освободительной» печати или лѣвогазетное бѣснованіе по случаю кончины Побѣдоносцева.

Сколько бы тамъ либералы, радикалы, революціонеры въ области государственной и церковной ни проклинали Побѣдоносцевскій режимъ, безпристрастный, объективный лѣтописецъ, нисколько не затрудняясь, скажетъ, что при Побѣдоносцевѣ церковно-государственное управленіе по общей его системѣ было совершенно безупречно съ точки зрѣнія либерализма. Тому времени, если что можно и удобно приписывать, безъ всякаго риска нарушить историческую правду, то это лишь декораціи тиранніи въ церковно-государственномъ управленіи. Если бы это входило въ программу нашего труда, мы могли бы въ подтвержденіе словъ своихъ представить вѣскія фактическія основанія.

Позволимъ себѣ, однако, сказать нѣсколько словъ въ уясненіе фактическаго положенія собственно печати и ближайшимъ образомъ печати періодической какъ прогрессивной, такъ и консервативной, въ Побѣдоносцевское время. Къ этому побуждаетъ насъ желаніе установить надлежащую цѣну частымъ ссылкамъ либераловъ и радикаловъ, какъ на что-то неподлежащее оспариванію, на крайнюю будто бы строгость цензуры при Побѣдоносцевѣ, «душившую всякое проявленіе свободной мысли, свободнаго слова» и дѣлавшую «немыслимымъ всякое даже отвлеченное разсужденіе въ области религіозныхъ вопросовъ».

По нашему убѣжденію, чистѣйшій вздоръ и клевета утверждать, что либеральная, радикальная и вся вообще печать лѣваго лагеря изнывала подъ гнетомъ Побѣдоносцева, еле влачила жалкое существованіе, подвергаясь, по его иниціативѣ и настояніямъ, постояннымъ и тяжкимъ карамъ. Будь это, дѣйствительно, такъ, мы не читали бы слѣдующихъ, намъ уже извѣстныхъ справедливѣйшихъ строкъ изъ статьи г. М. Меньшикова—«Преступное слово»: Еще «до революціи, т. е.—пояснимъ—въ Побѣдоносцевское время, за подписью «дозволено цензурою» часто выпускалась пресса завѣдомо клеветническая, шантажная, смердящая самымъ подлымъ зловоніемъ... Публика отдана была «во власть мошенниковъ пера, которые проституировали гласность до жалкаго ея паденія. Еще до революціи на глазахъ правительства создалась такъ называемая «жидовская дешевка», «распивочная», «подкаретная печать». Вотъ съ такой-то газетой еще въ до-революціонное время проникала въ русскую литературу, по сильному, намъ также уже извѣстному выраженію, г. Чуковскаго, «литературная сволочь». Въ революціонное время «сволочь» эта, по словамъ г. Меньшикова, «взяла засилье».—Выше мы напоминали читателю и о томъ, какая пристрастная, безпощадная, полная ненависти и высокомѣрія и въ то же время лживая раздавалась также еще до революціи критика дѣятельности церкви въ лицѣ ея представителей и не только дѣятельности современной, но и прошлой, исторической и какую антипатію, какое отвращеніе къ православной церкви, къ самымъ догматамъ ея ученія прививала и притомъ съ полною свободою обществу еще до-революціонная пресса. Подобныхъ явленій никакъ не могло бы быть, если бы тогдашняя пресса дѣйствительно находилась подъ строгимъ и неумолимымъ контролемъ Побѣдоносцева.

Если уже и говорить о строгости контроля за прессою со стороны Побѣдоносцева и выражать сѣтованія и жалобы на эту строгость, то основанія для этого скорѣе могли бы найтись въ отношеніяхъ его къ прессѣ праваго, консервативнаго лагеря.

— Въ № 192 «Колокола» отъ 8-го сентября 1906 г. напечатана была весьма характерная въ разсматриваемомъ отношеніи статья *Е. Eschatos*'а подъ заглавіемъ: «Вниманію всѣхъ православныхъ христіанъ». Редакція, печатая эту статью, сочла долгомъ предварить, что статья принадлежитъ „ревнителю Церкви Божіей", «одному изъ столповъ вѣры православной». Слѣдующія строки изъ этой статьи въ высшей степени опредѣ-

ленно рисуютъ положеніе дѣлъ: «Ужели правы тѣ, спрашиваетъ *Eschatos*, которые увѣряютъ, будто у насъ и церкви-то нѣтъ, ея голоса не слышно, ибо что же это за голосъ, который только и твердитъ одно и то же: «тише, тише, не задѣвайте этихъ красныхъ, лѣвыхъ, не раздразните этихъ» «освободителей»? А вѣдь больше ничего мы не слышали.. Либеральнымъ батюшкамъ все разрѣшается и, по крайней мѣрѣ, съ рукъ сходитъ, а архіерею (даже архіерею!) всякое слово въ строку» (стр. 55—56).

До какихъ, можно выразиться, подавляющихъ колоссальностью своею, предѣловъ доводилось въ Побѣдоносцевское время подчиненіе принципу: «тише, тише, не задѣньте этихъ красныхъ, лѣвыхъ, не раздразните этихъ освободителей», хорошо видно изъ слѣдующаго примѣра, лично насъ касающагося, въ дѣлѣ, конечно, частномъ.

По поводу всѣмъ памятнаго выступленія рабочаго класса (9 января 1905 г.) подъ водительствомъ несчастнаго священника Гапона и привѣтствій послѣднему даже отъ лицъ духовнаго сана, которымъ Гапонъ показался достойнымъ подражанія пастыремъ гуманистомъ, нами изготовлена была статья на тему: «Согласна-ли дѣятельность о. Гапона съ завѣтами нашей исторіи и съ Евангеліемъ». Статью эту намъ хотѣлось псмѣстить въ «Церк. Вѣдомостяхъ», въ редакцію которыхъ мы ее и препроводили. Едва-ли и часъ какой пробыла статья въ редакціи. Получили мы ее обратно съ лаконической надписью редактора (протоіерея, нынѣ покойнаго, П. А. Смирнова): «возвратить». Вскорѣ же послѣ этого статья была напечатана въ старѣйшемъ и почтенномъ духовномъ журналѣ «Странникъ» и, какъ намъ извѣстно, прочитываема была на нѣкоторыхъ пастырскихъ собраніяхъ.

— Другой случай съ нами же, еще болѣе характеренъ. Когда о. Григорій Петровъ (нынѣ разстриженный) въ славѣ своей достигъ зенита, мы издали брошюру—«Новый и традиціонный духовные ораторы: о. Григорій Петровъ и Іоаннъ Сергіевъ (Кронштадтскій)», въ которой выступили съ рѣшительнымъ осужденіемъ проповѣднической дѣятельности о. Петрова, несомнѣннаго Толстовца. Брошюра эта, лишенная всякаго полемическаго задора, удостоилась многихъ очень лестныхъ отзывовъ включительно до такихъ же профессорскихъ. Въ короткое время (меньше года) она выдержала пять изданій. — Но лѣтописи достойно собственно слѣдующее. У насъ имѣются и другія изданія собственнаго сочиненія и сборники. Объ изда-

ніяхъ обыкновенно дѣлаются объявленія. Послали мы такое и въ «Церк. Вѣдомости». И что же? Объявленіе было напечатано, *но съ пропускомъ упоминанія о названной брошюрѣ*... Ну, можно ли еще дальше простирать подчиненіе принципу: «тише, тише, не задѣньте этихъ красныхъ, лѣвыхъ, не раздразните этихъ освободителей»?...

Ужъ если, по словамъ *Eschatos*'а батюшкамъ либеральнымъ все разрѣшалось, то какой же просторъ былъ свѣтскимъ либераламъ и радикаламъ для сужденій по религіознымъ и церковнымъ вопросамъ. Для нихъ духовной цензуры, можно сказать, совсѣмъ не существовало. Но во всякомъ случаѣ она для нихъ была гораздо снисходительнѣе, чѣмъ свѣтская. Инымъ можетъ показаться даже невѣроятнымъ, но это дѣйствительно такъ было. Многое изъ того, что говорилось на пресловутыхъ религіозно-философскихъ собраніяхъ (1903 г.) свѣтская цензура не пропускала къ печати, а духовная пропускала свободно, чѣмъ и удивляла цензуру свѣтскую.

Дѣятели изъ лѣваго и крайне лѣваго лагеря печати въ доказательство, якобы, крайняго стѣсненія печати въ сужденіяхъ по церковнымъ и религіознымъ вопросамъ постоянно и неизмѣнно ссылаются на отлученіе гр. Льва Толстого отъ церкви. По ихъ убѣжденію, случай съ Толстымъ никакъ и ничѣмъ неопровержимое доказательство религіозной и церковной тиранніи, яко-бы, существовавшей во Побѣдоносцевское время. Однако, доказательство это очень легко опровергается. Кому неизвѣстно, что Левъ Николаевичъ послѣднія не одинъ десятокъ лѣтъ только и зналъ, что самъ себя отлучалъ отъ церкви? По отношенію именно къ Толстому-то снисхожденіе, терпимость и проявлены были до границъ массоваго соблазна вѣрующихъ, который собственно и подвигнулъ церковную власть не отлучить Толстого отъ церкви, а—точнѣе говоря—объявить объ отреченіи его отъ послѣдней.

Безъ вышеизложенныхъ предварительныхъ замѣчаній о положеніи періодической печати лѣваго лагеря въ до-революціонное время показалась бы недостаточно понятна самая возможность той «пляски дикихъ ирокезовъ», которая учинена была лѣвыми органами печати по случаю кончины К. П. Побѣдоносцева.

Задача нашего труда требуетъ, чтобы читатель ознакомленъ былъ по возможности со всѣми отзывами, которые даны были въ печати о К. П. Побѣдоносцевѣ по случаю его кончины, какъ бы иные изъ этихъ отзывовъ ни были отрицательны или вра-

ждебны къ его идеямъ и дѣятельности. Предсказываемъ то изумленіе, которое будетъ испытывать читатель, созерцая лѣвогазетное бѣснованіе, вызванное кончиною Побѣдоносцева.

Газеты лѣваго и въ особенности крайне лѣваго направленія, повидимому, чувствовали всю неловкость, все неприличіе своего крайне отрицательнаго, грубаго, рѣзкаго отношенія къ почившему Побѣдоносцеву, какъ къ церковно-государственному дѣятелю, когда еще не былъ закрытъ гробъ его. Поэтому и, какъ бы, въ свое извиненіе, нѣкоторыя газеты, поспѣшая съ отрицательными отзывами о скончавшемся, сдѣлали отзывы эти съ оговорками.

Такъ, на другой же день послѣ смерти Константина Петровича (т. е. 11 марта) «Совр. Рѣчь» писала: «вчера скончался К. П. Побѣдоносцевъ. Латинская пословица учитъ говорить о покойникахъ только или хорошо, или ничего. Но кончина этого человѣка не можетъ быть обойдена молчаніемъ. Болѣе пятидесяти лѣтъ онъ являлся злымъ геніемъ Россіи... (№ 43).— «Правило — *de mortuis nihil nisi bene*, вполнѣ приложимое, когда умираетъ обыкновенный смертный, предъ гробомъ общественнаго дѣятеля, и тѣмъ болѣе такого крупнаго государственнаго человѣка, какимъ былъ скончавшійся К. П. Побѣдоносцевъ, должно быть оставлено» («Новь», № 58-й).—Въ газетѣ «Утро» нѣкто *Т.*, высказавъ, что «зрѣлище каннибальской пляски надъ свѣжимъ трупомъ—скверное зрѣлище», въ то же время «немножечко» самъ поплясалъ надъ трупомъ Побѣдоносцева въ пустенькой замѣткѣ, подъ кричащимъ заглавіемъ: «Старые боги уходятъ» (№ 69). — Въ № 25-мъ все отъ того же 11-го числа «Парусъ» писалъ: «Открытая могила... Да, она обязываетъ къ сдержанности, она требуетъ кроткаго прощенія. Мертвый въ гробѣ мирно спи... Но какъ нельзя сложить съ умершимъ Побѣдоносцевымъ въ могилу сотворенное имъ зло, такъ нельзя одѣть мысль и слово по поводу этой могилы въ броню корректности и офиціальнаго піэтета».

Въ виду «чувства пристрастія и предвзятой идеи, которымъ меньше всего должно бы быть отведено мѣста у незакрытаго еще гроба почившаго дѣятеля» и которыя, однако, проявлены были къ нему въ отзывахъ прогрессивной печати, А. И. С. писалъ въ «Свѣтѣ» въ день похоронъ Константина Петровича, т. е. 13 марта: «Міровая аксіома гласитъ, что о мертвомъ надо говорить хорошо или не говорить вовсе, а между тѣмъ, у насъ на Руси эта великая и непреложная аксіома нарушается чаще и упорнѣе, нежели гдѣ бы то ни было. Не принимается въ

этихъ случаяхъ во вниманіе ни то, что личная месть къ почившему находитъ себѣ въ этомъ загробномъ осужденіи всего меньше удовлетворенія, и что покойникъ не слышитъ ни расточаемыхъ ему панегириковъ, ни раздающихся по его адресу осужденій... Не хотятъ посмертные хулители остановиться и на томъ, что хула ихъ оскорбляетъ ни въ чемъ невинныхъ, близкихъ почившему людей... Хулители, подобно могильнымъ червямъ, дѣлаютъ свое мрачное дѣло на днѣ отверзтой могилы»..(№ 67).

Очень трудно надлежащимъ образомъ систематизировать отрицательные, какъ, впрочемъ, и положительные отзывы печати о К. П. Побѣдоносцевѣ. Въ статьяхъ съ отзывами большинство газетъ старались, что, впрочемъ и естественно, какъ говорится, охватить предметъ по возможности со всѣхъ сторонъ. Чаще всего въ одной и той же статьѣ высказывались сужденія о Побѣдоносцевѣ и какъ носителѣ и выразителѣ извѣстныхъ идей, принциповъ и традицій, какъ ученомъ писателѣ и литераторѣ, какъ церковно-государственномъ и общественномъ дѣятелѣ. Нѣкоторыя газеты не забыли коснуться съ отрицательной стороны его личныхъ свойствъ и качествъ, а газеты крайне лѣваго лагеря не преминули выразить антипатію къ его внѣшности, даже къ дому, въ которомъ онъ жилъ

Скончался Побѣдоносцевъ вечеромъ 10-го марта. И, можно сказать, когда въ буквальномъ смыслѣ тѣло его не успѣло еще остыть, на газетные столбцы полилась при плохо замаскированномъ, а то и явномъ, открытомъ злорадствѣ прямо лавина злобы и ненависти къ скончавшемуся, соединенныхъ съ чудовищной клеветой на него [1]). Уже на другой день, т. е. 11 числа, не только столичныя, но и нѣкоторыя провинціальныя газеты (Москвы, Кіева, Одессы) появились съ замѣтками и статьями о почившемъ, внушенными чувствомъ вражды къ нему и озлобленія.

Представляя себѣ отзывы лѣвыхъ и крайне лѣвыхъ газетъ о Побѣдоносцевѣ, сотрудникъ газеты «Р. Правда» Баянъ имѣлъ полное основаніе выразиться, что враги Побѣдоносцева, по случаю его кончины, «подняли пляску дикихъ ирокезовъ», «пустились въ danse macabre» (№ 94).

Смерть К. П. Побѣдоносцева есть событіе историческое, «Пусть же будетъ,—скажемъ словами *Н. О.* въ «Колоколѣ»,—занесенъ въ скрижали исторіи и фактъ безпримѣрнаго духов-

[1]) Чтобы подчеркнуть это обстоятельство, тѣ №№ газетъ, въ которые лилась та лавина за время, пока тѣло почившаго не было еще предано погребенію, выдѣляемъ въ особую группу.

наго убожества еврействующей прессы, представляющей мнѣнія о почившемъ командующей интеллигенціи» (№ 337).

«Бирж. Вѣдомости» за ночь съ 10-го на 11-е (а можетъ быть и раньше, когда еще живъ былъ Побѣдоносцевъ) приготовили цѣлыхъ двѣ большихъ статьи, посвященныя памяти скончавшагося. Одна изъ статей и озаглавлена характерно: «*Великій революціонеръ*». Въ статьѣ этой съ чисто еврейской развязностью, между прочимъ, высказывается: «Вдумчивый наблюдатель не назоветъ дѣятельности К. П. иначе, какъ чисто революціонною. Правда, онъ не былъ *краснымъ* (курсивы газеты) революціонеромъ... Онъ былъ *бѣлымъ*, но на духовномъ обликѣ его лежитъ та же (что и у красныхъ) печать презрѣнія къ законамъ эволюціи-тотъ же порывъ къ насильственной ломкѣ существующаго. Красные скачками идутъ впередъ, такими же скачками онъ пытался гнать Россію назадъ. Побѣдоносцевъ—человѣкъ одного тѣла съ Робеспьеромъ. Адвокатъ изъ Арра, искренній врагъ смертной казни, чтобы спасти Францію, посылалъ на гильотину тысячи согражданъ. Профессоръ изъ Москвы, на свой ладъ послѣдователь Христа и горячій поборникъ русской государственности, во имя Христа душилъ все живое... Отрицательный полюсъ русской дѣйствительности, Побѣдоносцевъ пошелъ войною на положительный, и Левъ Толстой былъ преданъ анаѳемѣ: тѣни Джордано Бруно и Спинозы могли увидѣть повтореніе своей исторіи. Монахи Соловецкаго и Суздальскаго монастырей обратились въ тюремщиковъ. Какія мрачныя бездны таила душа этого человѣка, которому нельзя отказать ни въ умѣ, ни въ волѣ! Какая скорбь, что богатыя дарованія были направлены въ сторону разрушенія!.. Никогда не стѣснялся Побѣдоносцевъ въ поруганіи идеаловъ. Перелистайте «Московскій Сборникъ», произведеніе пера бывшаго оберъ-прокурора Синода: въ злобѣ и отрицаніи тутъ превзойденъ самъ Мефистофель... Рухнулъ дубъ, подъ нимъ не будутъ больше застаиваться ядовитыя испаренія, и въ страхѣ бѣжитъ звѣрь, находившій здѣсь себѣ логовище»... (№ 9,790).

«Совр. Рѣчь» въ № 43-мъ отъ 11 числа, помѣстила, также, двѣ статьи о Побѣдоносцевѣ. Въ одной изъ нихъ (передовой) высказано: «Съ непоколебимымъ упорствомъ Побѣдоносцевъ гасилъ всякое проявленіе свободы, всякій проблескъ новой жизни. Онъ надѣвалъ цѣпи на народную мысль, онъ строилъ казематы для борцовъ за народныя права, онъ пытался зажать въ тиски одной обрядности трепещущую совѣсть народа. Въ борьбѣ онъ не останавливался ни предъ какими средствами, и смертная казнь въ его лицѣ

потеряла могучаго защитника... Русскій народъ никогда не забудетъ того, кто, подобно сказочному Кащею, хранилъ подъ семью замками народную свободу, и до самой смерти твердилъ о томъ, что народъ созданъ только для рабства, труда и лишеній»...— Другая статья имѣетъ подпись *П. Ш.* Сей сотрудникъ, очевидно, мелкое ничтожество, но съ претензіями предвосхитить судъ надъ Побѣдоносцевымъ судъ народа и даже самой исторіи. Онъ писалъ: «Умеръ Побѣдоносцевъ. Точно кошмаръ отошелъ отъ изголовья страдающей страны... Мы стоимъ предъ могилой Побѣдоносцева. Что скажетъ судья строгій, но справедливый, наивно мудрый—народъ? Были на Руси угнетатели нелѣпые, глупые, полные невѣжества, были приспѣшники произвола за страхъ. Побѣдоносцевъ, умный, талантливый, широко образованный былъ тираномъ не за страхъ, но *за совѣсть* (курсивъ автора)... И въ этомъ—его приговоръ безпощадный, суровый, какъ подобаетъ суду исторіи, голосу народа, столько десятилѣтій страдавшаго по винѣ ушедшаго въ могилу приспѣшника черной реакціи. Побѣдоносцевъ не разъ громогласно заявлялъ—«русскій мужикъ долженъ остаться неграмотнымъ»!.. Онъ понималъ, что въ невѣжествѣ милліоновъ—залогъ успѣха ихъ, ночныхъ совъ, зловѣщихъ воронъ, шумящихъ черными крыльями жутко надъ тихой долиной смерти»...—Въ газетѣ «Новь» нѣкто, подписавшійся буквою — «ъ», высказалъ: «К. П. Побѣдоносцевъ—выдающійся юристъ, чье имя могло бы быть украшеніемъ науки—связалъ себя съ самыми мрачными эпизодами пятидесятилѣтней исторіи великаго народа. Еще въ то время, когда занималась заря русской свободы (разумѣются 60-тые годы), онъ уже косвенно могъ вліять на ту политику, которая зловѣщей нитью прошла чрезъ три царствованія. Вставъ въ ряды правящихъ, онъ горячо выступилъ противъ конституціонныхъ замысловъ Валуева и Лорисъ-Меликова. Онъ былъ тѣмъ, кто послѣ 1 марта убѣдилъ Александра III отказаться отъ «либеральныхъ бредней» Лорисъ-Меликова и поставилъ реакцію на твердую дорогу. Тридцатилѣтняя полоса бюрократическаго произвола выковывалась при непосредственномъ его участіи... Фактически страной управлялъ онъ... Политика, имъ поддерживаемая, привела Россію къ позору Мукдена и Цусимы внѣ государства и полнаго разложенія и гражданской войны внутри его... Когда Россія получила торжественное обѣщаніе конституціонныхъ правъ и свободы, онъ старый воронъ отлетѣлъ отъ жилища, въ которомъ свилъ себѣ гнѣздо, но отлетѣлъ недалеко и продолжалъ зловѣще каркать» (№ 58).

По отзыву „Рѣчи“, (№ 59), «отвращеніе къ какой бы то ни было, хотя бы малѣйшей, перемѣнѣ—было какимъ-то органическимъ свойствомъ К. П. Побѣдоносцева. Съ годами это свойство возрастало; и на несчастіе Россіи, именно съ годами, К. П. П-въ сдѣлался, капризомъ случая, главнымъ идейнымъ руководителемъ политическихъ судебъ Россіи въ самую критическую пору ея исторіи... Ему лично Россія обязана той отсрочкой начала нашей конституціонной жизни на цѣлую четверть вѣка, которая сдѣлала запоздалый процессъ русскаго политическаго освобожденія такимъ бурнымъ и болѣзненнымъ».—Ту же мысль о запозданіи «процесса русской политической жизни» и слѣдствіяхъ этого запозданія высказалъ и подголосокъ «Рѣчи»—„Слово“ (№ 96) [1]).—«Родная Земля» съ суровостью для уличнаго листка, надо сказать, уморительною, изрекла: «Побѣдоносцевъ умеръ и оказалось, что въ его полувѣковой дѣятельности не было ничего такого, что дало бы возможность, хоть кому нибудь проводить его на тотъ свѣтъ добрымъ словомъ или хотя бы молчаніемъ» (см. «Колоколъ», № 337-й).

Поспѣшилъ отозваться о скончавшемся «Парусъ». Статья въ немъ озаглавлена однимъ словомъ—„*Побѣдоносцевъ*“. Въ ней говорится: «Нѣтъ неумирающихъ. Вчера къ вечеру умеръ Побѣдоносцевъ. Въ механизмѣ правительственной реакціи лопнула пружина, хотя и ржавая, но все еще очень важная... Зашитый въ выцвѣтшій пергаментъ старикъ, точно антиподъ гетевскаго героя, «зло творилъ, даже когда желалъ сотворить добро». Съ Побѣдоносцевымъ ушла изъ русской дѣйствительности сила столь же крупная, какъ и зловѣщая... Онъ силился играть роль до конца, до самаго края могилы. Все ниже опускалась надъ его умною головою, промѣнявшею силу мысли, на силу злобы и подмѣнившую вѣру ханжествомъ, черная туча народной ненависти, гремѣла громомъ проклятія. Но Побѣдоносцевъ не хотѣлъ предъ нею сгибаться. Онъ не сдавался. Напротивъ, нагнетая энергію злобы и разрушенія, онъ билъ все тяжелѣе по русской жизни, крушилъ въ ней все, что могъ, и все туже завинчивалъ винты въ механизмѣ реакціи». Далѣе въ статьѣ выставляется, какъ позорящая имя Побѣдоносцева, роль его послѣ 1 марта 1881 г. и въ концѣ 1894 г. Какъ извѣстно, подъ конецъ жизни К. Петровичъ занимался переводомъ Еван-

[1]) Мысль о «запозданіи процесса»... напомнила «Колоколу» исторію Персіи и Турціи. Въ странахъ этихъ, говоритъ газета, кровавыя волненія происходили потому, что тамъ рано стали заводить конституцію (№ 337-й).

гелія на русскій языкъ. Имѣя это въ виду, «Парусъ» въ концѣ статьи выражался такъ: „одна его рука писала строки нагорной проповѣди, а другая благословляла на всѣ ужасы политическаго самосохраненія, подвинчивала тиски, въ которыхъ погибала русская жизнь» (№ 25).

Въ томъ же „Парусѣ", въ № 28-мъ, значитъ, всего чрезъ три дня послѣ приведеннаго, появился новый отзывъ о Побѣдоносцевѣ, принадлежащій С. Любошу. Положительно затрудняешься сказать, чего больше въ этомъ отзывѣ—ненависти-ли, злобы и безпардонной клеветы или убожества въ пониманіи авторомъ того предмета, о которомъ онъ судитъ съ претензіями, однако, на серьезность, на глубокомысліе. Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ обширной статьи С. Любоша. «Человѣкъ видитъ жизнь,—философствуетъ г. Любошъ,—только сквозь призму своей собственной души. И сквозь эту призму люди представлялись Побѣдоносцеву жалкими животными, низменными и презрѣнными, и судьбы человѣчества представлялись ему въ видѣ безсловеснаго стада презираемыхъ, съ одной стороны, и жестокой стаи властителей—съ другой... Онъ ненавидѣлъ просвѣщеніе, ненавидѣлъ гуманность, ненавидѣлъ самую любовь и людей потому, что его собственная душа неустанно твердила ему, что люди недостойны ни просвѣщенія, ни свободы, ни любви, ни даже справедливости. Онъ былъ русскимъ человѣкомъ и по себѣ, по своей уродливой душѣ, судилъ о русскихъ людяхъ и ненавидѣлъ, и презиралъ Россію такъ же безгранично, какъ его товарищъ фонъ-Плеве. Онъ видѣлъ въ русскомъ народѣ лишь безсловесное грязное стадо... Въ скотской «инерціи» видѣлъ онъ единственный смыслъ русской исторіи. Въ лицѣ Побѣдоносцева старая Россія похоронила своего князя тьмы, ненависти и невѣрія... Умеръ онъ, оставивъ невѣдомокому милліоны денегъ, собранныхъ имъ съ голодающаго народа» [1])...

Какъ выше и замѣчено, не замедлили проявить къ почившему злобу свою и ненависть кіевскіе и одесскіе радикальные

[1]) Гнусную басню о, яко бы, оставленныхъ Побѣдоносцевымъ милліонахъ перебалтывали разныя газеты лѣваго лагеря, причемъ нѣкоторыя категорически утверждали, что милліоны (шесть) завѣщаны имъ на постройку новыхъ тюремъ. Съ особенною подробностью и спеціально по поводу этой басни распространился Е Исаковъ въ „Кіев. Голосѣ" (№ 78), дѣлая изъ несуществующаго факта пошлые выводы и заключенія. Въ поднесеніи читателямъ несуразной выдумки о «кощунственномъ завѣщаніи» одно изъ двухъ—или форменная «скорбность главы» разныхъ Исаковыхъ или сознательное одурманиваніе публики въ разсчетѣ на ея крайнее легкомысліе. Противъ басни о шести милліонахъ спеціально высказался Гарасъ Трясило въ «Гол. Волыни» (см. № 61-й).

публицисты. Не скрывали они и чувства глубокаго облегченія, вызваннаго въ нихъ вѣстію о кончинѣ К. Петровича. «Кіев. Голосъ» въ № 68 *отъ 11-го числа* въ передовой статьѣ писалъ: «Вѣсть о смерти Побѣдоносцева не вызоветъ въ мыслящей, передовой Россіи ни одного вздоха сожалѣнія. Скажемъ болѣе, она принесетъ что-то въ родѣ облегченія, словно одинъ изъ страшныхъ кошмаровъ, окутывавшихъ русскую жизнь, разсѣялся... Побѣдоносцевъ являлся главнымъ вдохновителемъ той политики народнаго помраченія, безпощадной борьбы со всякимъ лучемъ свѣта и свободы, которая наполняла русскую жизнь съ восьмидесятыхъ годовъ... Онъ умеръ теперь, проживъ долгую жизнь, полную рѣдкой власти и возможностей. Онъ не былъ рабомъ, зарывшимъ свой талантъ, но онъ поступилъ со своимъ талантомъ хуже—онъ употребилъ его во зло своему народу».—Въ «Одесск. Новостяхъ» нѣкто *Лоэнгринъ* по поводу смерти Побѣдоносцева, а «вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ онъ выражается, и смерти системы старой русской жизни, высказалъ такое пророчество и притомъ въ непоколебимо увѣренномъ тонѣ: «Мы, вѣря въ свѣтлые наступающіе горизонты новой жизни для нашей страны, забудемъ то мѣсто, гдѣ лежитъ похороненная на вѣки эта система и не придемъ къ ней на поклоненіе. У молодой Россіи есть другія и дорогія могилы. Къ этимъ дорогимъ могиламъ не заростетъ народная тропа. А къ могилѣ Побѣдоносцева она заростетъ завтра же» (7, 177) [1]).

Столь необыкновенная рѣшительность и увѣренность тона, съ которыми *Лоэнгринъ* изрекъ, можно сказать, отъ лица всей левой печати [2]) свое пророчество о смерти, въ лицѣ Побѣдоносцева, «системы старой русской жизни», совершенно справедливо объясняется слѣдующими строками *Н О.* въ «Колоколѣ» «Оцѣнить Побѣдоносцева, понять его мысль и волю могутъ только люди, преданные всѣмъ сердцемъ и всею душой *русской идеѣ* (курсивъ автора). Не такова наша «руководящая», обслуживающая такъ называемое «интеллигентное» общество, печать.

---

[1]) Нелишне замѣтить, что лѣвыя газеты имѣютъ особую склонность къ пророчествамъ на счетъ «тропъ» къ могиламъ выдающихся людей. Такъ, они съ большою увѣренностью предсказывали о скоромъ забвеніи русскимъ народомъ могилы о. Іоанна Кронштадтскаго и о вѣчномъ памятованіи имъ, народомъ, могилы гр. Л. Толстого. Но можно-ли, въ виду того, о чемъ краснорѣчивѣйшимъ образомъ свидѣтельствуетъ дѣйствительность, безъ конфуза за пророковъ вспоминать объ этихъ ихъ пророчествахъ?..

[2]) Для примѣра укажемъ хотя на либеральный «Гол. Правды». Здѣсь *Пиратъ* выразилъ (въ № 437): «Тотъ крестъ, который ставится на могилѣ Побѣдоносцева, будетъ крестомъ и надъ всѣмъ нашимъ прошлымъ».

Эти общество и печать отрицаютъ русскую самобытность, не видятъ въ ней ничего, кромѣ варварства и мрака. Передѣлка Россіи въ «большую Болгарію» или въ Австро-Венгрію—вотъ ихъ идеалъ. И эти наши западники увѣрены, что побѣда на ихъ сторонѣ. Вѣдь конституція попрала «бюрократизмъ», а бюрократизмъ и русскій идеалъ для нихъ одно и то же. Константинъ Петровичъ для нихъ не болѣе, какъ представитель этого отжившаго, бюрократическаго міра. Сообразно съ этимъ они и реагируютъ на фактъ кончины этого великаго человѣка. Эта смерть для нихъ какъ бы символъ ихъ, западниковъ, побѣды и пораженія русскаго идеала. Одни изъ «побѣдителей» стараются держать себя въ предѣлахъ приличія, другіе изъ этихъ границъ выходятъ, но всѣ обнаруживаютъ самое жалкое непониманіе основъ міровоззрѣнія Константина Петровича. Этотъ колоссъ русской мысли и русской воли рѣшительно не по плечу жалкимъ пигмеямъ, мнящимъ себя наканунѣ господства надъ величайшимъ въ мірѣ православнымъ царствомъ» (№ 337).

Въ «Петерб. Газетѣ», печатавшей о личности Константина Петровича симпатичные отзывы, а о дѣятельности разнорѣчивые, скорѣе отрицательные, встрѣчается слѣдующее очень справедливое замѣчаніе одного изъ ея сотрудниковъ (*Осы*): «Замѣчательно, что никто изъ оберъ-прокуроровъ для духовенства такъ много не сдѣлалъ, какъ Побѣдоносцевъ (онъ выхлопоталъ жалованье духовенству, открылъ закрытыя Толстымъ малоприходныя церкви, далъ церковно-приходскія школы въ руки священникамъ), но никому такой неблагодарности и хулы не извергало россійское духовенство (въ лицѣ, конечно, отдѣльныхъ его членовъ, добавили бы мы), какъ именно Побѣдоносцеву» (№ 70).

Въ этомъ отношеніи, т. е. въ отношеніи хулы, поношенія имени Константина Петровича, со стороны духовенства особенно отличился архимандритъ Михаилъ (Семеновъ—еврей по происхожденію, впослѣдствіи лишенный сана и сбѣжавшій въ расколъ). Недавно трепетавшій самаго имени Побѣдоносцева, этотъ іудей поднялъ теперь голову, заговорилъ о почившемъ пренебрежительно, съ безграничнымъ высокомѣріемъ, стараясь сколь возможно сильнѣе лягнуть мертваго льва своимъ ослинымъ копытомъ.

По словамъ Михаила, напечатаннымъ въ «Стол. Почтѣ», Побѣдоносцевъ «изуродовалъ душу и тѣло страны, на цѣлое столѣтіе остановилъ ея движеніе, «заморозилъ» въ ней всякую

жизнь, всякое движеніе мысли... Психологія умершаго государственнаго дѣятеля представляетъ собой интереснѣйшій глубокій типъ. Это—грандіозная фигура нигилиста-отрицателя. Больше и опредѣленнѣе: это—душа, глубоко, трагически-атеистическая, одинаково и въ его церковной и политической дѣятельности»... «Мечта», которою «жилъ» Побѣдоносцевъ, это—«раздавить въ народѣ всѣ намеки на его собственную «свою» духовную жизнь... Рядомъ съ этимъ—наркозъ, одурманиваніе народа, искусственное затемненіе его сознанія. Этой цѣли служила школа, литература, эта задача была возложена на церковь. У Побѣдоносцева, несомнѣнно, было достаточно атеистическаго цинизма на такое дѣло... Онъ былъ увѣренъ, что жизнь церкви можно поддержать только обманомъ и насиліемъ... Гналъ сектантовъ, отнималъ у нихъ дѣтей» [1])... Приписывая Побѣдоносцеву «атеистическій цинизмъ», «циническій нигилизмъ», архим. Михаилъ, предупреждая возможность указанія ему на глубокую личную религіозность Константина Петровича, спѣшитъ изречь: «въ этомъ и сила истинно-атеистической психики: распять въ кабинетѣ того Бога, которому въ молельнѣ только что молился» (№ 136).

Гнусную, клеветническую и, правду сказать, довольно-таки нелѣпую статью архимандрита изъ іудеевъ, съ отзывомъ о Константинѣ Петровичѣ красная печать усиленно популяризировала а нѣкоторыя газеты этого лагеря (напр., «Донъ», № 58, «Уссур. Край», № 63) перепечатали ее у себя съ буквальною точностью.

Чувства вражды, злобы, ненависти по отношенію къ Константину Петровичу лѣвая пресса рѣзко проявила въ нѣкоторыхъ своихъ органахъ и въ самый день похоронъ его, т. е. 13 марта. Съ этой стороны особенно отличились газеты провинціальныя.

Изъ петербургскихъ газетъ въ день похоронъ Побѣдоносцева всякое приличіе по отношенію къ почившему отбросила лишь одна газета—сейчасъ цитированная «Столич. Почта», не устыдившаяся напечатать у себя уже извѣстную намъ гнусную статью архим. Михаила. Другія петербургскія газеты писали о Побѣдоносцевѣ въ сдержанномъ тонѣ.

Армяно-еврейскій «Товарищъ», принадлежавшій «восточному человѣку» г. Ходскому, помѣстилъ (въ № 214) статью Л. Львова, который въ самоувѣренномъ тонѣ знатока дѣла разсказываетъ, какъ Побѣдоносцевъ старался противодѣйствовать введенію у

---

[1]) Гнуснѣйшая ложь и клевета, давно изобличенныя и о которыхъ—думаемъ—и сами сектанты-то давно забыли.

насъ «конституціи», какъ и какую «велъ кампанію противъ Витте» и, наконецъ, особенно подробно говоритъ о борьбѣ его съ Госуд. Думою. «Разгонъ» первой Думы г. Львовъ приписываетъ главнымъ образомъ вліянію Побѣдоносцева.—Въ «Петерб. Газетѣ» В. Авсѣенко хотѣлъ, очевидно, проявить свою серьезность и основательность въ сужденіи о Побѣдоносцевѣ. Въ ст. «Историческая личность» (№ 70) онъ распространился о «преждевременномъ старчествѣ» Побѣдоносцева, благодаря которому все «молодое, живое, полнокровное производило на него впечатлѣніе соблазнительнаго крика, нарушающаго благопристойную тишину общественности. Нельзя сомнѣваться (?), пишетъ г. Авсѣенко, что Побѣдоносцеву хотѣлось бы видѣть Россію громадною обителью, гдѣ жизнь прилежно и стройно налажена суровою властью благодостойныхъ старцевъ. Въ той же статьѣ г. Авсѣенко приписываетъ Побѣдоносцеву «презрѣніе къ новой европейской цивилизаціи» [1]).

Въ «Гол. Правды» *Пиратъ* выставляетъ Побѣдоносцева заядлымъ бюрократомъ, по взгляду котораго, «все государство раздѣлялось на власть и народъ, который не имѣетъ не только права голоса, но даже и права стона... Народъ созданъ быть вѣчнымъ младенцемъ, онъ долженъ быть постоянно подъ заботливымъ попеченіемъ власти... Понятно, что общественное мнѣніе дѣтей, изъ которыхъ состоитъ весь народъ, не можетъ имѣть никакого значенія. ...Представительницей общественнаго мнѣнія является газета, и, конечно, противъ нея были направлены всѣ стрѣлы Побѣдоносцева (№ 437-й)...—Въ большинствѣ петербургскихъ газетъ подъ 13 марта сдѣланы лишь болѣе или менѣе подробныя репортерскія замѣтки о похоронахъ Константина Петровича. Въ замѣткахъ этихъ сообщалось не одно только то, что было, но и чего совсѣмъ не было и даже не предполагалось. Такъ, напр., «Бирж. Вѣд.» замѣтку свою о похоронахъ Константина Петровича заканчиваютъ словами: «въ церкви во время обѣдни и предъ отпѣваніемъ у гроба К. П. были сказаны рѣчи» (№ 9.793). Эти рѣчи, вѣроятно, приснились репортеру. Въ дѣйствительности ихъ, согласно волѣ К. П., не было ни одной.

[1]) Не понимаемъ, зачѣмъ старому публицисту г. Авсѣенко понадобилось облечь въ неподходящія, рѣжущія ухо фразы, мысль въ сущности вѣрную и которую гораздо лучше его выразилъ предсѣдатель кіевскаго религіозно-просвѣтительнаго общества, прот. Гр. Прозоровъ въ рѣчи при открытіи собранія общества 18 марта. По характеристикѣ о. Прозорова, «Побѣдоносцевъ всю свою дѣятельность посвятилъ тому, чтобы сдѣлать Россію богобоязненною, трезвою, трудолюбивою, культурно-христіанскою въ духѣ и по уставамъ православной Церкви» («Кіевлянинъ», № 97-й)

Въ Москвѣ въ день похоронъ Константина Петровича амплуа архим. Михаила въ роли хулителя почившаго занялъ В. Варваринъ, сотрудникъ «Р. Слова». Сей публицистъ подготовилъ къ 13 марта обширнѣйшую статью, едва ли не въ полтысячи строкъ. Въ статьѣ этой (№ 58) авторъ, дѣлая общую характеристику К. Петровича, говоритъ, что впечатлѣніе, получавшееся отъ «общеизвѣстнаго портрета его, для Россіи всегда было «угроза» и „препятствіе". «Не надо», «остановить», «затруднить»—въ этомъ состояла вся «система» его... Знаменитое щедринское «тащить и не пущать» ни къ которому бюрократу и ни къ одному вѣдомству такъ не приходилось,—«какъ форма, сшитая по мѣркѣ, какъ къ К. П. Побѣдоносцеву и его «духовному вѣдомству». Здѣсь, дѣйствительно, все «тащилось и не пущалось»... Самыя сложныя учрежденія и отдаленныя, такъ сказать, вкрадчивыя мѣры принимались къ тому, чтобы не только за свой вѣкъ и отъ себя лично «тащить и не пущать», но чтобы и послѣ будущее поколѣніе было, такъ сказать, скована этими мѣрами и, получивъ опредѣленныя учрежденія въ наслѣдство, тоже уже невольно вынуждено было «тащить» и «не пущать». Таковы были его церк.-пр. школы. Таковы были его свѣтскіе миссіонеры. При помощи первыхъ онъ намѣренъ былъ вымести «вольный духъ» изъ народной школы, заведенный въ нихъ земствами и земскими учителями... Учрежденіемъ свѣтскихъ миссіонеровъ... у насъ положено было начало инквизиціи. Сомнѣнія не было: съ Побѣдоносцевымъ, съ его именемъ соединена была громада чего-то темнаго, мрачнаго, жестокаго, что надвинулось на Россію и упорно не хотѣло уйти. По этому основному и общему впечатлѣнію, ложившемуся отъ *дѣлъ* (курсивъ автора) его, въ Россіи составилось представленіе о *лицѣ* Побѣдоносцева, какъ о чемъ-то въ основѣ всего сухомъ... Сухомъ и черствомъ, недвижномъ и строгомъ, неумолимомъ и «богомольцѣ», немножко «ханжѣ», даже очень «ханжѣ».—Богу молиться и дѣлать скверныя дѣла.—Это стояло надъ нимъ черною дощечкою съ краткой надписью цѣлыя десятилѣтія... И онъ этой «дощечки» не снималъ, не дѣлалъ ничего, чтобы ее отстранить или замѣнить»...

Дописавшись до «черной дощечки» надъ Побѣдоносцевымъ съ надписью на ней: «Богу молиться и дѣлать скверныя дѣла», г. Варваринъ переходитъ къ описанію внѣшняго вида Константина Петровича. Размалевывая внѣшность послѣдняго, г. В-нъ проявилъ неряшливость, свойственную лишенному чувства всякаго приличія маляру. При чтеніи описанія В—мъ внѣшности

Побѣдоносцева, намъ казалось, что мы слушаемъ неряху, ораторствующаго на тему о чистоплотности. Для неряхи такая тема непосильна, она выше его пониманія и предъ ней онъ окажется смѣшнымъ и жалкимъ.

Хотѣлось бы думать, что г. Варваринъ самъ устыдился: того что наговорилъ о Побѣдоносцевѣ и въ частности о его внѣшности. Чрезъ двѣ недѣли, именно 27 марта, онъ пишетъ въ томъ же «Руск. Словѣ» (№ 76) и такую же огромную статью, посвященную Побѣдоносцеву. Въ этой статьѣ авторъ передаетъ совсѣмъ иное, намъ уже извѣстное, впѣчатленіе отъ личности Побѣдоносцева (стр. 23)

Московская же газета—«Русскія Новости» на вопросъ: «Что сказать о Побѣдоносцевѣ?» отвѣчаютъ (въ передовой статьѣ): «Онъ былъ апостоломъ тѣхъ бюрократическихъ цѣпей безправія и рабства, подъ гнетомъ которыхъ изнывала Россія... Онъ былъ гонитель свѣта (указывается на преслѣдованіе газетъ, на отлученіе Толстого). Фраза П. И Леонтьева. «Россію надо *подморозить*» (курсивъ газеты) служила для Побѣдоносцева, какъ бы программою, и эту программу онъ всецѣло положилъ въ основу своего политическаго міросозерцанія».

Вышеприведенными отзывами о К. П Побѣдоносцевѣ, какъ о государственномъ и церковномъ дѣятелѣ, данными въ лѣвомъ лагерѣ печати, далеко еще не уясняется вся сила или вся степень злобы и ненависти къ нему, царившія въ этомъ лагерѣ, не исчерпывается и вся та ложь и клевета, что распространялись о немъ изъ того же лагеря. Въ нижеприводимыхъ отзывахъ, заимствованныхъ по преимуществу изъ газетъ провинціальныхъ, проявлено по отношенію къ Побѣдоносцеву, если такъ можно выразиться, публицистическаго безстыдства нисколько не меньше, чѣмъ въ газетахъ столичныхъ. Въ то же самое время по этимъ отзывамъ можно судить, какою огромною фигурою, какимъ колоссомъ въ словѣ и дѣлѣ представлялся Побѣдоносцевъ и заклятымъ врагамъ своимъ.

И въ указанномъ и въ разныхъ другихъ отношеніяхъ особенно характерны слѣдующіе отзывы. Въ газетѣ «Донъ» въ отдѣлѣ «Ежедневная бесѣда» читаемъ: «Умеръ Побѣдоносцевъ... Ушла изъ жизни живая фигура, которая давала тонъ этой жизни въ теченіе многихъ—многихъ тяжелыхъ лѣтъ, которыя кошмаромъ давили самыя легкія проявленія жизни—Дышите, но такъ, чтобы дыханія вашего не было слышно! Не смѣйте вздохнуть, не смѣйте издать стона, не смѣйте улыбнуться! Вотъ политика великаго инквизитора, которымъ былъ все время По-

бѣдоносцевъ... Живучій, жадный до власти, Побѣдоносцевъ распространилъ свое вліяніе на всѣ сферы русской жизни и не духовнаго вѣдомства. Онъ былъ страшенъ и вѣдомству юстиціи, и военному, и вѣдомству просвѣщенія... Вѣнцомъ дѣятельности Побѣдоносцева было отлученіе отъ церкви Л. Толстого»... (№ 55-й).— По характеристикѣ «Астрах. Листка» (№ 57-й), Побѣдоносцевъ «былъ изъ тѣхъ, которымъ природа и обстоятельства дали страшно много, такъ много, что изъ этого матеріала могла бы выковаться сила, способная сдвигать горы невѣжества и бѣдности. Но К. П. Побѣдоносцевъ, къ несчастію для русскаго народа и къ несчастію для своего имени, былъ изъ тѣхъ сильныхъ людей, которые въ упоеніи сознанія своей силы, задавались честолюбивыми и несбыточными мечтами—остановить колесницу исторіи». Такую свою характеристику Побѣдоносцева газетка заключаетъ слѣдующимъ, возбуждающимъ невольную улыбку пророчествомъ: «остается глубоко пожалѣть, что этотъ крупный человѣкъ оставитъ въ лѣтописяхъ русскихъ не свѣтлый, а темный слѣдъ,—не память Архимеда, а память Герострата».—Издается въ гор. Астрахани и другая газета, близко родственная по духу «А. Листку», это—«Астр. Вѣстникъ». Въ этой газетѣ, въ № 5224, сотрудникъ ея, А Игнатьевъ съ большого, какъ говорится, высока смотритъ на Побѣдоносцева и отзывается о немъ съ сожалѣніемъ. Онъ пишетъ: «Умеръ Побѣдоносцевъ. Незамѣтно, такъ, между прочимъ, умеръ тотъ, чье имя тяжелымъ кошмаромъ давило русскую землю нѣсколько десятилѣтій... Въ государственной жизни страны его роль была ролью мертвеца, холодной костлявой рукою душившаго все живое, все, что носило въ себѣ признаки роста, развитія, прогресса... Мертвецъ! Онъ хотѣлъ сдѣлать изъ Россіи тихую, безмятежную, безмолвную, темную, холодную могилу».

Извѣстный уже намъ хулитель Побѣдоносцева Лоэнгринъ въ «Одесск. Новост.» высказалъ: «проходя мимо дома (въ которомъ жилъ П-въ), прохожій какъ-то инстинктивно ускорялъ свои шаги. Скорѣе миновать это мѣсто. Хозяинъ этого дома глядѣлъ изъ оконъ на шумно бѣгущую вокругъ него жизнь и обдумывалъ планы, какъ бы ее сократить, не только, конечно, жизнь улицы, но жизнь всего города, жизнь всей Имперіи».. Идеи Побѣдоносцева господствовали надъ страной, «приводя ея общественную мысль и самосознаніе въ состояніе полнаго оцѣпенѣнія въ теченіе десятилѣтій». По оцѣнкѣ Л-на, у Побѣдоносцева, говоря попросту, не хватало винта, чтобы понять современный ему моментъ въ жизни страны. «Исторія имѣетъ

свои законы, выкладываетъ Л-нъ азбучныя истины, но люди реакціоннаго направленія съ этимъ не считаются (будто бы?)... У властныхъ сильныхъ людей реакціоннаго направленія просто-напросто въ мозгу отсутствуетъ клѣточка пониманія логическаго хода историческихъ вещей. Они убѣждены, что можно не только задержать на время, но вообще остановить ходъ исторіи». Такимъ реакціонеромъ Л-нъ считаетъ и Побѣдоносцева. Очень понятно признаніе Л-на и за себя и за всѣхъ другихъ «Лоэнгриновъ», ускорявшихъ шаги, проходя мимо дома, въ которомъ жилъ Побѣдоносцевъ, что со смертію послѣдняго они «вздыхаютъ облегченною грудью» (№ 7178).

Насколько понятно признаніе Лоэнгрина на счетъ «облегченныхъ вздоховъ» его единомышленниковъ со смертью К. Петровича, настолько же вздорнымъ и нелѣпымъ представляется слѣдующее заявленіе газеты «Эхо». Въ ней, въ № 52-мъ, читаемъ: «все, что только есть темнаго и тяжелаго въ области нашей внутренней политики за все премя усиленной реакціи, т. е. съ 1883 г., все это связано съ именемъ Побѣдоносцева. Съ его смертью изъ *многихъ русскихъ сердецъ* (нашъ курсивъ) вырвется облегченный вздохъ»... Сразу видно, какихъ «русскихъ сердецъ» «Эхо» является эхомъ.

Лоэнгринъ, какъ видѣли мы, думаетъ, что въ мозгу Побѣдоносцева «отсутствовала клѣточка пониманія логическаго хода историческихъ вещей». Совсѣмъ иначе, чѣмъ Лоэнгринъ, понимаетъ и самого Побѣдоносцева, и цѣль, и смыслъ его дѣятельности сотрудникъ «Таганр. Вѣстника» А. Ростовцевъ. Этотъ высказалъ: «Побѣдоносцевъ былъ искусный мастеръ, въ то же время отдававшій себѣ отчетъ въ дѣйствительномъ положеніи вещей. Онъ вѣрно оцѣнивалъ дѣйствительность и не на минуту не сомнѣвался въ естественномъ концѣ стараго строя. Цѣль его была отдалить этотъ конецъ во что бы то ни стало и насколько возможно дальше, и онъ успѣлъ въ этомъ. Россія задержана имъ почти на 30 лѣтъ въ своемъ политическомъ и гражданскомъ развитіи и приведена къ позорной русско-японской войнѣ. Побѣдоносцевъ былъ крѣпкой палкой въ историческомъ колесѣ Россіи... злымъ геніемъ государства. Для несчастной страны было бы во сто кратъ лучше, еслибы Побѣдоносцева у насъ совсѣмъ не было... Жалѣть объ его смерти не приходится» (№ 51).

«Приазов. Край» въ передовой своей статьѣ, отзываясь на смерть К. Петровича, высказался, между прочимъ, такъ: «Умеръ великій столпъ россійской реакціи, великій инкви-

зиторъ русской общественности Побѣдоносцевъ... Онъ былъ душа камарильи, постоянный засѣдатель «звѣздной палаты». Покойный ненавидѣлъ всякую общественность — во всѣхъ ея проявленіяхъ — печать, самоуправленіе и т. д. Вся его эрудиція, весь умъ были направлены на подавленіе всякаго проблеска общественной мысли въ Россіи» (№ 69).— По словамъ газетки «Курортъ», Побѣдоносцевъ былъ «однимъ величайшихъ противниковъ какихъ бы то ни было свободъ. Его тяжелая рука въ теченіе 25 лѣтъ сказывалась на всемъ нашемъ государственномъ управленіи, его имя неразрывно связано съ созданіемъ у насъ громадной зависимости между церковью и государствомъ. Этотъ «пергаментный» старецъ умѣлъ давить все живое и молодое въ жизни русскаго государственнаго и общественнаго строя. По мановенію его руки у насъ началось одно время гоненіе на земскія и частныя школы въ въ центрахъ Россіи и распространеніе церковно-приходскихъ школъ, по его же повелѣнію былъ отлученъ отъ церкви и гр. Левъ Толстой». Какъ на отрицательную черту въ Побѣдоносцевѣ газетка указываетъ на то, что «для него главная опора общественной и государственной жизни была вѣра, съ которой неразрывно связана церковь и церковный обрядъ» (№ 50).

Въ представленіи автора передовой статьи въ еженедѣльной газетѣ «Южн. Новости», Побѣдоносцевъ былъ вѣрный церберъ, стоявшій на стражѣ у входа въ подземелье, гдѣ въ цѣпяхъ и ярмѣ, бичуемая и мучимая, страдала и томилась свобода... изувѣръ, гаситель, геній тьмы. Какъ Люциферъ, боявшійся свѣта, онъ посылалъ проклятія повсюду, откуда исходитъ свѣтъ и даже самого Толстого предалъ проклятію и отлученію». Окидывая «съ вершины свѣжаго (намогильнаго) холма печальнымъ окомъ пепелища и дымящіеся костры, созданные и возведенные рукою этого колосса реакціи», авторъ на счетъ Побѣдоносцева, «расширившаго произвольно компетенціи свои съ поста оберъ-прокурора Синода до размѣровъ диктатора или канцлера», относитъ разореніе, обнищаніе народа, «стонъ инородца, задавленнаго чертами осѣдлости»... Онъ же, Побѣдоносцевъ, яко-бы, «вторично распялъ Христа и надругался надъ Нимъ», исказивъ Его ученіе о любви, правдѣ и свободѣ, обратилъ Церковь въ «молельню при участкѣ», «выхолостилъ» земство и судъ присяжныхъ, благоволилъ, оказывалъ поддержку «чернымъ силамъ», чоднявшимся на грабежи и убійства и «омрачившимъ минувшій (т. е. 1906-й годъ) потоками слезъ и моремъ крови... Наша жалкая конституція и наши окровавленныя свободы—всѣ но-

лятъ на себѣ печать его генія» Кончается эта жалкая передовица слѣдующимъ суровѣйшимъ даже до... смѣшного и въ самой рѣшительной формѣ приговоромъ: «мы ставимъ (Побѣдоносцева) на одну доску съ великими геніями зла и тьмы, какіе только существовали въ мірѣ» (№ 8-й).

До какой степени бѣшенства, цинизма, утраты всякаго нравственнаго чувства доходила лѣвая пресса въ отзывахъ своихъ о Побѣдоносцевѣ, изъ многихъ яркихъ тому примѣровъ особенно яркими должно счесть слѣдующіе.

Въ № 71-мъ «Паруса» отъ 6-го мая за подписомъ О. напечатана статья подъ заголовкомъ—«Зловѣщая тѣнь». Что это за статья, извольте судить объ этомъ по слѣдующимъ изъ нея выдержкамъ. Авторъ статьи спрашиваетъ: «какія мысли, какіе образы возникаютъ у насъ при имени Константина Петровича Побѣдоносцева»? и отвѣчаетъ: «Назвать это презрѣнное имя,—значитъ, вызвать въ памяти зловѣщую тѣнь величайшаго преступника земли русской, преступника, равнаго которому нельзя найти ни въ какомъ чудовищномъ уголовномъ процессѣ, ни въ какомъ учебникѣ судебной психопатологіи, ни на какихъ кровавыхъ страницахъ исторіи. Побѣдоносцевъ, это—не имя даже, а синонимъ той громады зла, которое взрощено и развито абсолютизмомъ и отъ котораго страдала, страдаетъ и будетъ еще долго страдать Россія ...Побѣдоносцевъ не можетъ умереть въ Россіи... Побѣдоносцевъ—не обыкновенный индивидъ. Это—коллективъ, это—многоликое, многодушное чудовище, которое, тлѣя, будетъ жить еще долго.. Рано писать біографію Побѣдоносцева. Рано писать его исторію. Рано давать и его характеристику. Можно теперь дать объ этомъ «человѣкѣ» только памфлетъ».

И какъ обрадовался О., встрѣтивъ памфлетъ о Побѣдоносцевѣ, выпущенный въ началѣ мая, въ видѣ брошюры, книгоиздательствомъ «Шиповникъ». Памфлетъ написанъ живущими за-границей политическими преступниками А. Амфитеатровымъ и Е. Аничковымъ [1]). О. жалѣетъ и очень, лишь о томъ, что книга, написанная еще при жизни К. П., случайно вышла въ свѣтъ послѣ смерти Побѣдоносцева По признанію О., то, что написалъ о Побѣдоносцевѣ Амфитеатровъ, «несомнѣнно, есть лучше изъ всей, посвященной (послѣ 17 октября) Побѣдоносцеву литературы». Что же доказывается въ «блестящемъ» пам-

[1]) Чтобы имѣть надлежащее представленіе объ этихъ пасквилянтахъ, нужно знать, что они масоны, принадлежащіе къ ложѣ «Космосъ» По сообщенію «Нов. Вр.», оба они еще въ 1906 г. (16-го мая) посвящены были въ масонскую степень ученика (см. «Колоколъ», 6 янв 1912 г. № 1726-й).

флетѣ о Побѣдоносцевѣ? А то,—видите-ли,—что Побѣдоносцевъ—«нелѣпая галлюцинація, дикій кошмаръ русской исторіи»... Но послушайте, однако, самого автора памфлета и подивитесь его, если такъ можно выразиться, политическому безстыдству.

Амфитеатровъ говоритъ о Побѣдоносцевѣ какъ литераторѣ, ученомъ и государственномъ дѣятелѣ. По суду А—ва, «въ произведеніяхъ Побѣдоносцева ни одной непосредственной мысли, ни одной искры живого пылкаго чувства,—все мертвыя схемы, пустота общихъ мѣстъ, сдобренныхъ ловкими цитатами... Все—заказныя надписи на поваленныхъ гробахъ! Какой это авторъ,—восклицаетъ А—въ,—это—просто экспропріаторъ заплѣсневѣлыхъ библіотекъ... Побѣдоносцевъ—государственный дѣятель!.. Но какой? Онъ «человѣкъ приказа и опричнины... Только приказнаго съ опричникомъ и понялъ онъ въ русской исторіи, и только приказный съ опричникомъ дороги ему въ русской дѣйствительности ...Онъ медленное убійство въ средѣ правящихъ и медленная смерть среди управляемыхъ... Опора и подстрекатель, адвокатъ и апологетъ смертной казни, Побѣдоносцевъ былъ несмѣняемымъ палачемъ Россіи въ теченіе 25 лѣтъ, государственнымъ вампиромъ... Какъ церковный дѣятель, Побѣдоносцевъ является величайшимъ богоубійцей во всей русской исторіи. Никто болѣе его не сѣялъ атеизма и матеріализма въ русской жизни».

Памфлетъ Аничкова—«Побѣдоносцевъ и православная Церковь», по отзыву О., «менѣе ярокъ». Изъ него онъ приводитъ лишь слѣдующія заключительныя слова, внушить которыя могло лишь чувство почти бѣсовской злобы: «Гибло православіе въ костистыхъ пальцахъ кащея—Побѣдоносцева, и расползалась ядовитая мразь по всей Руси... И Иліодоръ, стоголовый и безголовый, изрыгающій скверну, кривляющійся шутъ съ чертовскими когтями на лапахъ и въ святительской рясѣ сталъ единственной надеждой нашей синодальной Побѣдоносцевской церковности»...

И вотъ такой-то памфлетъ, представляющій собою сплошную скверну, О. «настоятельно рекомендуетъ всѣмъ читателямъ и, въ частности, духовенству». «Скверну» эту вслѣдъ за «Парусомъ» усиленно рекомендовали и другія газеты лѣваго направленія, въ особенности же «Слово Правды» и «Р. Слово».

Въ «Словѣ Правды» нашелся свой сотрудникъ въ типѣ подзаборныхъ борзописцевъ, скрывшійся за буквами І. Л. Этотъ І. Л. въ сущности перепечаталъ статью О. изъ «Паруса», только распространилъ ее лишними вставками изъ памфлета Амфитеатрова. Вставки, между прочимъ, направлены противъ мнѣнія

о Побѣдоносцевѣ, какъ умномъ и нравственномъ человѣкѣ. Съ поддѣльнымъ возмущеніемъ памфлетистъ ставитъ вопросы: «Умный человѣкъ, зачеркнувшій движеніе жизни и узаконяющій гнилое упокоеніе могилы? Умный человѣкъ, прославляющій глупость и невѣжество, какъ основныя опоры государства? Умный человѣкъ, мечтающій погасить солнце, любитель тьмы. способный цензурнымъ *veto* зажать творческое «да будетъ свѣтъ!» даже въ устахъ своего Бога?!. Былъ-ли въ христіанской исторіи другой фарисей съ поднятымъ камнемъ, болѣе готовый бросать въ жертву—на зло учителю, котораго онъ цензуруетъ, какъ великій инквизиторъ?.. Да, лучше бы онъ пилъ... держалъ гаремы и серали, лишь бы не былъ... Побѣдоносцевымъ. Публичные дома, игорные дома и кафешантаны, воспитательные дома, переполненные ни въ чемъ неповинными и на 90% обреченными на смерть младенцами,—вотъ они, результаты «высокой нравственности» г. Побѣдоносцева». Къ концу памфлета авторъ его точно осатанѣлъ, и рѣчь его перешла въ дикій, изступленный вопль. «Гдѣ ты, вампиръ, тамъ—смерть! О, великій фабрикантъ ангеловъ, величайшій во всей вселенной! Слава тебѣ... Слава смерти и разложенію, которымъ ты служишь! Слава тебѣ»!.. (№ 113-й отъ 27-го мая).

Борзописцы изъ «Паруса» и «Слова Правды», какъ замѣчено, популяризируя и усиленно рекомендуя изрыгнутую Амфитеатровымъ и Аничковымъ «скверну» изъ памфлета о Побѣдоносцевѣ, постыдились обнаружить себя и подписались лишь начальными буквами. Сотрудникъ «Р. Слова» поднялъ съ лица своего забрало. Подъ статьею (въ № 124-мъ отъ 31 мая) съ глуповатымъ заглавіемъ—«Мышиная гроза» стоитъ подпись «К. Фабіанскій»

Превознося паче всякой мѣры «скверну» Амфитеатрова и Аничкова, К. Фабіанскій рекомендуетъ эту «скверну», между прочимъ, какъ «первое вѣрное слово» о Побѣдоносцевѣ. «Какъ ни много написано было о Побѣдоносцевѣ послѣ его смерти, говоритъ г. Ф—скій, все-таки, онъ не былъ вѣрно расцѣненъ, не былъ правильно понятъ. К. Побѣдоносцева у насъ, видите-ли,—цѣнили и цѣнятъ не по его собственной внутренней величинѣ, а по тому мѣсту, которое онъ занималъ... У насъ, русскихъ, положительно, нѣтъ мѣрки для опредѣленія величины государственныхъ людей», ибо у насъ, по увѣренію г. Ф—го, не было великихъ государственныхъ людей. Были «сотни именъ, но ни одной *личности*, ни одной крупной, даже замѣтной (не по мѣсту, а по себѣ) фигуры... Немудрено, что среди такихъ «государственныхъ» людей сразу и такъ выгодно для себя выдѣлился

человѣкъ съ профессорскимъ прошлымъ. Общество же у насъ въ своей массѣ—достойный плодъ воспитавшей его системы. Мы привыкли къ тому, чтобы насъ били и давили... Такъ ничтожествомъ окружающихъ и рабскою забитостью общества, собачьею покорностью послѣдняго былъ раздутъ, расцвѣченъ, преувеличенъ до зловѣщей фигуры великаго инквизитора Россіи Побѣдоносцевъ». Когда умеръ Побѣдоносцевъ, на него всѣ продолжали смотрѣть съ «трепетнымъ благоговѣніемъ» и «надъ гробомъ своего страшилища говорили *мышиныя* рѣчи (курсивы автора), слали въ могилу *мышиныя* проклятья. Досадны эти *мышиныя* слова, *мышиная философія, мышиное* ничтожество забитыхъ рабовъ... Тѣмъ интереснѣе, тѣмъ дороже среди общаго мышинаго писка громкое, можетъ быть, даже рѣзкое, но за то настоящее, «человѣческое» слово о давившихъ кошачьихъ когтяхъ».

К. Фабіанскаго въ Амфитеатровѣ, какъ авторѣ памфлета, восхищаетъ собственно то, что онъ по его, г. Ф—го, признанію, «первый посмотрѣлъ безъ мышинаго трепетнаго благоговѣнія на душившіе страну кошачьи когти... и каждою строкою своей статьи (памфлета) протестуетъ противъ прозвища К. Побѣдоносцева великимъ инквизиторомъ».—«Это не великій инквизиторъ,—говоритъ А. Амфитеатровъ.—Это—карикатура на инквизитора. Это—инквизиторъ-карликъ».—Въ дальнѣйшемъ высказывается, что этотъ «карликъ-инквизиторъ ни во что не вѣрилъ. Больше: ничего не любилъ. Все презиралъ. И, вѣроятно, сильнѣе всѣхъ самого себя. Это былъ въ самомъ полномъ смыслѣ безъидейный человѣкъ. И, если хотите, менѣе всего—патріотъ»... Вліяніе, могущество Побѣдоносцева объясняется въ памфлетѣ единственно тѣмъ, что онъ говорилъ, совѣтовалъ, предлагалъ, *не свое*, а то, что было желательнымъ вверху. Тамъ, вверху онъ, «упрямый и грубо-рѣзкій внизу, былъ мягокъ, гибокъ, уступчивъ и угодливъ. И его цѣнили. Его ставили высоко. И онъ былъ *persona gratissima*, и потому *potentissima*». Независимо же отъ положенія, «самъ по себѣ К. Побѣдоносцевъ былъ самою дюжинною, заурядною личностью... И какъ жестоко судьба отмстила Побѣдоносцеву. Онъ пережилъ самого себя. Видѣлъ еще при жизни полный крахъ своей системы... Строилъ—строилъ, громоздилъ—громоздилъ, думалъ, что создалъ прочную башню темницу для великаго народа, а шевельнулся народъ, и вся побѣдоносцевская громада рушилась въ груду мусора. Изъ мусора, стало быть, все строилось. Мусорный былъ и строитель. И какими мусорными людьми надо быть, чтобы мусорщика, хотя бы и

стоявшаго на вершинѣ власти, счесть съ какой бы то ни было стороны великимъ государственнымъ человѣкомъ».

Ну, какой мусоръ должно предполагать въ головахъ и самого памфлетиста Амфитеатрова и его неистоваго пѣвца и славельщика г. К. Фабіанскаго, если они рѣшились такъ грубо, можно сказать, по базарному отчитывать, не говоря уже о Побѣдоносцевѣ, котораго они безстыдно обзываютъ «мусорщикомъ», «мышинымъ страшилищемъ», но и всѣхъ тѣхъ, кто писалъ о немъ,—наконецъ, все общество... «Мыши», «мышиныя слова», «мышиныя рѣчи», «мышиная философія», «мышиныя проклятья», «мышиное ничтожество»... Что за терминологія у автора статьи!?. По такой терминологіи можно выразиться, что у него у самого «мышиные мозги». Что же касается Амфитеатрова, этого нашедшаго себѣ пристанище за-границей русскаго отъявленнаго революціонера и анархиста и (съ мая 1906 г.) масона, то бѣснованіе его, выразившееся въ его памфлетѣ о Побѣдоносцевѣ, вполнѣ естественно и понятно. Не труднѣе понять и ту легкость, съ которою онъ наряжаетъ нашихъ Фабіанскихъ изъ крайне лѣваго лагеря печати въ шутовскіе кафтаны. Безобразіе, отвратительность этихъ кафтановъ, однако, такъ велика, что не всѣ щеголяющіе въ нихъ ходятъ съ открытымъ лицомъ, какъ К. Фабіанскій, другіе, какъ О. въ «Парусѣ» и І. Л. въ «Словѣ Правды», надѣваютъ маски.

Напрасно, однако, наряженные въ шутовскіе кафтаны заграничнаго издѣлія утверждаютъ, что кафтаны эти лучше, краше изготовленныхъ—скажемъ—внутри Имперіи и что здѣсь такихъ нарядовъ и не умѣли, и не смѣли приготовлять. Кафтаны внутренней, такъ сказать, кройки и шитья, въ своемъ родѣ, также, очень хороши, а есть между ними и первосортные, нисколько не уступающеіе амфитеатровскихъ. Впрочемъ, про кафтанъ, сработанный Амфитеатровымъ, должно замѣтить, что онъ съ изъянцемъ и не малымъ: онъ не вполнѣ оригиналенъ. Кое-что въ немъ можно счесть и своровaннымъ. По памфлету Амфитеатрова, такъ усердно расхваливаемому К. Фабіанскимъ въ «Р. Словѣ» и прежде всего, яко-бы, за его оригинальность, Побѣдоносцевъ былъ «всероссійскимъ урядникомъ, вся политическая мудрость котораго, яко-бы, въ двухъ понятіяхъ. «держать и не пущать».— Но, вѣдь, въ томъ же «Р. Словѣ» В. Варваринъ, какъ это уже и извѣстно намъ, въ самый день похоронъ Побѣдоносцева, высказалъ: «Знаменитое щедринское «тащить и не пущать» ни къ которому бюрократу такъ не приходилось,—«какъ форма сшитая по мѣркѣ», какъ къ К. П. Побѣдоносцеву». Спрашивается теперь.

что же оригинальнаго въ данномъ отношеніи высказалъ о Побѣдоносцевѣ Амфитеатровъ по сравненію съ Варваринымъ?—ровно ничего.

По существу, по главнымъ мыслямъ и весь отзывъ А—ва о Побѣдоносцевѣ предвосхищенъ нашими домашними критиками принциповъ и дѣятельности Константина Петровича. Новаго, что не было бы уже обругано, оплевано нашими доморощенными критиками, въ отзывѣ Амфитеатрова ничего нѣтъ [1]). Даже и со стороны кабацкаго пошиба въ изложеніи мнѣній и сужденій о Побѣдоносцевѣ отзывъ А—ва не является особенною новостью по сравненію съ отзывами, которыми разразились наши домашніе хулители и поносители идеаловъ и дѣятельности Константина Петровича.

Изъ многихъ отзывовъ о Константинѣ Петровичѣ, сдѣланныхъ въ русскихъ газетахъ, которые могли бы быть поставлены рядомъ съ заграничнымъ памфлетомъ Амфитеатрова, по нашему мнѣнію, ближе другихъ къ памфлету оказался бы слѣдующій, напечатанный въ «Стол. Почтѣ» уже послѣ выхода «Шиповника» съ памфлетомъ Амфитеатрова. Отзывъ этотъ, помѣщенный въ № 198-мъ отъ 29-го мая, принадлежитъ нѣкоему В. Анзимірову. Сей Анзиміровъ обозвалъ К. П. Побѣдоносцева такъ, какъ не додумались обозвать его ни Амфитеатровъ, ни даже самъ архимандритъ изъ іудеевъ Михаилъ Семеновъ. По отзыву В. Анзи-

---

[1]) Совсѣмъ было упустили изъ виду отмѣтить, что за «Парусомъ», «Словомъ Правды», «Русью», «Р. Словомъ» потянулся и «Вѣстн. Европы» Указывая на изданіе «Шиповника» (въ іюльской кн.), авторъ отдѣла—«Литературное Обозрѣніе» отзывъ свой о брошюрѣ начинаетъ такими лестными для нея строками: «Въ книжкѣ—два блестящихъ памфлета, клокочущихъ ненавистью и болью... Въ особенности хвалитъ онъ памфлетъ Амфитеатрова. По его оцѣнкѣ, Амфитеатровъ, яко бы, съ замѣчательной силой анализа вскрылъ главную пружину дѣятельности Побѣдоносцева, заключавшуюся „въ настойчивой, систематической, всесторонне—обдуманной лжи, пріятной и выгодной власть имущимъ“. По оцѣнкѣ самого обозрѣвателя, Побѣдоносцевъ нисколько не цѣнилъ *содержаніе* жизни, а только установившійся въ ней порядокъ, и этому порядку только и служилъ. Въ объясненіе психологіи Побѣдоносцева онъ высказываетъ такую гипотезу. «Нужно всегда и прежде всего одно—неподвижность порядка, поэтому нужно создать такія формы жизни, которыя непрерывно парализовали бы естественное дѣйствіе живыхъ силъ, обусловливающее безпорядокъ; и вотъ, вся государственная дѣятельность Побѣдоносцева съ рѣдкой въ исторіи настойчивостью была направлена на то, чтобы превратить русскую систему правленія въ такой механизмъ, непрерывно возстановляющій порядокъ, т. е. непрерывно погашающій жизнь»... Побѣдоносцевъ принадлежалъ, будто бы, «къ числу тѣхъ умовъ... которые по самой своей природѣ ненавидятъ все живое, ненавидятъ ростъ, развитіе, движеніе, словомъ – жизнь... Онъ былъ верховный жрецъ «порядка»... Намъ кажется, такъ понимать и объяснять Побѣдоносцева свойственно лишь тому, у кого въ головѣ не все въ порядкѣ.

мірова, Побѣдоносцевъ—какъ бы вы думали, кто?—«первый русскій хулиганъ»... Хорошо еще, что А—въ поясняетъ, что Побѣдоносцевъ не изъ тѣхъ хулигановъ (ну, еще бы!), что «стоятъ въ «котахъ» при проституткахъ, «служатъ» въ шулерахъ, или «по карманной» части, а хулиганъ въ нравственномъ смыслѣ. Въ противоположность «первому русскому хулигану» А—въ указываетъ и на «первыхъ русскихъ молодыхъ гражданъ», которые, по его мнѣнію, ко времени «выборовъ во вторую Думу» достигли «совершеннолѣтія». Такими «первыми молодыми гражданами» онъ считаетъ: гр. Л. Толстого, архимандрита Михаила, епископа Антонина, священниковъ: Петрова, Аѳанасьева, Огнева, «которые украсили бы собою духовную среду любой страны». Не думаемъ, чтобы преосвященному Антонину было пріятно въ компаніи, въ которую усадилъ его публицистъ, воспѣвающій *сознательность* (курсивъ автора), проявляющуюся въ «плѣнительной чистотѣ идеаловъ соціалистовъ—народниковъ, соціалистовъ-революціонеровъ» (ibid.)

Сдѣлалъ свой отзывъ о К. П. Побѣдоносцевѣ и П. Боборыкинъ. Сей литераторъ, чувствующій, по словамъ М. Меньшикова, что уже «тонетъ въ заслуженномъ забвеніи», выразился о Побѣдоносцевѣ, что «онъ изувѣръ византійскаго подавленія всякаго свѣта и всякой свободы» («Р. Слово» № 59). Такой отзывъ о К. П. П—вѣ со стороны г. Боборыкина вполнѣ понятенъ и другого онъ не могъ, даже и не посмѣлъ бы сдѣлать. Маститый чашъ литераторъ, выражаясь кратко, давно уже какъ ожидовѣлъ и въ такомъ состояніи неизмѣнно пребываетъ. Въ августѣ 1911 г. онъ помѣстилъ въ «Р. Словѣ» большой фельетонъ подъ заглавіемъ: «Нѣчто и ничто», въ которомъ доказывается, что «нѣчто» это еврейство, а «ничто»—русскіе. «Читая этотъ фельетонъ, говоритъ М. Меньшиковъ, я не разъ думалъ: Боже, какъ же онъ лебезитъ предъ евреями! До чего онъ подлизывается къ нимъ! До какой жалости заискиваетъ!» («Нов. Вр.» 1911 г. № 12730). Ну, мыслимо ли со стороны П. Боборыкина отозваться о Побѣдоносцевѣ не въ тонъ, не въ согласіе съ тѣми, предъ кѣмъ онъ лебезитъ, къ кому подлизывается и у кого заискиваетъ?..

Съ недоумѣніемъ останавливаемся мы на «мысляхъ» о Побѣдоносцевѣ извѣстнаго писателя публициста В. Розанова, высказанныхъ имъ въ № 11.148 «Нов. Вр.». Невольно чувствуется, что г. Розановъ рисуетъ портретъ Побѣдоносцева сгущенными красками съ разсчетомъ обезславить почившаго, вселить къ нему антипатію. Теряемся въ догадкахъ, что побудило г. Роза-

нова въ оцѣнкѣ Побѣдоносцева, его дѣятельности, примкнуть къ тѣмъ, которые учинили на его свѣжей могилѣ «танецъ дикихъ ирокезовъ», на который мы достаточно уже насмотрѣлись. Въ статьѣ г. Розанова дается понять, что на «мысли» его о Побѣдоносцевѣ не имѣло вліянія высказанное однажды послѣднимъ и ставшее извѣстнымъ автору, какъ самъ онъ объ этомъ заявляетъ, замѣчаніе: «У Розанова *не всѣ дома*». Не лежитъ ли интересующая насъ разгадка въ слѣдующемъ случаѣ, о которомъ мы слышали изъ устъ непосредственнаго наблюдателя этого случая, человѣка заслуживающаго полнаго довѣрія. Однажды (около года до выхода К. П. въ отставку) у митрополита Антонія въ вечерній часъ собралось нѣсколько свѣтскихъ писателей, любящихъ трактовать на богословскія и церковныя темы въ особомъ новомъ духѣ и направленіи. Это извѣстные въ интеллигентныхъ кругахъ «богоискатели», «новопутейцы», «неохристіане». Среди нихъ былъ и г. Розановъ. Совершенно неожиданно пріѣхалъ къ митрополиту К. П. Побѣдоносцевъ. Когда владыка, рекомендуя своихъ гостей, указалъ на г. Розанова, Константинъ Петровичъ, будто бы, сказалъ: «А, знаю, знаю. Это проповѣдникъ и поклонникъ собачьяго брака» (разумѣется, свободной любви) [1]). Какъ хотите, услыхать о себѣ такую язвительную аттестацію и въ такой обстановкѣ, человѣку, воображающему о себѣ, что онъ, въ пониманіи Евангелія, стоитъ выше не только Побѣдоносцева, но и всего историческаго христіанства и считающему послѣднее и въ частности православіе факторами, отразившимися существеннымъ для жизни арійскихъ народовъ вредомъ, очень не безразлично. Что же удивительнаго, если описанный случай отразился на «мысляхъ» г. Розанова о Побѣдоносцевѣ и подвигнулъ его назвать послѣдняго... червемъ? По отзыву г. Розанова, Побѣдоносцевъ былъ вовсе *не государственный человѣкъ* (курсивы г. Р—ва), не имѣлъ ни капли *нужнаго государственному человѣку*... Онъ *ничего въ церкви и государствѣ не сотворилъ*, если не считать сотвореніемъ то, что онъ

[1]) Для тѣхъ, кому непонятнымъ покажется такое мнѣніе К. П. П. о г. Розановѣ приведемъ слѣдующій отзывъ о немъ же Л. Тихомирова: «В. В. Розановъ «не только явно не христіанинъ», а прямо проповѣдникъ чисто-языческой безнравственности» («Моск. Вѣд.» 1902 г. № 344). По Розанову, «христіанство своими браками растлѣваетъ семью» («Люди луннаго свѣта». См. «Странникъ» м. февраль, 1912 г., стр. 223 въ ст. прот. Н. Дроздова—«Около полового вопроса»). Розановъ не щадитъ и себя, отстаивая свободныя отношенія между полами: «Я—нравственный человѣкъ, говоритъ онъ о себѣ, до супружества и въ супружествѣ нарушалъ, скажемъ проще, седьмую заповѣдь, но ни малѣйшаго угрызенія совѣсти не чувствовалъ, ни малѣйшаго грѣха, ничего позорнаго» (Тамъ же, стр. 229).

лишь крѣпче затянулъ, стянулъ и сдавилъ всѣ отношенія въ нихъ, и безъ того душныя, задавленныя и тѣсныя... Можно ли назвать его государственнымъ человѣкомъ? Просто смѣшной вопросъ: этотъ импрессіонистъ съ своими «эхами» и «ахами» замѣшался, какъ длинная крючковатая палка, въ колесики и колеса, въ сложные и необозримые государственные механизмы, всему мѣшая, препятствуя; ничего не оживляя... Все его обаяніе, умъ, живость, образованіе, его простота и естественность, привлекательность его образа, какъ человѣка, пошли въ отрицательную, мертвящую работу. Чѣмъ онъ былъ живѣе, тѣмъ мертвѣе все вокругъ него становилось... На дѣлѣ, фактически онъ былъ червемъ того растенія, къ которому любовно привязался: точилъ и точилъ, ѣлъ и ѣлъ сердцевину Церкви и государства»... [1]).

Въ статьѣ г. Розанова есть и слѣдующія строки, выражающія мысль, которая чаще, чѣмъ какая-либо другая, высказывается и теперь въ еврейской и еврействующей печати, — мысль о томъ, что Побѣдоносцевъ былъ виновникомъ и нашей революціи, и Мукдена, и Цусимы. «Все мнѣ, пишетъ г. Розановъ, въ дѣлахъ его казалось смѣшнымъ, ненужнымъ. Когда разгорѣлась у насъ революція или что-то похожее на революцію, я не могъ удержаться, чтобы не написать ему краткаго указанія, что *происхожденіемъ* (курсивъ автора) своимъ никому эта революція такъ не обязана, какъ ему и его политикѣ въ царствованіе Александра III» [2]).

---

[1]) Долгомъ считаемъ касательно г Розанова сообщить такую рѣшительно неожиданную новость. Въ 1912 г. онъ издалъ книжку подъ страннымъ заголовкомъ: «Уединенное». (Почти на правахъ рукописи. Для невѣдомыхъ друзей, а хоть и не для кому). Въ этой книжкѣ съ столь страннымъ заголовкомъ и не менѣе страннымъ назначеніемъ авторъ выражаетъ полнѣйшее раскаяніе въ прежней своей противохристианской, противо-церковной литературной дѣятельности и обѣщается до конца дней своихъ пребывать въ Церкви. «Иду въ Церковь!» рѣшительно заявляетъ онъ «Иду, иду!.. Я бросился къ Церкви въ концѣ 1911 г.»... «Безуміе—моя прежняя жизнь»... (см. «Колоколъ» 1912 г., марта 22, № 1788 въ ст. прот. Н. Дроздова «Кающійся бунтарь богоборъ»). Помоги, Богъ, кающемуся укрѣпиться въ его чувствѣ покаянія..

[2]) Достойно особаго замѣчанія, что согласно съ г. Розановымъ, а слѣдовательно съ еврейскими и еврействующими газетами о причинѣ нашей революціи высказался духовный журналъ, органъ спб. духовной Академіи—«Церк. Вѣстникъ». Лишь за четыре дня до появленія цитуемой статьи г. Розанова (отъ 26 марта) въ «Ц. В.» въ № 12 (отъ 22 марта) появилась статья П. Никольскаго, въ которой разныя наиболѣе характерныя явленія революціоннаго времени считаются «прямымъ историческимъ пастулятомъ побѣдоносцевскаго періода».

Таковъ отзывъ выдающагося писателя публициста изъ русскихъ о Побѣдоносцевѣ. Чего, казалось бы, «лучше» съ точки зрѣнія даже самой либеральной и радикальной?.. И, однако, въ лѣвомъ лагерѣ, можно сказать, даже не замѣтили «мыслей» г. Розанова о Побѣдоносцевѣ... Свои «воспоминанія и мысли о К. П. Побѣдоносцевѣ» В. Розановъ высказалъ 26 марта. Съ небольшимъ чрезъ два мѣсяца, именно 31 мая, появилась въ «Р. Словѣ» извѣстная уже намъ статья К. Фабіанскаго съ восхваленіями памфлетовъ о Побѣдоносцевѣ Амфитеатрова и Аничкова. Первыми словами статьи К. Фабіанскій сдѣлалъ такое заявленіе: «Когда умеръ К. Побѣдоносцевъ *я внимательно* (нашъ курсивъ) читалъ *все*, что писалось о немъ». Слѣдовательно Фабіанскимъ со вниманіемъ прочитана была и статья г. Розанова о Побѣдоносцевѣ. «Писалось много, продолжаетъ Ф—скій, и съ разныхъ сторонъ пониманія Побѣдоносцева... и все-таки Побѣдоносцевъ не былъ «описанъ», не былъ вѣрно расцѣненъ, не былъ правильно понятъ»... «*Первое* (значитъ и отзывъ г. Р—ва не въ счетъ) вѣрное слово» о немъ, заявляетъ г. Фабіанскій, сказалъ Амфитеатровъ.

Въ заявленіи г. Фабіанскаго въ разсматриваемомъ отношеніи особенное впечатлѣніе производятъ слѣдующія строки, дающія основанія къ заключенію о томъ, что радикальная наша печать совсѣмъ не цѣнитъ г. Розанова, не замѣчаетъ его и непрочь даже поглумиться надъ нимъ. «Когда умеръ Побѣдоносцевъ,—читаемъ у г. Фабіанскаго,—въ оцѣнкѣ его послышались *мышиныя* (курсивъ Ф—го) слова, *мышиныя* рѣчи, *мышиная* философія... въ могилу его слали *мышиныя* проклятья»... Выхо-дитъ, такимъ образомъ, что и В. Розанова слова и философія были «мышиныя». «Тѣмъ интереснѣе, тѣмъ дороже среди общаго (опять, значитъ, не исключая В. Розанова) мышинаго писка громкое, можетъ быть, даже рѣзкое, но зато настоящее «человѣческое» (а не мышиное) слово».

Конечно, это вздоръ, что слово Амфитеатрова было, будто бы, первымъ правдивымъ, съ либеральной и радикальной точки зрѣнія, словомъ. Въ еврейской и еврействующей печати, какъ на это мы уже и указывали, высказывалось о Побѣдоносцевѣ то же и такъ же грубо и рѣзко, что высказано и въ памфлетѣ Амфитеатрова. Есть немало общаго съ Амфитеатровымъ во взглядахъ на роль, на значеніе Побѣдоносцева для нашей церковно-государственной жизни и у В. Розанова. Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что въ лѣвомъ лагерѣ [illegible]нія послѣдняго

не замѣтили или, что еще хуже для выдающагося своимъ радикализмомъ писателя, не хотѣли замѣтить. *)

*) Въ маѣ 1912 г. значитъ уже послѣ рѣшительнаго заявленія о возвращеніи въ церковь (въ концѣ 1911 г.) и какъ бы въ лишнее доказательство искренности раскаянія въ прежней своей противо-христіанской, противо-церковной дѣятельности, именно въ № 12984 отъ 6 мая, г. Розановъ не менѣе рѣшительно высказался о роли евреевъ въ литературѣ и въ частности о еврейскомъ «Шиповникѣ». По взгляду г. Розонова, взгляду глубоко-справедливому, «роль евреевъ въ литературѣ съ годами становится *отвратительною* (нашъ курсивъ)... Этотъ еврейскій «Шиповникъ», который скупаетъ и *чрезъ скупку возбуждаетъ къ написанію, къ заготовленію* (курсивъ автора) беллетрическаго матеріала, исключительно злобнаго въ отложеніи всего русскаго, всего народнаго, всего историческаго,—*ужасенъ своей гнусной ролью* (нашъ курсивъ), которая продолжается вотъ уже много лѣтъ».

Ну, скажите, пожалуйста, мыслимое ли дѣло слово похвалы или, покрайне мѣрѣ, безпристрастія въ «Шиповникѣ» К. П. Подоносцеву? Съ другой стороны, не превеликая ли честь послѣднему бѣшеная брань его со страницъ органа, преслѣдующаго указанную гнусную роль?...

ГЛАВА IV.

К. П. Побѣдоносцевъ, какъ оберъ-прокуроръ Св. Синода, по отзывамъ лѣваго лагеря печати.—Общее замѣчаніе объ этихъ отзывахъ.—Какими побужденіями дѣятели либеральной и радикальной печати руководились при оцѣнкѣ оберъ-прокурорской дѣятельности Побѣдоносцева. — Противопоставленіе радикальною печатью Побѣдоносцева «новымъ свѣтиламъ церковнымъ».

Во многихъ газетахъ наряду или попутно съ отзывами о Константинѣ Петровичѣ Побѣдоносцевѣ и его дѣятельности въ роли представителя высшей власти въ государствѣ, въ роли вельможи и царедворца, высказаны были сужденія о немъ и какъ о представителѣ высшей церковной власти, какъ оберъ-прокурорѣ Св Синода.

Для газетъ лѣваго лагеря Побѣдоносцевъ, какъ оберъ-прокуроръ Св. Синода, оказался темою, какъ говорится, благодарною, и онѣ использовали ее, по своему, въ совершенствѣ. Чего только дѣятели еврейской и еврействующей печати не наговорили въ осужденіе, въ порицаніе церковной политики Константина Петровича!...

Отвратительна та фальшь, которая не можетъ не чувствоваться въ отзывахъ лѣвой печати о Побѣдоносцевѣ, какъ оберъ-прокурорѣ Св. Синода. Отзывы эти согласно и единодушно выставляютъ Константина Петровича оберъ-прокуроромъ крайне антипатичнымъ, и это за его дѣятельность, яко бы, крайне вредную, прямо убійственную *для жизни церкви*. Но вѣдь, если бы дѣятельность Константина Петровича, какъ оберъ-прокурора, была дѣйствительно такова, т. е. крайне вредна и даже убійственна для жизни церкви, то она, какъ нельзя болѣе, была бы по душѣ нашей безвѣрной, безцерковной интеллигенціи, въ рукахъ, въ полномъ распоряженіи которой либеральная, радикальная печать, и этой печати, будь она искренняя, честная, оставалось бы только хвалить и прославлять оберъ-прокурора Пооѣдоносцева, а не осуждать и порицать его. Съ точки зрѣнія на-

шихъ либераловъ и радикаловъ на церковь, на значеніе ея въ жизни націи, государства, такой оберъ-прокуроръ, какимъ былъ по ихъ отзывамъ К. П Побѣдоносцевъ, верхъ совершенства. По ихъ оцѣнкѣ, Побѣдоносцевъ своею оберъ-прокурорскою дѣятельностью вносилъ въ область церковную лишь разложеніе и смерть. Но, вѣдь, этого-то, т. е. прекращенія существованія церкви, они и жаждутъ, къ этому и направляютъ свои усилія...

Нѣтъ, не за то лѣвая печать поноситъ К. П. Побѣдоносцева, что онъ своею церковною политикой, будто бы, вносилъ мертвящія начала въ жизнь церкви, убивалъ эту жизнь, а совсѣмъ за противоположное, за то именно, что онъ пробудилъ церковныя силы, поднялъ церковную жизнь, что послѣдняя при немъ достигла значительной степени развитія, а въ нѣкоторыхъ своихъ сторонахъ и процвѣтанія. Въ своемъ мѣстѣ мы постараемся это показать и доказать. Вотъ за это-то, за пробужденіе силъ церкви, за умѣлое и твердое устремленіе ихъ къ поднятію и развитію церковной жизни лукавая лѣвая печать такъ и ненавидѣла Константина Петровича, такъ жестоко со скрежетомъ зубовъ и порицала его оберъ-прокурорскую дѣятельность. Это естественно и понятно. Думать же, что лѣвая печать озлобленно порицала эту дѣятельность Побѣдоносцева, сожалѣя о, яко бы, попранныхъ имъ интересахъ церкви, было бы болѣе, чѣмъ наивно. Совсѣмъ не къ чести, не къ славѣ Побѣдоносцева была бы похвала ему, какъ оберъ-прокурору Св. Синода, со стороны безвѣрнаго, безцерковнаго, антицерковнаго лѣваго лагеря нашей печати. И какъ много, какъ дорого для его памяти, что отсюда похвалъ ему не было.

Съ рѣшительнымъ порицаніемъ о К. П. Побѣдоносцевѣ, какъ оберъ-прокурорѣ Св. Синода, отозвались «Р. Вѣдомости», по старой памяти продолжающіяся еще считаться профессорскою газетою. Правильность такого своего отзыва онѣ считаютъ и доказывать излишнимъ. Газета со всею категоричностью утверждаетъ, что то, «чѣмъ ему (Побѣдоносцеву) обязаны церковь и школа, пережившія при немъ, якобы, самыя черныя минуты своей исторіи,—это свѣжо у всѣхъ въ памяти, и недаромъ люди, очень далекіе отъ какихъ либо крайностей, прилагали къ покойному эпитеты «Торквемада» и „черный папа“. Школу онъ обратилъ или по крайней мѣрѣ стремился обратить въ орудіе церкви, религія же для него была *ancilla*, но не философіи, а самодержавнаго бюрократическаго государства. Стоя во главѣ вѣдомства православнаго духовенства, вѣдая дѣла религіи, Побѣдоносцевъ былъ въ сущности крайнимъ раціоналистомъ, для ко-

тораго религія была только орудіемъ воздѣйствія на массы, средствомъ заставить ихъ оставаться вѣрными духу традиціи и подчиненія» (№ 57-й).

Въ приведенномъ маловыразительномъ сужденіи газеты о Побѣдоносцевѣ, какъ оберъ-прокурорѣ Синода, особенно хорошо слѣдующее мѣсто „религія для него была *ancilla*, но не философіи, а самодержавнаго бюрократическаго государства". По смыслу взятыхъ въ ковычки словъ выходитъ, что религія для Побѣдоносцева должна бы быть *ancilla* философіи. Вотъ это полная неожиданность со стороны профессорской газеты. Для такой газеты, казалось бы, непзвинительно не знать, что религія ни для Побѣдоносцева, ни для кого другого никогда не была, да и не можетъ быть по самому существу своему *ancilla* философіи, Газета, очевидно, напутала. Она слышала схоластическое выраженіе: философія есть *ancilla* theologiae, и хотѣла воспользоваться имъ въ своихъ цѣляхъ, но, приводя, непростительно исказила его.

Затѣмъ, газета выражается: «стоя во главѣ вѣдомства православнаго духовенства»... Да будетъ же извѣстно профессорской газетѣ: вѣдомства православнаго *духовенства* нѣтъ, а есть вѣдомство православнаго *исповѣданія*.

Гораздо рѣшительнѣе, конечно, въ отрицательномъ смыслѣ отзывается о Побѣдоносцевѣ въ разсматриваемомъ отношеніи „Русь" Она говоритъ: „русское духовное вѣдомство почти четверть вѣка было въ прихожей оберъ-прокурора Св. Синода и оттуда заразилось лакейскими привычками" (№ 70 й) —„П. Листокъ" назвалъ К П Побѣдоносцева «всесильнымъ» патріархомъ „въ чиновничьемъ мундирѣ" (№ 68) —По отзыву «Бирж. Вѣд.», «Побѣдоносцевъ хотѣлъ вернуть родину въ XVI в., насадить чуждый всѣмъ клерикализмъ и самому стать Никономъ въ вицъ-мундирѣ [1]). Были устроены церковно-приходскія школы, имѣвшія цѣлью прививать безграмотность и ханженство. Духовенству навязывалась роль тайной полиціи, и сама религія обратилась въ орудіе земной и низменной политики. Отрицательный полюсъ русской дѣйствительности, Побѣдоносцевъ пошелъ войною на

[1]) Очевидно, «В. В.» не знаютъ, когда жилъ патр. Никонъ. По ходу рѣчи выходитъ, что онъ относятъ его къ XVI в. И вотъ такое-то невѣжество и съ такимъ притомъ апломбомъ расцѣниваетъ дѣятельность Побѣдоносцева, какъ оберъ-прокурора Св Синода!.. Но вотъ что собственно замѣчательно. Точь въ точь какъ еврейскія «В. В.», разсуждаетъ Н. Никольскій въ «Церк. Вѣстникѣ». По его словамъ, Побѣдоносцевъ «съ упорствомъ старовѣра трудился надъ тѣмъ, чтобы вернуть современную жизнь въ узкое и уже заросшее русло учрежденій и образа мыслей Московіи XVII в.» (№ 12-й).

положительный, и Левъ Толстой былъ преданъ анаѳемѣ Монахи Соловецкаго и Суздальскаго монастырей обратились въ тюремщиковъ. Какія мрачныя бездны таила душа этого человѣка, которому нельзя отказать ни въ умѣ, ни въ волѣ! Какая загадка для психолога! Какая скорбь (ну еще бы!), что богатыя дарованія были направлены въ сторону разрушенія»! Въ цитуемой статьѣ Побѣдоносцеву приписывается пока лишь желаніе «стать Никономъ въ вицъ-мундирѣ» Въ другой же статьѣ того же (9720) №-ра онъ уже безъ всякихъ оговорокъ названъ «папою русской церкви» —«Вступивъ въ Синодъ послѣ Толстого, говоритъ Пиратъ въ «Гол Правды» (№ 437), Побѣдоносцевъ тотчасъ же заковалъ православіе въ желѣзный панцырь и положилъ между нимъ и жизнью страшную преграду. Человѣкъ неограниченнаго самовластія, онъ даже самую церковь хотѣлъ сдѣлать орудіемъ политической борьбы, прибѣгая въ этихъ случаяхъ къ средневѣковымъ пріемамъ великихъ инквизиторовъ». —То же самое, что Пиратъ въ «Г. Правды», но только еще категоричнѣе говоритъ о Побѣдоносцевѣ, какъ оберъ-прокурорѣ Св. Синода, А. Ростовцевъ въ «Таганр. Вѣстникѣ». «Синодъ,—утверждаетъ Ростовцевъ,—это былъ только К П. Побѣдоносцевъ. Не онъ служилъ церкви, а церковь сдѣлалась его слугою для духовнаго порабощенія массъ. Его «работа» надъ духовной школой, его «труды» (читатель, конечно, догадается, что это авторъ язвитъ П-ва ковычками) по устройству церковныхъ школъ для народа... все было направлено къ наибольшему порабощенію народа и упроченію шатающагося строя» —Газета «Эхо» такъ высказалась на смерть оберъ-прокурора Побѣдоносцева: «Въ области церковной политики К П. Побѣдоносцевъ, называемый «кесаремъ церкви», зарекомендовалъ себя, какъ крайній закрѣпститель церкви, погасившій въ ней всякій живой духъ и превратившій ее окончательно въ слугу государства Церковь за время его оберъ-прокурорства была вся зашита въ чиновничій вицъ-мундиръ. И все это было для того, чтобы чрезъ чистое Христово ученіе проводить свои реакціонные политическіе взгляды. Съ этой именно цѣлью и были основаны К. П. Побѣдоносцевымъ такъ называемыя церковно приходскія школы» (№ 52 й).—«Ярко отрицательною» считаетъ дѣятельность Побѣдоносцева въ Синодѣ и «Никол. Газета» «Онъ, говоритъ эта газета, совершенно подчинилъ церковь свѣтской власти оберъ-прокурора и въ сущности являлся руководителемъ Синода» (№ 353-й). — Въ газ. «Донъ» высказано, что «Побѣдоносцевъ съ рвеніемъ инквизитора вмѣшивался въ ничтожнѣйшія мелочи жизни духовенства

и щупальцами циркуляровъ и указовъ сдавилъ эту жизнь до удушья» (№ 55-й).

Среди хулителей имени К. П. Побѣдоносцева за его дѣятельность, какъ оберъ-прокурора Св. Синода, безспорно выдающимся по грубости, рѣзкости выраженій, по неприличію особенно для лица духовнаго, хотя бы и изъ іудеевъ, тона, долженъ быть признанъ архим Михаилъ Семеновъ, впослѣдствіи, какъ объ этомъ у насъ уже и говорилось, перебѣгшій къ раскольникамъ-старообрядцамъ, которые и сдѣлали его у себя архіереемъ (Канадскимъ). Съ отзывомъ этого Михаила о Побѣдоносцевѣ, какъ о государственномъ дѣятелѣ, «яко бы, изуродовавшемъ душу и тѣло страны», мы уже знакомы. Про церковную его дѣятельность Михаилъ выражается, что «вся она вытекала изъ циническаго нигилизма» (sic).. «Нигилистъ до глубины души, атеистъ, невѣрующій ни въ Христа, церковью Котораго онъ правилъ, ни въ Его силу, онъ, по словамъ Михаила, въ области церковной жизни абсолютно отрицалъ возможность свободнаго развитія духа... и былъ увѣренъ, что жизнь церкви можно поддержать только обманомъ и насиліемъ». Не устыдился архимандритъ—іудей возвести на К. Петровича и—замѣтьте — въ самый день похоронъ его (13 марта) гнуснѣйшую завѣдомую клевету. Онъ утверждаетъ, что преслѣдованія Побѣдоносцевымъ сектантовъ простирались до того, что онъ «отнималъ у нихъ дѣтей» (см. „Столичн. Почта“, № 136-й) [1]). Въ той же «Стол. Почтѣ», но уже въ концѣ мая (въ № 193) нѣкто М. Владинъ доказываетъ, что Побѣдоносцевъ «лѣчилъ нашу церковь, школу и жизнь по рецепту» «великаго инквизитора». «Инославные» преслѣдовались, «гангренозные» члены церкви отсѣкались, «духъ православія» внѣдрялся розгами, палками, карцерами, тюрьмой, отлученіемъ... Изъ духовно-учебныхъ заведеній дѣлались учрежденія для воспитанія кастратовъ мысли и духа». Чтобы понять, кто сей М. Владинъ, достаточно указать на то, что по его мнѣнію, «бунтующіе поповичи и отцы—и товарищи» (эти и выше ковычки принадлежатъ автору) это—люди, рвущіеся къ свѣту и правдѣ и всенародно исповѣдующіе свѣтъ и правду».

Близко родственнымъ архим. Михаилу по духу, а можетъ быть и по плоти, является, судя по отзыву его о К. П. Побѣдо-

[1]) О томъ, что рѣчи объ отнятіи дѣтей у сектантовъ составляютъ гнусную клевету, скорѣе всего давно забытую самими сектантами, мы уже замѣчали. Ниже мы еще не разъ встрѣтимся съ клеветою, такъ охотно перебалтываемою въ левыхъ газетахъ.

носцевѣ, также извѣстный уже намъ сотрудникъ «Паруса» С. Любошъ.

Называя Побѣдоносцева «новымъ Каіафой», стоявшимъ «во главѣ православнаго синедріона», С. Любошъ безапелляціонно изрекаетъ: «Побѣдоносцевъ былъ атеистомъ» и атеистомъ «не на словахъ только, а на дѣлѣ». «Истиннымъ атеистомъ, поясняетъ г. Любошъ, т. е. человѣкомъ, который ни во что не вѣритъ, для котораго нѣтъ ничего святого, ничего возвышеннаго, для котораго и весь міръ и душа человѣка одна мертвая пустыня, въ которой нечего искать, изъ которой некуда стремиться—такимъ атеистомъ былъ К. П. Побѣдоносцевъ, стоявшій по жестокой иронiи судьбы цѣлую четверть вѣка во главѣ управленія русской православной церковью. Притомъ онъ былъ атеистомъ дѣятельнымъ, активнымъ. Онъ пылалъ безграничной ненавистью ко всякой вѣрѣ, ко всякому энтузіазму, ко всему, что открываетъ предъ человѣкомъ широкіе и далекіе горизонты, ко всему, что влечетъ его вдаль и ввысь, ко всякому стремленію къ небу. Это былъ типичный представитель голаго и безпросвѣтнаго отрицанія» (№ 28).

«Южн. Новости» въ серьезъ увѣряютъ, что Побѣдоносцевъ вторично распялъ Христа. Въ редакціонной статьѣ этой газеты на тему «Геній тьмы» (въ № 8), между прочимъ, высказывается: «предстанетъ-ли предъ нами образъ Христа, вторично распятаго, Христа, яко бы, проповѣдующаго оправданіе войнѣ и братоубійству, покорное подчиненіе дикому своеволію, Христа, отрекшагося отъ Своей безконечной любви къ «малымъ симъ», къ своему малому стаду, которому обѣщано «царство Божіе на земли» — и вы услышите голосъ, говорящій вамъ о томъ, кто его вторично распялъ, кто надругался надъ нимъ, Христомъ любви, правды и свободы.. Онъ обратилъ церковь въ «молельню при участкѣ», а ея служителей изъ «священниковъ Бога Вышняго по чину Мелхиседекову» превратилъ въ пособниковъ произвола земныхъ владыкъ... Со средневѣковымъ фанатическимъ рвеніемъ онъ гналъ въ тюрьмы и заточенія сектантовъ, ищущихъ иного Бога, а не того, о которомъ имъ проповѣдывали по приказу Побѣдоносцева, и подъ его инструкціей нѣкогда казанскій съѣздъ миссіонеровъ постановилъ насильно *отнимать* (подчеркнуто авторомъ) дѣтей отъ сектантовъ для обращенія ихъ въ вѣру православную».

Въ такомъ же точно родѣ, какъ «Ю. Нов.», отзывается о Побѣдоносцевѣ А. Хирьяковъ въ «Нов. Строѣ» (№ 1-й). «Приспѣшники Побѣдоносцева, говоритъ онъ, увѣряли, что «въ Рос-

сіи существуетъ самая широкая вѣротерпимость, и многіе этому вѣрили. Только тѣ, кому на своихъ плечахъ приходилось чувствовать всю тяжесть гоненій за вѣру, только тѣ понимали, какая возмутительная неправда господствуетъ у насъ въ области религіозныхъ отношеній. Если бы пришлось перечислять всѣ ужасы религіозныхъ гоненій послѣдняго времени, то потребовалось бы написать нѣсколько томовъ. Одни гоненія на штундистовъ заняли бы тысячи страницъ. Перечислить всѣ случаи религіозныхъ насилій нѣтъ никакой возможности. Отнятіе дѣтей у сектантовъ, насильственное крещеніе, ссылки въ Сибирь, многолѣтнія тюремныя заключенія, отнятіе имущества, побои, истязанія, — вотъ въ чемъ выражалась свобода совѣсти въ Россіи за послѣдніе годы... Если мы вспомнимъ, что въ Череменецкомъ монастырѣ сидитъ священникъ Петровъ (разумѣется извѣстный Григорій П., нынѣ лишенный сана) только за то, что писалъ не такъ, какъ хотѣлось бы нѣкоторымъ церковнымъ чиновникамъ, то мы не можемъ не сказать, что никакой свободы совѣсти у насъ въ Россіи нѣтъ, но царитъ самое возмутительное насиліе и обманъ, обманъ, обманъ».

Очень подробно и съ видимымъ наслажденіемъ распространился объ оберъ-прокурорѣ Побѣдоносцевѣ и по поводу его оберъ-прокурорской дѣятельности А. С—кій въ «Гол Сѣвера». Чего чего только не нагородилъ о К. Петровичѣ этотъ его обвинитель и судія, въ дѣйствительности пигмей по пониманію, но колоссъ по претензіямъ на пониманіе, по наглости и нахальству. Вотъ послушайте. Нарочно возможно подробнѣе приводимъ его отзывъ, дабы читатель яснѣе видѣлъ все убожество его мыслей, высказанныхъ въ оцѣнку дѣятельности Побѣдоносцева. «Врагъ народной свободы вообще, онъ (Побѣдоносцевъ) не могъ быть другомъ и доброжелателемъ и свободной церкви — здѣсь онъ былъ министромъ «духовнаго вѣдомства». И, какъ таковой, старался превратить всѣхъ служителей Христа и евангелія въ бездушныхъ чиновниковъ и полицейскихъ сыщиковъ. Къ этой цѣли направлялись и направляются и правительственные филаретовскіе катихизисы, макарьевскія догматики и аваровскія гомилетики, и всевозможныя нравственныя (гораздо справедливѣе: «безнравственныя») богословіи, и т. п. учебный хламъ, которымъ въ духовной школѣ и до сихъ поръ еще наполняютъ головы, ожесточаютъ сердца и парализуютъ волю будущихъ «духовныхъ» чиновниковъ. Къ тому же служатъ и абсолютизмъ духовныхъ епархіальныхъ сатраповъ, и шпіонство благочинныхъ и другихъ наперсниковъ епископа, и односторонняя, часто

невѣжественная и даже прямо нечестная цензура. Всякое живое слово давилось, не вырвавшись еще изъ горла, всякое живое начинаніе или запрещалось, или такъ извращалось, при помощи схоластическо-бюрократическихъ пріемовъ, что, вмѣсто сладкихъ и цѣлебныхъ, порождало ядовитые плоды. Живая, духовно-религіозная жизнь начала, повидимому, совсѣмъ замирать, полезныя и цѣлительныя растенія засыхать или глохнуть отъ возвышавшихся около нихъ плевелъ, сорныхъ травъ, силившихся закрыть отъ нихъ солнце любви и правды и лишить ихъ благодатной утренней росы...

«Но «пшеница» оказалась гораздо живительнѣе, нежели то предполагалъ «врагъ рода человѣческаго», посѣявшій ночью плевелы. При одномъ порывѣ сильнаго вѣтра, послѣдніе принуждены были разступиться, и достаточно было одного солнечнаго луча, нѣсколькихъ капель животворнаго дождя, чтобы полузасохшія и упавшія подъ давленіемъ сорныхъ травъ стебли пшеницы снова оживились, снова поднялись и вступили въ борьбу съ своими врагами-сосѣдями. Свѣжій вѣтерокъ освободительнаго движенія живительною струей пронесся надъ нашимъ отечествомъ, увлекая за собою дождевую тучу, и корни великихъ идей братства, равенства и свободы пустили новые ростки еще болѣе сильные и болѣе великолѣпные [1]). А прочное, повидимому, зданіе церковнаго бюрократизма падаетъ отъ этой струи, какъ карточный домикъ, и должно очистить мѣсто обновленной, неоффиціальной церкви.

«Уже вырисовываются на горизонтѣ исторической жизни новые прочные столбы этого реставрируемаго зданія. Они изъ настоящаго самоцвѣтнаго камня, а не жалкая имитація, которую выставляли Побѣдоносцевъ и К°. Это самосвѣтящіяся звѣзды, а не тѣ блуждающія кометы, не тѣ ночныя «свѣтила» (ковычки для отдѣльныхъ словъ принадлежатъ автору) церкви, какъ Филареты, Платоны, Амвросіи и т. п., блескъ которыхъ чужой, заимствованный и притомъ слишкомъ скоротечный. Этими-то столбами должно и можетъ поддержаться обновленное зданіе. Отъ этихъ-то звѣздъ, а не отъ звѣздъ на груди архіерейской, долженъ заимствовать истинный свѣтъ человѣческій міръ. И весь

---

[1]) Какъ видите, у сотрудника «Гол. Сѣвера» представленіе о нашей революціи самое возвышенное, идеальное «Свѣжій вѣтерокъ»... «живительная струя» . и все прочее. Но объ этой же революціи существуетъ и совершенно иное представленіе О ней высказываются даже такъ у насъ революція была «безумная, подлѣйшая и мерзѣйшая, какую видѣлъ свѣтъ» (М. Меньшиковъ См «Н. Вр.» № 12221-й, отъ 21-го марта 1910 г.).

русскій народъ имѣетъ уже счастье любоваться свѣтомъ этихъ свѣтильниковъ, которые онъ не пожелалъ скрывать подъ спудомъ, но выноситъ на высокій пьедесталъ, съ котораго они и льютъ свои цѣлительные лучи. Мы говоримъ не только о свящ. Петровѣ, Огневѣ и др., о которыхъ уже извѣстно почти всему міру, а имѣемъ въ виду прежде всего «бѣднаго сельскаго священника» о. Тихвинскаго»[1]..

За что же прославляется сей послѣдній? — Ближайшимъ образомъ за рѣчь, произнесенную имъ въ Г. Думѣ 12 марта, чрезъ два лишь дня послѣ смерти Побѣдоносцева. Имѣя въ виду эту именно рѣчь, А. С—кій такъ расписываетъ свящ. Тихвинскаго: «Онъ, Т—скій, вмѣсто того, чтобы покорно гнуть шею подъ ярмомъ бюрократическаго режима, благословляя всѣ его проявленія, вдругъ поднимаетъ голову и «дерзко» заявляетъ, что «убійство по суду, убійство въ христіанскомъ обществѣ, убійство во имя Бога преступнѣйшее изъ убійствъ»! Ни филаретовскіе катехизисы, ни оппортюнистскіе органы правительственной воли — „нравственныя богословіи“ не были имъ твердо выучены. А наоборотъ сочиненія такого «нигилиста», какъ Достоевскій, цитируются имъ чуть-ли не наравнѣ съ Писаніемъ, и даже ставятся выше ветхозавѣтныхъ законовъ Моисея!.. Виновниками смертныхъ казней онъ осмѣливается называть пастырей церкви, учителей, т. е. вѣрныхъ слугъ и соработниковъ его, Побѣдоносцева. А отъ министровъ онъ несчастный «требуетъ» совѣсти, угрожая посадить ихъ «на скамью подсудимыхъ».

Вотъ уже поистинѣ въ «телячій восторгъ» привелъ г. А. С—скаго о. Тихвинскій своею рѣчью въ Г. Думѣ 12 марта. А. С—скій подчеркиваетъ, что рѣчь эта встрѣтила „бурные аплодисменты въ центрѣ и слѣва». По душѣ, значитъ, рѣчь эта была и Думѣ, необходимо только добавить — Думѣ второй, революціонной, впослѣдствіи разогнанной. О рѣчи о. Т—го и о самомъ о. Тихвинскомъ по поводу его рѣчи 12 марта въ свое время даны и иные отзывы, отнюдь не восторженные, а напротивъ сталкивающіе оратора съ того превысокаго пьедестала, на которомъ такъ хотѣлъ утвердить его А. С—кій. Вотъ, напр., отзывъ М. Меньшикова: «Что вы скажете, спрашиваетъ г. Мень-

[1]) «Прочные столбы обновленной церкви», «столбы изъ настоящаго самоцвѣтнаго камня», «самосвѣтящіяся звѣзды» съ «истиннымъ свѣтомъ» и на «весь человѣческій міръ», «свѣтильники льющіе цѣлительные лучи».. Это-ли не акаѳистъ живымъ еще людямъ?! И какую нужно имѣть совѣсть, тѣмъ, кому акаѳистъ этотъ вычитывается, чтобы не сгорѣть ему отъ стыда, прислушиваясь къ вычитываемому?..

шиковъ, о ехидныхъ батюшкахъ въ родѣ свящ Тихвинскаго, что плачущимъ голоскомъ, какъ гіена полосатая, завывалъ (12 марта) о преступленіяхъ русскаго правительства, будто бы заранѣе извѣстныхъ Христу и проклятыхъ Имъ? Для меня лично въ политикѣ нѣтъ ничего омерзительнѣе, какъ этотъ типъ священники-революціонеры, офицеры-революціонеры. Хочется крикнуть имъ: «да снимите же, господа, личину»! Мундиръ есть присяга, ряса – цѣлое міросозерцаніе. Сбросьте ихъ, не обманывайте народъ. Ибо простой народъ въ самомъ дѣлѣ вовлекается въ обманъ, когда вы старымъ своимъ значеніемъ подкрѣпляете новыя бредни. Въ рясахъ и мундирахъ вы имѣете кредитъ старой фирмы, и ее же хотите подвести подъ банкротство. Вотъ уже ни на грошъ политической честности у этихъ господъ» (Нов Вр.», 15 марта 1907 г.).

А С—кій, какъ видѣли мы, пришелъ въ умиленіе при видѣ того, какъ скоро и легко все въ церкви, въ духовно-религіозной жизни народа оживилось, лишь только «пронесся надъ нашимъ отечествомъ живительною струею свѣжій вѣтерокъ освободительнаго движенія» Въ сущности тѣмъ же восхищается и В. Варваринъ въ „Р Словѣ“. Онъ пишетъ: «До чего все оживилось въ области церкви, едва онъ (Побѣдоносцевъ) самъ отошелъ отъ нея, и съ нимъ отошли тѣ безчисленные запоры, задвижки и заслоны, которыми онъ всю ея перегородилъ и заставилъ. «Богословскій Вѣстникъ» въ Москвѣ (въ Троице-Сергіевомъ посадѣ), «Церковный Вѣстникъ», «Вѣкъ», «Звонарь» въ Петербургѣ, «Церковная Газета» въ Харьковѣ, «Церковно-Общественная Жизнь» въ Казани—какъ все это заговорило, какимъ языкомъ, *съ какимъ напряженіемъ, съ какою ясностью и на какія темы!!!* (курсивы и восклицанія автора). Но эти люди, тамъ пишущіе и издающіе, они были и вчера, и третьяго дня тѣ же люди: только имъ третьяго дня и вчера «не позволяли говорить», а сегодня такъ сложились обстоятельства, что «стало не до нихъ», и они подъ шумокъ и подъ гамокъ *сами заговорили. Сами* заговорили, и картина сразу стала лучшею. Явилось именно то, что Побѣдоносцевъ считалъ безнадежнымъ — *пробужденіе людей церкви*... всѣ рванулись дѣлать для Бога, для Христа, для церкви»... (№ 76-й).

Зарегистрируемъ, наконецъ, въ нашу лѣтопись и ту „скверну“, которая изрыгнута массономъ А. Амфитеатровымъ въ его извѣстномъ уже намъ памфлетѣ и которая касается Побѣдоносцева, какъ оберъ-прокурора Св. Синода. «Побѣдоносцевъ, по словамъ памфлетиста, упорно изгонялъ изъ Россіи, душилъ ссылкою и

тюрьмою всѣхъ людей, желавшихъ жить по евангельскому идеалу, какъ выброшенные сперва на Капръ, потомъ въ Канаду, разрозненные несчастные духоборы. А теоретиковъ, намѣревавшихся исправить по этому идеалу истрепанную этику современности, отлучалъ отъ церкви.. Я не знаю, вѣруетъ ли въ Бога г. Побѣдоносцевъ, да и не мое это дѣло, но смѣло утверждаю, что никто болѣе Побѣдоносцева не содѣйствовалъ паденію вѣры въ Бога среди школьныхъ русскихъ поколѣній; никто не принизилъ такъ религіозности русскаго народа, обративъ ее въ пустую, сухую, но скучно и досадно требовательную государственную повинность и формальность; никто не далъ вящшаго соблазна къ бѣгству всѣхъ сколько-нибудь свободныхъ умовъ въ матеріализмъ и атеизмъ... Воображая себя вотелемъ за Бога въ народѣ, онъ былъ величайшимъ богоубійцею во всей русской исторіи» (см. «Слово Правды», 27 мая, №43-й)

ГЛАВА V.

Оцѣнка К. П. Побѣдоносцева въ консервативной средѣ. — Какъ здѣсь встрѣчена вѣсть о его кончинѣ.—Національнизмъ Побѣдоносцева и преданность его православію.—Характеръ консерватизма Побѣдоносцева.

Полагаемъ, что читатели достаточно уже наслушались отрицательныхъ мнѣній и отзывовъ о К. П. Побѣдоносцевѣ, высказанныхъ съ явнымъ разсчетомъ обезславить, втопать въ грязь, выставить, какъ зло, какъ величайшее зло для государства и для церкви его принципы и идеи, его практическую дѣятельность. Представимъ далѣе мнѣнія и отзывы о немъ положительные, т. е. такіе, въ которыхъ съ уваженіемъ и похвалою говорится и о міросозерцаніи Константина Петровича, и о началахъ, коими онъ руководился въ своей церковно-государственной дѣятельности, въ которыхъ съ чувствомъ признательности вспоминается самая эта дѣятельность и указывается на ея благодѣтельное значеніе для страны, для жизни нашего народа.

Нижеприводимые положительные отзывы и мнѣнія о Константинѣ Петровичѣ пріобрѣтаютъ сугубый интересъ и производятъ особенно сильное впечатлѣніе въ непосредственномъ сосѣдствѣ ихъ съ отзывами отрицательными, подъ впечатлѣніемъ которыхъ мы только что находились.

Если смерть Константина Петровича вызвала въ средѣ либеральной и радикальной радость, которая очень прозрачно и выражалась въ обслуживающей эту среду печати, то въ средѣ консервативной извѣстіе о его кончинѣ встрѣчено было съ искреннею, глубокою печалью, какъ потеря невознаградимая, незамѣнимая. Вотъ, напр., что, между прочимъ, высказалъ Альцестъ, отзываясь въ «Подол. Голосѣ» на смерть Константина Петровича: «Есть люди, жизнь которыхъ подобна глупой и скучной

книгѣ. Если такая книга выброшена изъ книжнаго шкафа, то чувствуется не потеря, а несомнѣнный выигрышъ для остальнаго общества книгъ. За то есть люди—ходячія поэмы, настоящіе «свѣтильники разума»—и разъ неумолимая смерть выброситъ такого человѣка изъ общества людей, чувствуется сразу обѣдненіе жизни, незамѣнимая пустота А таковъ именно и былъ К. П. Побѣдоносцевъ, на дняхъ скончавшійся. Съ нимъ отошла въ вѣчность цѣлая историческая эпоха, необыкновенная, удивительная, картинная... «Иные люди въ міръ пришли, иныя пѣсни принесли». Каковы эти пѣсни, мы, современники этихъ новыхъ людей, хорошо знаемъ изъ фактовъ повседневной жизни. И тѣмъ больнѣе становится на сердцѣ и безотраднѣе на душѣ, когда подумаешь, кто же замѣтитъ выбывающихъ изъ строя государственныхъ мужей,—мужей разума и совѣта»?. (№ 118).

Газеты и журналы, высказывавшіе положительныя мнѣнія и отзывы о К. П. Побѣдоносцевѣ и его дѣятельности не претендовали на исчерпывающую полноту или на небезошибочность, непогрѣшимость своихъ сужденій, своей оцѣнки о почившемъ. Они съ убѣжденіемъ высказывали, что справедливый судъ надъ Побѣдоносцевымъ принадлежитъ лишь исторіи.

«Намъ, говоритъ напр. «Колоколъ», трудно оцѣнить все значеніе К. П Побѣдоносцева, мы слишкомъ близки къ нему, мы еще находимся подъ его воздѣйствіемъ, мы слишкомъ субъективно переживаемъ впечатлѣнія его высокой личности. И средствъ у насъ нѣтъ для того, чтобы охватить однимъ взглядомъ его дѣятельность и его вліяніе въ различныхъ областяхъ, мы не можемъ еще возсоздать его цѣльнаго духовнаго образа и представить его въ исторической перспективѣ его времени. Это дѣло біографіи и исторіи, слѣдовательно дѣло грядущихъ временъ и поколѣній, которыя не будутъ обладать пристрастіемъ современниковъ, вносящимъ въ исторію субъективную аберрацію» (№ 337). — «Фигура его (К П. П-ва), по словамъ Баяна въ «Р. Правдѣ» (№ 94-й), слишкомъ крупна для того, чтобы можно было высказывать о ней свои сужденія у незакрытой еще могилы Такія фигуры получаютъ настоящую свою оцѣнку только въ исторической перспективѣ и изъ исторіи своей страны ихъ не приходится вычеркивать, иначе въ ней остался бы цѣлый рядъ пустыхъ мѣстъ и необъяснимыхъ пробѣловъ.. Въ исторіи Россіи именемъ К. П. Побѣдоносцева останутся навсегда отмѣченными цѣлый періодъ, цѣлая эпоха, и только исторія безстрастная и объективная съумѣетъ честно

и добросовѣстно разобраться въ заслугахъ и ошибкахъ этой крупнѣйшей государственной фигуры нашего времени».

Признавая лишь за исторіей право на безпристрастную оцѣнку, на справедливый судъ надъ К. П. Побѣдоносцевымъ, печать праваго лагеря высказывала твердую увѣренность, что эта оцѣнка, этотъ судъ отдадутъ полную справедливость и личнымъ, и служебнымъ его достоинствамъ, поставятъ его на высокій пьедесталъ. «Оцѣнка высокаго научнаго авторитета и выдающейся государственной дѣятельности Побѣдоносцева, говоритъ Б. Юзефовичъ въ № 136 «Зак. и Правды», конечно, сдѣлается достояніемъ исторіи, которая посвятитъ заслугамъ его не одну славную страницу». — По убѣжденію Н. И. К—то высказанному въ «Казан. Телеграфѣ» (№ 4221), «будущій историкъ настоящій историкъ, а не фальсификаторъ научныхъ приговоровъ, рано или поздно съ благоговѣніемъ остановится предъ этою великою личностью» (т. е. К. П. П—мъ). — В. Колпенскій въ «Россіи», также признаетъ, что «еще не время теперь оцѣнять всю дѣятельность Побѣдоносцева. Какъ и всякій великій человѣкъ, онъ выростетъ во весь свой исполинскій ростъ лишь чрезъ нѣсколько десятилѣтій и только потомству принадлежитъ судъ» (№ 399).

Консервативная печать въ отзывахъ своихъ о Константинѣ Петровичѣ старалась выставить съ особенною рельефностью его строгій націонализмъ и преданность православію.

По отзыву „Колокола“, въ Побѣдоносцевѣ «одно безспорно для насъ, его современниковъ. *онъ былъ всецѣло русскій человѣкъ* (курсивъ автора). И этого ему никогда не могли простить его интеллигентные враги. Когда послѣ «эпохи великихъ реформъ» настала «эпоха мирнаго развитія» въ царствованіе Александра III и когда, по словамъ Н. Х. Бунге, правительство приняло на себя инициативу: 1) «удовлетворить народному чувству, по которому Россія должна принадлежать русскимъ; 2) упорядочить и укрѣпить внутренній строй управленія и 3) развить духовныя и матеріальныя силы народа», то К. П. Побѣдоносцевъ несомнѣнно былъ вдохновителемъ и вѣрнымъ стражемъ этой національной политики. Онъ глубоко былъ убѣжденъ, что Россія должна жить и управляться на основаніи своихъ историческихъ народныхъ началъ, на основаніи своего народнаго міровоззрѣнія, народной вѣры. Государственная власть тогда только дѣйствуетъ плодотворно и на благо народа, когда она принимаетъ народное направленіе, а не впадаетъ въ раздвоеніе съ народнымъ міросозерцаніемъ. Гдѣ нарушается эта гармонія,

тамъ власть подтачиваетъ сама себя. «Какъ бы ни была громадна власть государственная, говоритъ онъ, она утверждается не на чемъ иномъ, какъ на *единствѣ духовнаго самосознанія* между народомъ и правительствомъ, на вѣрѣ народной: власть подкапывается съ той минуты, какъ начинается раздвоеніе этого, на вѣрѣ основаннаго, сознанія». Въ это раздвоеніе влекли Россію многія враждебныя силы, но онъ всегда старался возвратить ее къ ея народнымъ историческимъ принципамъ: самодержавію и русской народности. По этому своему національному русскому направленію и проникновенію въ народную душу и въ народное вѣрованіе К. П. напоминаетъ намъ великаго нашего писателя Ѳ М Достоевскаго: оба были всецѣло русскіе люди и оба были великіе аналитики своей эпохи. Для обоихъ *истиною* было то, во что вѣровалъ и чѣмъ жилъ русскій народъ, созидая свое государство. Чуждыя начала и чуждое міросозерцаніе для обоихъ были *ложью*».. (№ 337).

Въ томъ же (337) №-рѣ «Колокола», въ статьѣ — «Печать о К. П. Побѣдоносцевѣ, авторъ статьи Н. О. высказалъ: «Покойный Константинъ Петровичъ справедливо можетъ быть названъ однимъ изъ главныхъ соподвижниковъ Великаго русскаго Царя, Государя Императора Александра Александровича, монарха, который первый поднялъ подхваченное теперь милліонами русскихъ рукъ знамя, знамя—Россія для русскихъ. Этого въ Бозѣ почивающаго Александра, который имѣетъ больше Петра I Алексѣевича правъ на имя *Великаго*, одинъ изъ талантливѣйшихъ и умнѣйшихъ публицистовъ нашихъ Л. А. Тихомировъ назвалъ «*Носителемъ идеала*». Да, именно носителемъ русскаго идеала, попраннаго и задавленнаго, былъ въ Бозѣ почивающій Императоръ, создавшій себѣ нерукотворный и вѣчный памятникъ въ сердцахъ всѣхъ сознательныхъ русскихъ патріотовъ. Изъ соподвижниковъ Великаго Царя всего болѣе имѣетъ правъ на то же имя, на имя носителя русскаго идеала, именно ушедшій теперь отъ насъ гигантъ русской мысли и русской воли, К. П. Побѣдоносцевъ. Да, онъ, подобно Великому Господину своему, былъ до конца носителемъ русскаго идеала, отважнымъ и *непобѣдимымъ* борцомъ за этотъ идеалъ. Оцѣнить этого человѣка, понять его мысль и волю могутъ только люди, преданные всѣмъ сердцемъ и всею душой *русской идеѣ*[1]). Не такова

[1]) Извѣстный ученый изъ военной среды, ген.-лейт., профессоръ Ак. М. Золотаревъ въ публичной рѣчи въ залѣ СПБ. Дворянскаго Собранія 26 мая 1909 г. вотъ какъ характеризовалъ націонализмъ Александра III. «Императоръ Александръ III первый національный русскій монархъ, первый народный русскій царь. Подобно

наша «руководящая», обслуживающая такъ называемое «интеллигентное» общество печать. Эти общество и печать отрицаютъ русскую самобытность, не видятъ въ ней ничего, кромѣ варварства и мрака. Передѣлка Россіи въ «большую Болгарію» или въ Австро-Венгрію—вотъ ихъ идеалъ. И эти наши западники увѣрены, что побѣда на ихъ сторонѣ. Вѣдь конституція попрана «бюрократизмомъ», а бюрократизмъ и русскій идеалъ для нихъ одно и то же. Константинъ Петровичъ для нихъ не болѣе, какъ представитель этого отжившаго, бюрократическаго міра. Сообразно съ этимъ они и реагируютъ на фактъ кончины этого человѣка. Эта смерть для нихъ какъ бы символъ ихъ, западниковъ, побѣды и пораженія русскаго идеала. Одни изъ «побѣдителей» стараются держать себя въ предѣлахъ приличія, другіе изъ этихъ границъ выходятъ, но всѣ обнаруживаютъ самое жалкое непониманіе основъ міровоззрѣнія Константина Петровича. Этотъ колоссъ русской мысли и русской воли рѣшительно не по плечу жалкимъ пигмеямъ, мнящимъ себя наканунѣ господства надъ величайшимъ въ мірѣ православнымъ царствомъ».

Въ № 342-мъ «Колокола» Л. Тихомировъ, отзываясь о К. П. Побѣдоносцевѣ, какъ объ огромномъ талантѣ, стоявшемъ на всей высотѣ культурнаго развитія и универсальнаго знанія, прибавляетъ, что «это былъ, сверхъ того, такой сынъ своего народа, который не откололся отъ него, не сталъ смотрѣть съ

Іоанну III, свергшему татарское иго, императоръ Александръ III сверхъ того и нѣмечину, иго западно-европейское. Съ русскимъ обликомъ онъ совмѣщалъ чисто русскія душу и сердце. Въ его работѣ лежала печать глубокаго знанія исторіи и характера русскаго народа. При императорѣ Александрѣ III по всей державѣ прозвучали слова: «Россія для русскихъ». Онъ безконечно дорогъ, онъ безгранично любъ Россіи и Русскимъ.. Онъ пробудилъ русскій патріотизмъ... Это онъ съ гордостью носилъ имя Русскаго»... («Нов Вр.» 1912 г. № 13.000 въ ст. М. Бородкина—«памяти А. М Золотарева»).

Черезъ 10 почти лѣтъ по кончинѣ Александра III, въ 1912 г. въ № 13.007 отъ 30 мая, Е. Поселянинъ по случаю открытія въ этотъ день въ Москвѣ памятника сему Монарху, между прочимъ, писалъ: «Спасши страну отъ внутреннихъ междоусобій и отъ внѣшнихъ столкновеній, онъ подготовилъ ей тѣмъ самымъ возможность вступить на новые широчайшіе пути. Онъ словно сказалъ. Вернемся отъ блужданій домой. Посмотрите, сколько у насъ скрытаго блага и красоты, и Русь запѣла при немъ звуками Чайковскаго и Римскаго-Корсакова, зацвѣла, замолилась, завоевала, заподвижничала на полотнахъ Васнецова. Онъ подпяль русское имя бывшее въ загонѣ не только при Аннѣ Іоанновнѣ или его дѣдѣ Николаѣ. II, можетъ быть, инстинктивно, чутьемъ толкнулъ страну на тотъ путь національнаго возрожденія, какимъ Россія должна пойти дальше... «Россія для Русскихъ», «Русскіе у себя хозяева». вотъ къ чему клонилась его окраинная политика.

презрѣніемъ на родину, а напротивъ, остался глубоко проникнутъ духомъ своего народа, и жилъ всецѣло идеалами, имъ созданными. Самостоятельность ума спасала его отъ рабства предъ народомъ, но идеалъ народный наполнялъ всю его душу».

Широкій націонализмъ Константина Петровича отмѣченъ, также, въ «Свѣтѣ» В. К. Истоминымъ (см. № 96), въ «Москов. Церковныхъ» и въ «Полт. Еп. Вѣдомостяхъ». По словамъ Д. В въ «М. Ц. В.» (№ 12-й), К. П—чъ «цѣлою жизнію отстаивалъ историческія народныя начала, народное міровоззрѣніе, народную вѣру». Въ «Полт. Еп. Вѣдомостяхъ» (№ 11-й), между прочимъ, указывается и на то, что «К Петровичъ чутко умѣлъ отыскивать и цѣнить родныхъ ему по духу дѣятелей въ широко-національномъ направленіи, поддерживалъ съ ними самыя трогательныя отношенія, окрашенныя тою же поэзіей (національнаго колорита), въ какой онъ виталъ самъ. Извѣстна его переписка съ Н. И. Ильминскимъ (печаталась въ «Правосл. Собесѣдникѣ»), которую читать также легко и интересно, какъ какой-нибудь романъ русскаго классика, хотя въ ней больше всего трактуется о предметахъ и вопросахъ ученыхъ, особенно часто—филологическихъ. Извѣстна также его тѣсная дружба съ незабвеннымъ С. А. Рачинскимъ, церковно-школьная дѣятельность котораго была столь любезна сердцу К. П—ча».

Окружая ярко-національнымъ колоритомъ имя К. П Побѣдоносцева, печать праваго лагеря имѣла о Побѣдоносцевѣ представленіе, что онъ «прежде всего православный христіанинъ».

О націонализмѣ К. Петровича и преданности его православію обстоятельно высказался въ «Россіи» г. Колпенскій. По его словамъ, «когда отъ прямого учебнаго поприща К. П. перешелъ къ дѣятельности государственной, онъ не переставалъ быть мыслителемъ и ученымъ... Имѣя въ своемъ распоряженіи многіе десятки исполнителей и искусныхъ чиновниковъ—писателей, Побѣдоносцевъ, всякій мало-мальски важный вопросъ изучалъ самолично и нерѣдко собственноручно давалъ отзывы по сложнымъ вопросамъ и проектамъ. Но всегда и во всѣхъ вопросахъ онъ оставался вѣренъ себѣ и освѣщалъ ихъ по-побѣдоносцевски: русская государственность, русскій народъ и православная церковь выше и дороже всего. И если онъ замѣчалъ, что какое-либо новшество посягало на сіи святыни, то вся изумительная сила его аналитическаго ума и непрекловной логики обрушивалась на предположеніе и обращала его въ прахъ. Нечего и говорить, что и самъ въ своихъ планахъ и предначертаніяхъ

онъ стоялъ на стражѣ и охранѣ тѣхъ же завѣтныхъ началъ, никого, однако, не угнетая и не подавляя, если только не было явной опасности русскому духу и православной вѣрѣ... Наука разнообразная и широкая литературная дѣятельность, политическая мысль, учебно-воспитательное дѣло, которому также онъ отдалъ обильную дань, политика—ничто не заглушало въ немъ того, чѣмъ онъ былъ прежде всего—православнаго христіанина. Начиная съ книги «О подражаніи Христу», имъ переведенной и изданной, онъ не перестаетъ сквозь всю свою дѣятельность служить дѣлу православной церкви Служеніе церкви и притомъ служеніе ей всецѣло - и внѣшнему ея обряду и духу—вотъ истинное душевное влеченіе Побѣдоносцева»... Это служеніе онъ и завершилъ передъ самой смертью дѣломъ, которое, по мнѣнію г. Колпенскаго, «можетъ быть, и есть величайшее изъ всѣхъ его дѣяній, которое сдѣлаетъ имя его безсмертнымъ, и дорогимъ всякому русскому человѣку» (№ 399 й).

Величайшимъ, безсмертнымъ дѣяніемъ Побѣдоносцева г. Колпенскій считаетъ его переводъ свящ. Писанія Новаго Завѣта. Относительно этого дѣянія, онъ такъ высказывается: «Константинъ Петровичъ, именно, какъ человѣкъ съ русской душой, живо сознавалъ всю необходимость дать русскому народу книги Евангелія и прочія книги Новаго Завѣта на русскомъ языкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ истинный стилистъ и художникъ слова, онъ сознавалъ всю красоту, силу и выразительность нашего церковно-славянскаго языка, а также и всю привычку нашу къ этому языку, къ оборотамъ его рѣчи и къ отдѣльнымъ созвучіямъ. И вотъ онъ задается цѣлью дать переводъ свящ. Писанія Новаго Завѣта, удовлетворяющій всѣмъ требованіямъ русской рѣчи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, по возможности близкій къ привычному и всѣмъ дорогому славянскому тексту. Тутъ сказалась вся сила языка Побѣдоносцева, все высокое пониманіе имъ св. Писанія. Его цѣль достигнута блестяще; и изданный имъ русскій переводъ Новаго Завѣта есть поистинѣ памятникъ нерукотворный, къ которому не заростетъ народная тропа. И за это одно имя Константина Петровича Побѣдоносцева заслуживаетъ благодарности русскаго народа, который и воздастъ ему вѣчную память. (Тамъ же).

Имѣя въ виду время, въ которое появился переводъ Новаго Завѣта, г. Б. Глинскій рисуетъ такую, врѣзывающуюся въ память, картину: «Во всю ширь Литейнаго проспекта движется пестрая, разнокалиберная и возбужденная толпа, надъ головами которой рѣютъ красныя знамена съ зажигательными

призывами и изъ сотенъ грудей вырывается и далеко несется пѣсня: «Вставай, подымайся, рабочій народъ». Толпа останавливается противъ темнаго двухъэтажнаго дома № 62, гдѣ много лѣтъ живетъ Константинъ Петровичъ, останавливается, чтобы прокричать ему слова ненависти и злобы, прокричать и двинуться далѣе въ торжественной и шумной манифестаціи во славу грядущаго сознательнаго пролетаріата. Крикъ толпы доносится до восьмидесятилѣтняго старца, но онъ не вызываетъ его отвѣтной злобы, слова пѣсни ничего не говорятъ его сердцу Онъ весь въ молитвѣ и въ научномъ трудѣ. Революціонный напѣвъ улицы тонетъ въ тѣхъ древне-русскихъ церковныхъ напѣвахъ, которыми полна его душа, рѣзкія слова, зовущія къ политической свободѣ, для него блѣдны и малозначущи предъ тѣми словами «Новаго Завѣта», въ которыя онъ цѣликомъ ушелъ и гдѣ онъ видѣлъ истинную свободу личности и торжества духа. И когда эта толпа шумно и грозно требовала отъ своихъ представителей рѣзкаго и безпощаднаго выступленія противъ сложившагося порядка вещей, въ созданіи котораго онъ принималъ въ свое время такое дѣятельное участіе, а эти представители съ своей стороны наполняли почти всю прессу и весь книжный рынокъ произведеніями, согласными велѣніямъ взбудораженной массы, онъ ничего не противопоставилъ рѣзкимъ словамъ осужденія въ защиту того, чему такъ долго и такъ неустанно служилъ. Уже холодѣющей рукой онъ протянулъ и своимъ друзьямъ и недругамъ лишь небольшой печатный томъ, гдѣ на оберткѣ значилось. «Новый Завѣтъ Господа нашего Іисуса Христа въ новомъ русскомъ переводѣ К. П. Побѣдоносцева. Опытъ къ усовершенствованію перевода на русскій языкъ священныхъ книгъ Новаго Завѣта» (стр. 249-я) [1]).

По отзыву того же г. Глинскаго, природный талантъ и глубокій умъ Побѣдоносцева на изсякалъ и не тускнѣлъ съ годами, а какъ бы очищался въ опытѣ жизни и кристаллизовался въ опредѣленномъ направленіи и что, «пройдя разныя фазы труда, онъ отъ земного успокоился на божественномъ, на тѣхъ

[1]) Не лишне указать и на то, что, по замѣчанію г. Глинскаго, переводъ Новаго Завѣта появился на книжномъ рынкѣ, въ качествѣ своего рода уступки духу времени. Этотъ переводъ, говоритъ г Глинскій, изданный первоначально въ очень ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, не предназначался для широкихъ слоевъ русскаго общества, для народа, которому, по мнѣнію переводчика, былъ вполнѣ доступенъ и славянскій языкъ Евангелія. но, какъ онъ признается въ предисловіи, «признано, однако, нужнымъ имѣть русскій переводъ Евангелія», и вотъ онъ уступаетъ, и издаетъ, какъ бы противъ воли, свой интересный трудъ (стр 260)

высяхъ, куда доступъ имѣютъ или люди самые простые и «кроткіе сердцемъ», или избранники рода человѣческаго, которымъ потомство даритъ наименованіе великихъ мудрецовъ и учителей жизни. Каковъ же въ этомъ отношеніи будетъ судъ о немъ потомства въ грядущихъ поколѣніяхъ? Для отвѣта на этотъ вопросъ еще не настало время» (стр. 260—261).

Лѣвая печать, какъ это намъ уже извѣстно, всячески старалась выставить К. П. Побѣдоносцева, какъ заядлаго консерватора, боровшагося со всѣмъ новымъ и живымъ. Правая печать, также, считала Побѣдоносцева консерваторомъ, но о консерватизмѣ его судили съ широкой политической точки зрѣнія.

По замѣчанію М. въ «Гол. Москвы», «блестяще образованный, крупный ученый,—Побѣдоносцевъ въ своихъ консервативныхъ увлеченіяхъ не былъ все-таки слѣпымъ врагомъ новаго и здороваго. Его чрезвычайно сложную личность нельзя характеризовать какимъ-нибудь однимъ ходячимъ терминомъ, которыми мы всѣ такъ привыкли злоупотреблять» (№ 61-й).

О характерѣ консерватизма Константина Петровича, объ отношеніи его къ нововведеніямъ, къ реформамъ вотъ что читаемъ въ «Церк. Голосѣ»: «Ни одно выдающееся въ умственной жизни Россіи явленіе не ускользаетъ не только изъ вниманія К. П—ча, но и получаетъ отъ него глубокую, своеобразную, хотя, быть можетъ, иногда и одностороннюю оцѣнку. Не говоря уже о сильныхъ статьяхъ его «М Сборника», посвященныхъ оцѣнкѣ теченій мысли и жизни 60-хъ—90 хъ годовъ прошлаго столѣтія, онъ и въ послѣдніе годы, имѣя уже 70 слишкомъ лѣтъ, сейчасъ же отзывался на все новое, что волновало умы русской интеллигенціи. Началось переустройство нашей упавшей школы, онъ издаетъ нѣсколько книгъ (напр. «Ученье и учитель») по этому вопросу. Заявляетъ о себѣ теченіе религіозной мысли, желающее найти Христа и христіанство внѣ «Исторической Церкви», К. П. выступаетъ съ сильной статьей, доказывая, что христіанство безъ церкви будетъ «христіанствомъ безъ Христа» (заглавіе статьи). Поднимаются рѣчи о реформѣ богослуженія, онъ издаетъ особую книжку, откликаясь и на этотъ вопросъ, особенно ему близкій и дорогой, какъ глубокому знатоку славянскаго языка, тонко понимающему его своеобразную красоту. Справедливость требуетъ сказать, что, если многіе изъ насъ цѣнятъ не только вѣками сложившееся богослуженіе, но и все вообще отзывающееся стариною лишь по традиціи и привычкѣ, К. П—чъ любилъ и цѣнилъ это по глубокому убѣжденію. Изъ

его литературныхъ трудовъ явствуетъ, что онъ умѣлъ одухотворять старину, для него она была полна силы и жизни. Онъ не изжился въ ней самъ, не «выдохся», какъ выдохлись многіе, критикующіе старину за «мертвенность», «окаменѣлость», вмѣсто того, чтобы критиковать себя за неумѣнье найти въ старинѣ то, что, хотя и старо по времени, но не состарилось и никогда не состарѣется по существу своего содержанія Онъ не былъ противникомъ реформъ и нововведеній, на нѣкоторыя изъ нихъ выразительно указывалъ самъ (въ области школьной), но вездѣ желалъ видѣть на первомъ планѣ совершенствованіе духа, а не внѣшнихъ формъ, и недовѣрчиво относился къ тѣмъ крайностямъ, какія у насъ, быть можетъ, по нашей широкой русской натурѣ, сейчасъ же выступаютъ на первый планъ и готовы въ стремленіи къ новому опрокинуть все старое, безъ разбору. Какъ типичный стойкій носитель и выразитель стараго, онъ не могъ не стать мишенью для ѣдкихъ нападокъ, сткрытой ненависти, доходившей до желанія насильственно отнять у него жизнь» (см. «Полт. Еп. Вѣд.» № 11-й).

Не разъ уже цитированный нами В. Колпенскій по поводу нескончаемыхъ упрековъ Побѣдоносцеву въ остановкѣ жизни, торможеніи и т. п. говоритъ: «желаніе не быть поспѣшнымъ, не сдѣлать неосторожнаго шага, не прикоснуться къ тому, что еще не совсѣмъ понятно, недовѣріе непровѣреннымъ теоріямъ— вотъ что удерживало его отъ стремительнаго бѣга по наклонной плоскости новшествъ и преобразованій» («Россія», № 399-й) — «Вы не были, писалъ Побѣдоносцеву въ извѣстномъ уже намъ письмѣ архіеп. Антоній, продолжателемъ административной рутины, какъ желаютъ представить ваши жалкіе, бездарные критики. Напротивъ, вы поднимали цѣлину жизни и быта, брались за дѣла, нужныя Россіи, но до васъ администраціи невѣдомыя».—Другой іерархъ нашей церкви преосвященный Таврическій Алексій въ упоминавшейся уже нами рѣчи предъ панихидой по К. Петровичѣ высказалъ: «Онъ былъ, если хотите, сторонникомъ реформы въ церковно-государственной жизни. Первая записка, призывавшая епархіальныхъ архіереевъ къ пересмотру старыхъ формъ церковной, епархіальной и приходской жизни и возможному улучшенію и замѣнѣ ихъ новыми, составлена К. Петровичемъ. Конечно, К. П. какъ человѣкъ огромнаго жизненнаго опыта и природно научнаго ума, смотрѣлъ на реформу церковно-государственной жизни слишкомъ глубоко и серьезно, но во всякомъ случаѣ, реформу онъ видѣлъ не въ замѣнѣ платья стараго покроя новымъ фасономъ, а въ томъ,

чтобы не было видно наготы человѣческой, чтобы изъ-подъ платья приличнаго проглядывала прежде всего добрая, чистая, богоподобная душа человѣка» («Таврич. Церк.-Общ. В.» № 9).— По отзыву «Кіевлянина», «близко стоявшій къ церковному управленію, К. П. П—въ употреблялъ энергическія усилія для оживленія церковной жизни, поднятія вліянія православной церкви и возвышенія православнаго духовенства» (№ 17-й)

Вотъ еще взглядъ на консерватизмъ Константина Петровича на его отношеніе къ прошлому и къ современнымъ ему фактамъ и явленіямъ, взглядъ, принадлежащій вышеупоминавшемуся извѣстному писателю и публицисту С. Сыромятникову и высказанный имъ въ № 401-мъ «Россіи». Побѣдоносцевъ, по словамъ г. С—ва, «совсѣмъ не былъ хвалителемъ прошлаго, невѣжественнымъ старовѣромъ, закрывавшимъ глаза на пороки и язвы окружающаго. Напротивъ, человѣкъ огромной начитанности и твердаго научнаго мышленія, онъ сознавалъ всю гадость своего времени, но лекарство видѣлъ не тамъ, гдѣ видѣли его мы, его умственные внуки». Въ подтвержденіе такого своего мнѣнія о консерватизмѣ Побѣдоносцева г. Сыромятниковъ приводитъ слѣдующую очень характерную выдержку изъ «М. Сборника».

«Стоитъ только пройтись по улицамъ большого или малаго города, по большой или малой деревнѣ, чтобъ увидать разомъ и на каждомъ шагу, въ какой безднѣ улучшеній мы нуждаемся и какая повсюду лежитъ безобразная масса покинутыхъ дѣлъ, пренебреженныхъ учрежденій, разсыпанныхъ храминъ. Вотъ школы, въ которыхъ учитель, покинувъ дѣтей, составляетъ рефераты о методахъ преподаваній и фразистыя рѣчи для публичныхъ засѣданій; вотъ больница, въ которую боится идти народъ потому, что тамъ холодъ, голодъ, безпорядокъ и равнодушіе своекорыстнаго управленія; вотъ общественное хозяйство, въ которомъ деньги собираются большія и никто ни зачѣмъ не смотритъ, кромѣ своего прибытка и тщеславія; вотъ библіотека, въ которой все разрознено, растеряно и распущено, и нельзя найти толку ни въ употребленіи суммъ, ни въ пользованіи книгами, вотъ улица, по которой пройти нельзя безъ ужаса и омерзенія отъ нечистотъ, заражающихъ воздухъ и отъ скопленія домовъ разврата и пьянства, вотъ присутственное мѣсто, призванное къ важнѣйшему государственному отправленію, въ которомъ водворился хаосъ неурядицы и неправды, за неспособностью чиновниковъ, туда назначаемыхъ; вотъ департаментъ,

въ который, когда ни придешь за дѣломъ, не находишь нужныхъ для дѣла лицъ, обязанныхъ тамъ присутствовать; вотъ храмы-свѣтильники народные, оставленные среди селъ и деревень запертыми, безъ службы и пѣнія, и вотъ другіе, изъ коихъ, за крайнимъ безчиніемъ службы, не выноситъ народъ ничего, кромѣ хаоса, невѣдѣнія и раздраженія... Великъ этотъ свитокъ, и сколько въ немъ написано у насъ рыданія, и жалости, и горя.

«Вотъ жатва, на которую требуются дѣятели, куда надобно направить личныя силы мысли, любви и негодованія, гдѣ потребны не законодательные пріемы образованія, отвлекающіе только силу, а пріемы правителя и хозяина,—собирающіе силу къ одному мѣсту для воздѣлыванія и улучшенія. Вотъ истинная потребность нашего времени и нашего мѣста—и ею-то пренебрегаетъ нашъ вѣкъ изъ-за общихъ вопросовъ, изъ-за громкихъ словъ, звенящихъ въ воздухѣ».

«Ясно, заключаетъ г. Сыромятниковъ, что исходя изъ потребности единой силы и единой воли для организаціи жизни, Побѣдоносцевъ былъ врагомъ всякаго раздѣленія властей, врагомъ новой демократіи, парламентаризма».

ГЛАВА VI.

Характеристика міровоззрѣнія К. П. Побѣдоносцева по его научно-литературнымъ трудамъ.—Значеніе въ этомъ отношеніи «Московскаго Сборника».

Періодическая печать, характеризуя міровоззрѣніе К. П. Побѣдоносцева, его политическое и религіозно-философское profession de foi, не могла упускать изъ виду научно-литературныхъ трудовъ Побѣдоносцева. И она, въ особенности правый ея лагерь, дѣйствительно, удѣлила имъ большое вниманіе. Либераламъ и радикаламъ научные труды К. Петровича не на руку и потому въ органахъ своихъ они лишь высказывались, да и то кратко, объ этихъ трудахъ, а не знакомили съ ними своихъ читателей по выдержкамъ изъ нихъ.

По единодушному признанію органовъ печати самыхъ разнообразныхъ направленій, наилучшимъ, наиболѣе яркимъ и характернымъ выраженіемъ міровоззрѣнія Константина Петровича является его «Московскій Сборникъ», изданный въ 1896 г.[1]) Печать праваго лагеря чрезвычайно высоко оцѣниваетъ этотъ литературный трудъ К. П. Побѣдоносцева. По отзыву, напр. Б. Глинскаго въ «Ист. Вѣстникѣ», «М. Сборникъ» —это въ высшей степени оригинальное явленіе русской самостоятельной мысли, обратившее на себя вниманіе широкихъ круговъ общества какъ у себя на родинѣ, такъ и за рубежомъ ея. Даже по внѣшнимъ достоинствамъ сочиненія—«по силѣ слога, по чистотѣ языка, по отчеканкѣ мысли весьма и весьма немногія произ-

[1]) «М. Сборникъ» представляетъ изъ себя собраніе главныхъ статей К. П. о церкви, о государствѣ. Онъ выдержалъ пять изданій, переведенъ на нѣмецкій, французскій и англійскій языки.

веденія отечественной литературы могутъ быть поставлены въ одномъ ряду съ этимъ Сборникомъ». Б. Глинскій, между прочимъ, приводитъ мнѣніе о «М. Сборникѣ» издателя «Гражданина» кн. В. Мещерскаго. Послѣдній говоритъ. «Книга «М. Сб.» по критическому уму ставитъ Побѣдоносцева на ряду съ умнѣйшими мыслителями міра и должна, по моему глубокому убѣжденію, быть читанною и перечитанною не только начинающимъ свою сознательную жизнь человѣкомъ, но каждымъ педагогомъ, каждымъ государственнымъ человѣкомъ. Читая страницы этой геніальной книги, нельзя не приходить на каждой изъ нихъ въ восхищеніе отъ тонкаго анализа самыхъ сокровенныхъ душевныхъ тайнъ, отъ свѣтлаго и зоркаго взгляда на каждый государственный вопросъ, отъ теплыхъ отзвуковъ сердечнаго участія къ немощамъ и слабостямъ человѣка и, наконецъ, отъ проявленія самаго чистаго культа христіанства» — «Кіевлянинъ» считаетъ «М. Сборникъ» такою книгою, «какія не умираютъ» (№ 77-й).—По признанію Н. И. К—то въ «Каз Телеграфѣ», «М. Сб.» представляетъ собою замѣчательный политическій философскій трактатъ, равныхъ которому найдется мало въ міровой литературѣ (№ 4221-й).

По тому, на что въ «М. Сборникѣ» правая печать обратила особенное вниманіе, желая охарактеризовать почившаго, представляется возможнымъ вполнѣ правильно судить о томъ, какъ печать эта понимала Константина Петровича, его политическое и религіозно-философское *profession de foi*.

По отзыву «Колокола» въ «М. Сборникѣ» мы видимъ проникновенный діагнозъ важнѣйшихъ болѣзней современной культуры, отъ которыхъ авторъ хотѣлъ предохранить свое отечество. Здѣсь, продолжаетъ газета, подвергнуты безпощадной критикѣ всѣ современныя ходячія воззрѣнія, къ сожалѣнію, столь неудержимо увлекшія наше общество и уже принесшія теперь свои плачевные результаты. Съ ясновидѣніемъ пророка предостерегалъ онъ насъ отъ современныхъ заблужденій и съ глубокой сердечною болью указывалъ на «великую ложь нашего времени», которую, несмотря на его предостереженіе, мы теперь переживаемъ. Теперь злобу дня представляетъ для насъ та парламентаторная система, которая надвигается и грозитъ совершенно сдвинуть наше отечество съ его исторической основы и произвести окончательное крушеніе. Въ «М. Сборникѣ» К. П. даетъ намъ яркій «образъ этой великой современной политической лжи». Далѣе въ газетѣ приводится слѣдующій отрывокъ объ этой «злобѣ дня».

«По теоріи парламентаризма, должно господствовать разумное большинство; на практикѣ господствуютъ пять—шесть предводителей партіи; они, смѣняяся, овладѣваютъ властью. По теоріи убѣжденіе утверждается ясными доводами во время парламентскихъ дебатовъ; на практикѣ оно не зависитъ нисколько отъ дебатовъ, но направляется волею предводителей и соображеніями личнаго интереса. По теоріи народные представители имѣютъ въ виду единственно народное благо; на практикѣ они, подъ предлогомъ народнаго блага и на счетъ его, имѣютъ въ виду преимущественно личное благо свое и друзей своихъ. По теоріи они должны быть изъ лучшихъ излюбленныхъ гражданъ; на практикѣ это—наиболѣе честолюбивые и нахальные граждане. По теоріи избиратель подаетъ голосъ за своего кандидата потому, что знаетъ его и довѣряетъ ему; на практикѣ избиратель даетъ голосъ за человѣка, котораго по большей части совсѣмъ не знаетъ, но о которомъ натвержено ему рѣчами и криками заинтересованной партіи.—По теоріи дѣлами въ парламентѣ управляютъ, двигаютъ опытный разумъ и безкорыстное чувство; на практикѣ главныя движущія силы здѣсь рѣшительная воля, эгоизмъ и краснорѣчіе Вотъ каково въ сущности это учрежденіе, выставляемое цѣлью и вѣнцомъ государственнаго устройства. Больно и горько думать, что въ землѣ русской были и есть люди, мечтающіе о водвореніи этой лжи у насъ —Но уже и тамъ, гдѣ она издавна дѣйствуетъ,—ослабѣваетъ вѣра въ нее, еще славитъ ее либеральная интеллигенція, но народъ стонетъ подъ гнетомъ этой машины и распознаетъ въ ней скрытую ложь. Едва-ли дождемся мы,—но дѣти наши и внуки несомнѣнно дождутся сверженія этого идола, которому современный разумъ продолжаетъ еще въ самообольщеніи поклоняться» (№ 337).

Въ «Гол. Москвы» нѣкто М., касаясь критики К. П. П—мъ основныхъ устоевъ современной западно-европейской культуры и государственнаго строя, говоритъ, что, по признанію Побѣдоносцева, «главными поборниками западно-европейской культуры являются раціонализмъ и вѣра въ добрую природу человѣка. Первый, по его словамъ, отдаетъ человѣка въ полную власть логическаго вывода и обобщеній, имѣющихъ значеніе и силу въ дѣйствительности лишь постольку, поскольку вѣрны жизненные факты; вторая приводитъ къ идеи народовластія и парламентаризма—великой лжи нашего времени. Взятые вмѣстѣ, оба фактора производятъ крайнюю смуту во всемъ строѣ европейскаго общества, поражая и «русскія безумныя головы». Призванная къ обсужденію широкихъ теоретическихъ программъ,

на которыхъ основывается все государственное управленіе, масса населенія, неспособная къ провѣркѣ широкихъ обобщеній, путемъ внимательнаго изученія фактовъ, отдается въ жертву людямъ, умѣющимъ воздѣйствовать на нее своимъ краснорѣчіемъ, способностью ловко дѣлать обобщенія и другими пріемами борьбы, и т. д. Поэтому все, что основано на господствѣ раціонализма и идей народнаго представительства, находитъ въ Побѣдоносцевѣ строгаго судью» (№ 61-й).

Для характеристики Побѣдоносцева со стороны отношенія его къ парламентаризму, г. Сыромятниковъ приводитъ въ «Россіи» (въ № 401-мъ) слѣдующую выдержку изъ того же «М. Сборника», отмѣчающую особенную трудность осуществленія парламентаризма въ разнородныхъ государствахъ, какова, напр., Австрія.

«Начало національности, говоритъ Побѣдоносцевъ, выступило впередъ и стало движущею и раздражающею силою въ ходѣ событій именно съ того времени, какъ пришло въ соприкосновеніе съ новѣйшими формами демократіи. Довольно трудно опредѣлить существо этой новой силы и тѣхъ цѣлей, къ какимъ она стремится; но несомнѣнно, что въ ней—источникъ великой и сложной борьбы, которая предстоитъ еще въ исторіи человѣчества и невѣдомо, къ какому приведетъ исходу. Мы видимъ теперь, что каждымъ отдѣльнымъ племенемъ, принадлежащимъ къ составу разноплеменнаго государства, овладѣваетъ страстное чувство нетерпимости къ государственному учрежденію, соединяющему его въ общій строй съ другими племенами, и желаніе имѣть свое самостоятельное управленіе, со своею, нерѣдко мнимою, культурой. И это происходитъ не съ тѣми только племенами, которыя имѣли свою исторію и, въ прошедшемъ своемъ, отдѣльную политическую жизнь и культуру,—но и съ тѣми, которыя никогда не жили особою политическою жизнью. Монархія неограниченная успѣвала устранять или примирять всѣ подобныя требованія и порывы,—и не одною только силой но и уравненіемъ правъ и отношеній подъ одною властью. Но демократія не можетъ съ ними справиться и инстинкты національности служатъ для нея разъѣдающимъ элементомъ: каждое племя изъ своей мѣстности высылаетъ представителей—не государственной и народной идеи, но представителей племенныхъ инстинктовъ, племенного раздраженія, племенной ненависти—и къ господствующему племени, и къ другимъ племенамъ, и къ связующему всѣ части государства учрежденію Какой нестройный видъ получаетъ въ подобномъ составѣ народное предста-

вительство и парламентское правленіе,—очевиднымъ тому примѣромъ служитъ въ наши дни австрійскій парламентъ. Провидѣніе сохранило нашу Россію отъ подобнаго бѣдствія, при ея разноплеменномъ составѣ. Страшно и подумать, что возникло бы у насъ, когда бы судьба послала намъ роковой даръ —всероссійскаго парламента. Да не будетъ».

Желаніе Побѣдоносцева, говоритъ г. Сыромятниковъ, не исполнилось. Государственный корабль Россіи попалъ въ бурныя воды, отъ которыхъ онъ тщетно старался предохранить его, но не слѣдуетъ намъ отчаяваться за будущее»...

Отчаяваться, — замѣтимъ мы по поводу этого мнѣнія г. С—ва, — конечно, не слѣдуетъ; но съ другой стороны не нужно упускать изъ виду и того, что и новый нашъ политическій строй далеко еще не тотъ, что въ Австріи. Поэтому, еще остается и все значеніе словъ К. П. Побѣдоносцева. «Страшно и подумать, что возникло бы у насъ, когда бы судьба послала намъ роковой даръ—всероссійскаго парламента».

«М. Сборникъ» послужилъ отправною точкою для сужденія о политическихъ убѣжденіяхъ и идеалахъ К. П. Побѣдоносцева и для «Кіевлянина» Въ № 77-мъ этой газеты напечатана обширная статья на тему «Великая ложь нашего времени». Въ статьѣ этой, между прочимъ, замѣчается, что «выдающійся умъ Побѣдоносцева,—умъ по преимуществу аналитическій, въ области критики, вооруженный огромными научными знаніями, не имѣлъ себѣ равнаго среди нашихъ ученыхъ и государственныхъ дѣятелей минувшаго столѣтія. И къ голосу безпощадной, хотя страшно безотрадной критики, необходимо прислушиваться именно теперь—въ наше время безудержнаго радикализма и опустошительной ломки «М. Сборникъ» посвященъ самымъ основнымъ и вѣковѣчнымъ вопросамъ человѣческаго разума и человѣческихъ заблужденій. «Кіевлянинъ» останавливаетъ свое вниманіе собственно на двухъ статьяхъ «Сборника», одна изъ которыхъ называется «Новая Демократія», другая—«Великая ложь нашего времени». Обѣ эти статьи посвящены вопросу о народоправствѣ и народномъ представительствѣ Особенно характерною «Кіевлянинъ» считаетъ вторую статью. «Тезисъ ея, — говоритъ газета, опредѣляется ея заглавіемъ—«Великая ложь нашего времени» «Великая ложь нашего времени» и есть, именно, идея народовластія, та, по словамъ К. П., къ сожалѣнію, утвердившаяся со времени французской революціи идея, что всякая власть исходитъ отъ народа и имѣетъ основаніе въ волѣ народной. Отсюда исходитъ теорія парламентаризма, которая до

сихъ поръ вводитъ въ заблужденіе массу, такъ называемой интеллигенціи и проникла, къ несчастію, въ русскія безумныя головы». Далѣе въ «Кіевлянинѣ» приводятся изъ сочиненія Побѣдоносцева подробныя выписки, въ которыхъ безпощадно, съ сокрушающею силою, критикуется пышная теорія парламентаризма и съ «уничтожающею ѣдкостью» изображается самая процедура изготовленія «народныхъ избранниковъ». Такъ какъ съ критикой К. П. теоріи народоправства и народнаго представительства мы нѣсколько уже знакомы по «Колоколу», «Гол. Москвы» и «Россіи», то считаемъ излишнимъ приводить здѣсь выписки по тому же предмету изъ «Кіевлянина». Но въ той же статьѣ «Кіевлянина» приводится подробная выдержка изъ сочиненія К. П. Побѣдоносцева, ярко обрисовывающая послѣдняго со стороны его воззрѣній на періодическую печать. По выдержкѣ этой легко судить, какое представленіе о Побѣдоносцевѣ въ данномъ отношеніи укореняла въ кругахъ консервативныхъ правая печать. Вотъ, между прочимъ, какія строки приводятся въ «Кіевлянинѣ»:

«Намъ велятъ вѣрить, что голосъ журналовъ и газетъ—или такъ называемая пресса, есть выраженіе общественнаго мнѣнія... Увы, это великая ложь, и пресса есть одно изъ самыхъ лживыхъ учрежденій нашего времени... Любой уличный проходимецъ, любой болтунъ изъ непризнанныхъ геніевъ, любой искатель гешефта, можетъ, имѣя свои или доставъ для наживы и спекуляціи чужія деньги, основать газету, хотя бы большую, собрать около себя по первому кличу толпу писакъ, фельетонистовъ, готовыхъ разглагольствовать о чемъ угодно, репортеровъ, поставляющихъ безграмотныя сплетни и слухи,—и штабъ у него готовъ, и онъ можетъ съ завтрашняго дня стать въ положеніе власти, судящей всѣхъ и каждаго, дѣйствовать на министровъ и правителей, на искусства и литературу, на биржу и промышленность. Это особый видъ учредительства и грюндерства и притомъ самаго дешеваго свойства... Стоитъ всмотрѣться въ это явленіе: мы распознаемъ въ немъ одно изъ безобразнѣйшихъ логическихъ противорѣчій новѣйшей культуры, и всего безобразнѣе является оно именно тамъ, гдѣ утвердились начала новѣйшаго либерализма, именно тамъ, гдѣ требуется для каждаго учрежденія санкція выбора, авторитетъ всенародной воли... Отъ одного только журналиста, власть коего практически на все простирается, не требуется никакой санціи. Никто не выбираетъ его и никто не утверждаетъ. Газета становится авторитетомъ въ государствѣ, и для этого единственно авторитета

не требуется никакого признанія. Всякій, кто хочетъ, первый встрѣчный можетъ стать органомъ этой власти, представителемъ этого авторитета, и притомъ вполнѣ безотвѣтственнымъ, какъ никакая иная власть въ мірѣ.

«Судья, имѣя право карать нашу честь, лишать насъ имущества и свободы, пріемлетъ его отъ государства» и послѣ продолжительной и трудной подготовки къ своему званію. «Онъ связанъ строгимъ закономъ; всякія ошибки его и увлеченія подлежатъ контролю высшей власти, и приговоръ его можетъ быть измѣненъ и исправленъ. А журналистъ имѣетъ полную возможность запятнать, опозорить мою честь, затронуть мои имущественныя права; можетъ даже стѣснить мою свободу... Но эту судейскую власть надо мною самъ онъ себѣ присвоилъ... въ судѣ своемъ не связанъ никакими формами процесса, и не подлежитъ никакой апелляціи въ своемъ приговорѣ». Объяснивъ далѣе, почему нападки печати на частное лицо могутъ причинить ему вредъ, ничѣмъ непоправимый, ни опроверженіями поносительной статьи въ той же печати, ни даже судебнымъ преслѣдованіемъ за клевету въ печати, Побѣдоносцевъ заключаетъ: „Итакъ, можно-ли представить себѣ деспотизмъ болѣе насильственный, болѣе безотвѣтственный, чѣмъ деспотизмъ печатнаго слова? И не странно-ли, не дико-ли и безумно, что о поддержаніи и охраненіи именно этого деспотизма хлопочутъ всего болѣе ожесточенные поборники *свободы*, вопіющіе съ озлобленіемъ противъ всякаго насилія, противъ всякихъ законныхъ ограниченій, противъ всякаго стѣснительнаго распоряженія *установленной власти*! Невольно приходитъ на мысль вѣковѣчное слово объ умникахъ, которые совсѣмъ обезумѣли отъ того, что возмнили себя мудрыми!“

Приведенныя воззрѣнія К. П. Побѣдоносцева на періодическую печать «Кіевлянинъ» сопровождаетъ слѣдующими строками: «К. П. Побѣдоносцевъ признаетъ, что «газета несомнѣнно служитъ для человѣчества важнѣйшимъ орудіемъ культуры». Онъ говоритъ, что «есть серьезные умы, руководящіе газетой», но такихъ немного, а газетъ великое множество, и въ этомъ множествѣ «скопляется какая-то роковая, таинственная, разлагающая сила, нависшая надъ человѣчествомъ». Эту «разлагающую силу» Россія имѣла возможность почувствовать въ полной мѣрѣ за два года нашего „освободительнаго движенія“, и пессимизмъ К. П. Побѣдоносцева (въ воззрѣніяхъ на печать) оказался проницательнѣе близорукаго оптимизма тѣхъ, которые спустили съ цѣпи нашу «свободную печать», отпраздновавшую

свою свободу не съ разумной сдержанностью зрѣлаго гражданина, а съ буйной необузданностью темнаго раба, изъ всѣхъ свободъ постигшаго свободу лишь ругательствъ и издѣвательствъ, угрозъ и проклятій».

Отзываясь о К. П. Побѣдоносцевѣ, какъ самобытномъ политическомъ мыслителѣ, который, по словамъ В. Колпенскаго въ „Россіи“ (№ 399), «все, о чемъ нынѣ кричатъ на всѣ голоса,—конституція, парламентъ, свобода печати, совѣсти и всякія иныя свободы и т. п.,—все изучилъ, обдумалъ, взвѣсилъ, прикинулъ на вѣсы русской жизни... и разочаровался» и подвергъ безпощадной уничтожающей критикѣ, правая печать указывала и на положительные взгляды Константина Петровича. Взгляды эти, по характеристикѣ М. въ извѣстной уже намъ статьѣ въ «Гол. Москвы», «столь же опредѣленны, какъ и его критика современнаго строя зап.-европейской государственной и общественой жизни. «Есть въ человѣчествѣ, говоритъ онъ, натуральная сила инерціи, имѣющая великое значеніе... Сила эта безусловно необходима для благосостоянія общества. Въ пренебреженіи или забвеніи этой силы—вотъ въ чемъ главный порокъ новѣйшаго прогресса. Простой человѣкъ знаетъ значеніе этой силы и хорошо чувствуетъ, что, поддавшись логикѣ и разсужденіямъ, онъ долженъ будетъ измѣнить все свое міровоззрѣніе; поэтому-то онъ твердо и хранитъ ее. Она покоится не на знаніи, а на основномъ мотивѣ человѣческихъ дѣйствій—непосредственномъ изученіи, чувствѣ и опытѣ, и потому-то въ политическомъ отношеніи эта сила родитъ уваженіе къ старымъ учрежденіямъ, которыя тѣмъ драгоцѣнны и потому незамѣнимы, что не придуманы, а созданы жизнью, вышли изъ жизни прошедшей, изъ исторіи и освящены въ народномъ мнѣніи. Съ этой силой непосредственно связывается и главная опора общественной жизни —вѣра».—О положительной части въ «М. Сборникѣ» и та печать, которая высоко цѣнитъ этотъ Сборникъ, отзывается, что эта часть слабѣе отрицательной части. „Все положительное, что изложено въ Сборникѣ, говоритъ г. Глинскій въ «Истор. Вѣстникѣ», блѣднѣе отрицательной части, изложено въ видѣ принимаемыхъ на вѣру аксіомъ и является наглядымъ доказательствомъ большей силы автора въ анализѣ и отрицаніи, нежели въ синтезѣ и творческой работѣ» (стр. 260).

По замѣчанію «Кіевлянина», къ объясненію глубокаго пессимизма въ Константинѣ Петровичѣ на счетъ «всероссійскаго парламента» служитъ то, что въ демократическомъ движеніи на Западѣ и силахъ, которыми оно тамъ работаетъ, К. П—чъ

видѣлъ „походъ варваровъ на христіанскую цивилизацію“ (№ 77-й).

Опасенія, тревоги К. П. Побѣдоносцева за будущее Россіи при новомъ политическомъ ея строѣ не могли не находить для себя вѣскихъ основаній въ составѣ и дѣятельности нашего парламента. «Вотъ у насъ,—говоритъ напр., Альцестъ въ «Подольскомъ Голосѣ» (№ 118-й),—уже почти три года какъ стараются создать новый порядокъ вещей и замѣнить существующія власти другими Но, увы! Почва русская дала плохой урожай парламентаріевъ. Даже господствующая партія не нашла въ себѣ государственныхъ людей. Самые крупные ея корифеи г-да Милюковы, Родичевы, Набоковы обнаружили столько мелочности, столько наивнаго провинціализма, столько страсти къ дешевой конспираціи, что никакого «господства» у нихъ не вышло. А между тѣмъ отборъ лучшихъ людей есть все-таки первая, при всѣхъ системахъ, государственная потребность, и Россіи еще и еще разъ приходится создавать этотъ отборъ, выдѣлять изъ себя группу сильныхъ людей, умъ и характеръ которыхъ позволилъ-бы имъ быть душею страны. Бюрократія обанкротилась. Допустимъ, что и такъ. Но вѣдь обанкротился и первый парламентъ»...

Какъ понималъ, какъ оцѣнивалъ Побѣдоносцева и его государственную дѣятельность Альцестъ, хорошо видно изъ слѣдующихъ строкъ цитуемой статьи. «Вотъ то и обидно, что люди имѣющіе опредѣленную нравственную физіономію, которая въ свое время сдѣлала не мало крупныхъ дѣлъ, теперь, съ измѣненіемъ обстоятельствъ, оказались неподходящими и должны поступить въ архивъ. Развѣ не досадно, когда подумаешь, что у насъ теперь можетъ не оказываться надобности въ такихъ людяхъ, какъ Побѣдоносцевъ и что они осуждаются проводить жизнь уединенно въ тиши своихъ кабинетовъ, или быть живыми статуями въ національномъ музеѣ. Всѣ теперь уже признаютъ, что покойный Побѣдоносцевъ, былъ весьма крупный государственный человѣкъ, обладавшій всѣми необходимыми качествами для глубокаго вліянія на общественную жизнь, весьма опытный, съ ясно сознанными цѣлями и съ сильной волей, самостоятельный и разносторонне образованный. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ дѣятелей, именами которыхъ знаменуются цѣлыя историческія эпохи. А развѣ его оцѣнили при жизни? Развѣ къ голосу его прислушивались въ послѣднее время въ правящихъ сферахъ? Въ сильный критическій моментъ, когда нашей государственности грозила серьез-

ная опасность, онъ былъ отозванъ съ главенствующаго государственнаго поста. Теперь уже и освободительныя газеты признаютъ, что «К. П. П—въ, обладая несомнѣнной образованностью, поразительной начитанностью, дѣйствовалъ въ силу глубокаго убѣжденія, имѣвшаго мало общаго съ бюрократическимъ карьеризмомъ. Безупречная личная жизнь, энциклопедическое образованіе, нравственная прямолинейность, политическая честность, вотъ его достоинства». Это теперь. А что говорилось и писалось при жизни этого высокодаровитаго государственнаго мужа? Вспомнимъ хотя бы гнусный памфлетъ сидящаго нынѣ въ заточеніи священника Петрова [1]), или пошлыя выходки бульварнаго публициста Амфитеатрова. Активные дѣятели революціи съ какимъ скрежетомъ зубовнымъ они всегда произносили имя этого ненавистнаго имъ человѣка, какою злобою загорались ихъ сердца при мысли, что этотъ вѣрный царскій слуга можетъ снова очутиться у власти и стать въ рѣшительную оппозицію ко всѣмъ тѣмъ «реформамъ», какія выдвинуло пресловутое освободительное движеніе, понимая, насколько эти реформы грозятъ государству. Побѣдоносцевъ принадлежалъ къ натурамъ глубоко увѣреннымъ въ безошибочности своихъ личныхъ взглядовъ, въ полезности примѣненія ихъ къ дѣлу, и потому стремящимся подчинить имъ жизнь, не обращая вниманіе ни на что... Какъ естественное послѣдствіе увѣренности въ себѣ и въ цѣлесообразности своихъ стремленій, у такихъ людей нерѣдко является полное равнодушіе, если даже не презрѣніе, къ общественному мнѣнію... а зачастую возникаетъ и нетерпимость ко всякимъ другимъ мнѣніямъ, кромѣ собственныхъ».

Послѣднюю черту въ Побѣдоносцевѣ—глубокую его увѣренность въ безошибочности своихъ личныхъ взглядовъ, въ цѣлесообразности своихъ стремленій, надежду только на себя, на свои собственныя силы, на эту черту указываетъ и В. Варваринъ въ «Р. Словѣ». «Мнѣ кажется, онъ былъ человѣкъ *старой*, даже застарѣлой и какой-то *неумной* школы. Онъ соображалъ, что «дѣлать», это — значило, именно *самому* дѣлать... Между тѣмъ, истина заключается въ томъ, чтобы давать *другимъ* дѣлать. Между двумя этими программами—цѣлая пропасть. «*Само* дѣланіе заключается въ какомъ-то отвратительномъ убѣжденіи, что всѣ люди мертвы, кромѣ меня... Другая программа чрезвычайно умна исторически и въ то же время удобна. Она заключается во взглядѣ, что все должно «*дѣлаться*», *само собою* совер-

[1]) Разумѣется извѣстный Григорій II — въ, нынѣ лишенный сана, находившійся на эпитиміи въ Череменецкомъ монастырѣ.

шаться, и что почти всѣ индивидуальныя усилія, положимъ, „высокопоставленнаго человѣка“, министра и проч. должны заключаться въ убраніи препятствій съ дороги, въ снятіи путъ съ человѣка и людей. Хотя, повидимому, Побѣдоносцевъ придавалъ «слѣпымъ стихіямъ исторіи» высшее значеніе, нежели индивидуальному уму, (см. его «Московскій Сборникъ»), но на самомъ дѣлѣ онъ былъ *индивидуалистъ*, и на слѣпыя стихіи исторіи смотрѣлъ, какъ на разбой, почти разбой въ своемъ департаментѣ. Онъ не довѣрялъ ни народу, ни странѣ, ни своему поколѣнію. Все это были «грабители», грабившіе его чемоданъ, съ гладко переписанными бумагами, на которыхъ значилась подпись: „К. Побѣдоносцевъ“ (№ 76-й).

Для характеристики Константина Петровича печать пользовалась и другими его сочиненіями, причемъ лѣвая печать высказывалась о нихъ почти всегда очень кратко, ограничиваясь, можно сказать, одними замѣчаніями, причемъ о трудахъ въ области юридической даже и противорѣчиво. Въ нѣкоторыхъ лѣвыхъ газетахъ проскальзывали и лестные отзывы о Побѣдоносцевѣ, какъ юристѣ. Но въ общемъ либеральная и радикальная печать научные труды Побѣдоносцева ставила невысоко. Не стѣснялась она отзывами о нихъ и самыми порицательными. Нужно, однако, прибавить, что печать эта порицала сочиненія Побѣдоносцева не только за ихъ какія-либо литературные или научные недостатки, а, главнымъ образомъ, за ихъ тему, за предметъ ихъ содержанія, за то, что они въ значительной своей части представляли собою идеологію реакціи, обосновывали необходимость ея, необходимость подчиненія старымъ авторитетамъ.

Лѣвая печать даже не скрывала своей досады на то, что «К. П. Побѣдоносцевъ—выдающійся юристъ, чье имя могло бы быть украшеніемъ науки», перейдя съ поприща чистой науки на административную службу, сдѣлался «философомъ и публицистомъ бюрократическаго режима.. поставилъ реакцію на твердую дорогу» («Новь», № 58-й) — По отзыву М. въ «Сибир. Ж.» (№ 112-й), «К. П. Побѣдоносцевъ, ученый цивилистъ, является авторомъ капитальнаго «Курса гражданскаго права» Этотъ курсъ, какъ первая попытка детальной разработки русскаго гражданскаго права, имѣетъ большую цѣнность, научную и практическую. Кромѣ того, К. П П—въ является авторомъ цѣнныхъ трудовъ по исторіи русскаго права и издателемъ важныхъ историко юридическихъ матеріаловъ. Все это указываетъ на него, какъ на крупную научную силу. И если бы эта сила

цѣликомъ была направлена на научныя изслѣдованія, быть можетъ, имя К. П. Побѣдоносцева получило бы почетную извѣстность въ исторіи русской науки, а не печальную извѣстность въ исторіи русской государственности» —«Одес. Листокъ»—газета съ радикальнымъ направленіемъ—высказался, повторяя, впрочемъ, почти буквально слова «Нов. Вр.» (№ 11133-й), въ такомъ родѣ: «Репутація Побѣдоносцева, какъ одного изъ лучшихъ нашихъ цивилистовъ, сложилась совершенно основательно, благодаря его «Курсу гражданскаго права», въ который притомъ вошло большинство его остальныхъ работъ по отдѣльнымъ вопросамъ науки. Выдающееся значеніе этого труда—въ томъ, что онъ, въ сущности, является первой полной обработкой дѣйствующаго русскаго гражданскаго права, дѣлающей тѣмъ болѣе чести автору, что, вслѣдствіе хаотическаго состоянія нашихъ гражданскихъ законовъ, для выполненія подобной задачи нужна огромная начитанность въ памятникахъ нашего законодательства. Въ основу труда онъ положилъ историко-сравнительный методъ» (№ 56-й). — Называя Побѣдоносцева «выдающимся авторитетомъ по гражданскому праву»... «дѣйствительно яснымъ умомъ въ его прежнихъ историческихъ и юридическихъ работахъ», «Рѣчь» считаетъ, что «въ политическихъ своихъ воззрѣніяхъ» онъ былъ „жертва устарѣвшихъ предразсудковъ“. Газетѣ почему-то кажется «любопытнымъ», что „когда Побѣдоносцеву приходилось защищать эти воззрѣнія въ литературѣ, онъ прибѣгалъ обыкновенно къ заимствованіямъ изъ сочиненій иностранныхъ реакціонеровъ». По мнѣнію газеты, и «вся его аргументація противъ перенесенія европейскихъ политическихъ порядковъ и соціальныхъ реформъ сводилась, будто бы, лишь къ подбору отрицательныхъ отзывовъ о тѣневыхъ сторонахъ европейскаго политическаго и общественнаго строя».

Не обошлось въ лѣвомъ лагерѣ печати и безъ крайне отрицательнаго взгляда на научно-литературныя произведенія Побѣдоносцева. Нашимъ радикальнымъ газетамъ очевидно особенно понравился слѣдующій, заключающійся въ извѣстномъ уже намъ памфлетѣ Амфитеатрова отзывъ о произведеніяхъ Побѣдоносцева: «Прочтите,—говорится въ этомъ памфлетѣ,—произведенія П., большею частію заимствованныя отъ старыхъ иностранныхъ авторовъ. Въ нихъ ни одной непосредственной мысли, ни одной искры живого пылкаго чувства,—все мертвыя схемы, облеченныя въ реторику допотопнаго карамзинскаго слога, пустота общихъ мѣстъ, сдобренныхъ ловкими цитатами и акаде-

мическимъ подборомъ громкозвучныхъ текстовъ изъ священнаго Писанія, отцевъ церкви, духовныхъ ораторовъ. Все—заказныя надписи на поваленныхъ гробахъ!..» Отзывъ въ сущности нелѣпый, а посмотрите, за какой перлъ въ смыслѣ критической оцѣнки произведеній Побѣдоносцева принятъ онъ нѣкоторыми нашими радикальными газетами... Для примѣра укажемъ на «Парусъ» (№ 71-й) и «Слово Правды» (№ 43-й).

Изъ отзывовъ прогрессивной печати о научныхъ трудахъ Константина Петровича едва ли не исключительнымъ по его серьезности является отзывъ А. Каминки въ „Правѣ“ (№ 11). Замѣтивъ вообще, что Побѣдоносцевъ, несмотря на то, что «у него за отвлеченіемъ къ политической дѣятельности мало было времени для научныхъ работъ, все-таки удалось сдѣлать въ сферѣ этихъ работъ весьма многое», А. Каминка высказывается собственно объ одномъ, называя его «главнымъ», ученомъ трудѣ Побѣдоносцева—о его «Курсѣ гражданскаго права». Появленіе этого труда, по словамъ А. Каминки, «несомнѣнно было крупнымъ событіемъ въ нашей цивилистической литературѣ». Хотя первое изданіе этого курса появилось въ 1868 г., онъ и до настоящаго времени сохранилъ извѣстное значеніе.

«Побѣдоносцевъ былъ настолько цѣльнымъ человѣкомъ, что всѣ его особенности, такъ рѣзко проявившіяся въ его политической дѣятельности, отразились и на его цивилистическихъ трудахъ. Любовь къ старинѣ, боязнь всякаго новшества составляютъ отличительную особенность его Курса гражданскаго права... Все значеніе труда Побѣдоносцева заключается въ изученіи нашего русскаго положительнаго права, исторіи его происхожденія. Онъ превосходно справляется съ этимъ весьма неблагодарнымъ матеріаломъ, искусно его систематизируетъ, логически приходитъ къ совершенно опредѣленнымъ выводамъ, причемъ изложеніе его всегда простое и ясное. Таковы положительныя стороны его курса, которыя обезпечили ему выдающееся мѣсто въ нашей бѣдной цивилистической литературѣ. Но рядомъ съ этими несомнѣнными достоинствами,—говоритъ г. Каминка,—необходимо отмѣтить и весьма крупные его недостатки, лишающіе многія части его научнаго значенія. Хотя авторъ и утверждаетъ, что въ основу своего курса онъ положилъ «сравнительную методу изложенія и старался, прежде всего, въ началѣ каждой статьи указывать на основную идею учрежденія, потомъ переходилъ къ объясненію учрежденія въ отличительныхъ его чертахъ по римскому, французскому, германскому праву», однако въ дѣйствительности это былъ планъ, который

слѣдовало выполнить, но котораго онъ не выполнилъ. Побѣдоносцеву никогда не удавалось на основаніи изученія западно европейскаго законодательства создать сколько-нибудь законченную, сколько-нибудь цѣльную конструкцію института... Это отсутствіе творческой мысли въ научныхъ работахъ, полная зависимость отъ постановленій дѣйствующаго права въ связи съ боязнью критическаго къ нимъ отношенія лишили Побѣдоносцева возможности оказать благотворное вліяніе на науку гражданскаго права въ Россіи. И онъ, какъ цивилистъ, потерялъ значеніе еще значительно ранѣе того времени, когда окончилась его политическая роль».

Какъ не изучавшіе юридическихъ наукъ, мы не считаемъ себя компетентными для оцѣнки степени основательности и правильности приведеннаго отзыва А. Каминки какъ въ частности о сочиненіи Побѣдоносцева — «Курсъ гражданскаго права», такъ и вообще о значеніи цивилистическихъ трудовъ его для науки гражданскаго права въ Россіи.

Вопросъ объ этомъ до нѣкоторой степени можетъ уясниться чрезъ сопоставленіе съ приведенными отзывами о научно-литературныхъ трудахъ Побѣдоносцева, взятыхъ изъ газетъ лѣваго лагеря, съ отзывами о томъ же предметѣ, сдѣланными въ газетахъ праваго лагеря

Мы только что привели отзывъ о «Курсѣ гражданскаго права» Побѣдоносцева, данный А. Каминкою въ либеральной газетѣ—„Право“. Ради яркости противопоставленія приведемъ сейчасъ отзывъ о томъ же трудѣ Побѣдоносцева В. Колпенскаго, сдѣланный въ «Россіи»—газетѣ праваго лагеря. В. Колпенскій говоритъ: „Бывшій профессоръ московскаго университета, Побѣдоносцевъ оставилъ нѣсколько ученыхъ трудовъ; первое среди нихъ мѣсто безспорно принадлежитъ его знаменитому «Курсу гражданскаго права» въ трехъ обширныхъ томахъ, выдержавшему уже нѣсколько изданій. Этой своей книгой Побѣдоносцевъ создалъ науку русскаго гражданскаго права; онъ по справедливости можетъ назваться отцомъ и родоначальникомъ этой науки. Все то, что было въ этой области до него — это или сколки съ иностранныхъ книгъ, или изложенія законовъ, или, на лучшій конецъ, приспособленія общей теоріи гражданскаго права къ русскому закону. Впервые Побѣдоносцевъ, съ замѣчательнымъ проникновеніемъ въ русскую исторію и русскій правовой духъ, даетъ самобытное и вмѣстѣ съ тѣмъ высоко-научное изложеніе гражданскаго права русскаго народа. Пройдетъ еще не одно поколѣніе русскихъ юристовъ, но

книга Побѣдоносцева останется исходной точкой для всякой научной работы въ этой области“ (№ 399).

Краткое, но очень лестное замѣчаніе о томъ же трудѣ Побѣдоносцева — «Курсѣ гражданскаго права» сдѣлало и «Нов. Время». Газета выражается, что трудъ этотъ, выдержавшій пять изданій, «замѣчательный», «до сихъ поръ служитъ образцовымъ руководствомъ», «является первой полной обработкой дѣйствующаго русскаго гражданскаго права, считается «классическимъ». Въ «Курсъ» Побѣдоносцева вошло большинство его работъ по отдѣльнымъ вопросамъ гражданскаго права (№ 11.133) — Одинаковаго съ «Нов. Временемъ» взгляда на «Курсъ» Побѣдоносцева держится и Б. Глинскій. По его словамъ, «Курсъ» Побѣдоносцева, «по оцѣнкѣ спеціалистовъ, классическое произведеніе русской юридической литературы», «въ своемъ родѣ единственный у насъ юридическій трудъ». Къ «Курсу» Побѣдоносцева, говоритъ тотъ же г. Глинскій «и по содержанію и по идейному богатству ближайшимъ образомъ примыкаетъ другая его юридическая работа—«Судебное руководство», гдѣ онъ выдвигаетъ свое главное положеніе, заключающееся въ томъ, что законъ—«только опора для исполнителей и требуетъ отъ нихъ извѣстнаго знанія и разумѣнія, пріобрѣтаемаго не изъ буквы закона, а изъ школы и изъ того совмѣстно и послѣдовательно накопленнаго запаса силъ и опытности, который собирается трудомъ поколѣній».

Для иллюстраціи того, «какія требованія предъявлялъ К. П. Побѣдоносцевъ къ русскимъ ученымъ въ области изученія отечественнаго права, какія цѣли онъ ставилъ и какъ онъ смотрѣлъ на ихъ долгъ передъ родиной», г. Глинскій приводитъ нижеслѣдующую выдержку изъ его «Курса»: «Изучать надо самые памятники законодательства. Для сего мы имѣемъ превосходный матеріалъ въ «первомъ полномъ собраніи законовъ», и за него-то надобно взяться каждому, кто захочетъ заниматься русскимъ правомъ серьезно... При чтеніи необходимо составлять себѣ краткія отмѣтки и выписки, которыя впослѣдствіи останутся для читателя на всю жизнь надежнѣйшимъ и полнѣйшимъ указателемъ на случай нужды. Многимъ можетъ показаться страннымъ такой совѣтъ; но смѣю увѣрить всякаго, что такое чтеніе, въ началѣ, правда, требующее нѣкоторыхъ усилій, вскорѣ окажется интереснымъ, а для иныхъ и увлекательнымъ чтеніемъ. Съ каждымъ томомъ читатель станетъ входить въ силу и живѣе почувствуетъ въ себѣ драгоцѣннѣйшій плодъ внимательнаго труда—здоровое и дѣльное знаніе, то са-

мое знаніе, которое необходимо для русскаго юриста и которымъ русскіе юристы, къ сожалѣнію, такъ часто пренебрегаютъ, питаясь отъ источниковъ иноземныхъ: незамѣтно воспринимаютъ они въ себя понятія, возникшія посреди исторіи чужого народа, усваиваютъ начала и формы, на чужой почвѣ образовавшіяся и связанныя съ экономіей такого быта, который далеко отстоитъ отъ нашего.. Такое (т. е. впитанное изъ иноземныхъ источниковъ) знаніе невозможно признать здоровымъ и истиннымъ, какъ отрѣшенное отъ жизни, слѣдовательно — отъ истины. Напротивъ, тѣмъ и дорого изученіе нашего полнаго собранія законовъ для русскаго юриста, что здѣсь каждое явленіе юридическое, каждое положеніе представляется въ связи со всею обстановкою быта, со всѣми данными историческими, и въ совокупности съ ними объясняется».

Далѣе Б. Глинскій приводитъ, раздѣляя его, замѣчаніе г. Никольскаго (Б. В.) о томъ, что приведенныя выше слова изъ сочиненія К. П. Побѣдоносцева «чрезвычайно важны для пониманія міросозерцанія нашего ученаго писателя». Въ нихъ, сверхъ требованія «точнаго и твердаго, положительнаго и нагляднаго знанія», «заявлено твердое требованіе дисциплины мысли на положительномъ опытѣ... слышится благоговѣніе къ народу и жизни народной, то благоговѣніе, которое не требуетъ смиренія, не принуждаетъ къ нему, а неразрывно съ нимъ» (стр. 255—257).

На основаніи отзывовъ, данныхъ въ печати праваго лагеря о научно-литературныхъ трудахъ К. П. Побѣдоносцева, можно бы было сдѣлать довольно подробный обзоръ этихъ трудовъ его. Но это не входитъ въ наши задачи. Мы касаемся лишь тѣхъ печатныхъ произведеній Побѣдоносцева, которыя наиболѣе ярко характеризируютъ съ той или другой стороны его міросозерцаніе, пусть такія сочиненія будутъ и совсѣмъ незначительны по научнымъ ихъ достоинствамъ. Съ нашей точки зрѣнія представляетъ особый интересъ отмѣтить даже такую маленькую работу Константина Петровича, напечатанную въ «Народномъ Образованіи», какъ — переводъ нѣкоторыхъ изреченій, списанныхъ изъ памятной книжки одного бывшаго студента крестьянскаго университета изъ Таме въ Норвегіи. Работа прислана была К. П — чемъ въ редакцію названнаго журнала незадолго до смерти. Она доказываетъ, что Побѣдоносцевъ до послѣднихъ дней жизни не переставалъ интересоваться вопросами воспитанія и чутко прислушивался къ новымъ вѣяніямъ въ этой области.

Для характеристики того настроенія и склада мыслей воспитанника народной школы («крестьянскаго университета»), которые привлекли сочувственное вниманіе К. П. Побѣдоносцева, по аттестаціи враговъ его, сухого и безсердечнаго эгоиста, приводимъ нѣсколько изреченій, помѣщенныхъ въ записной книжкѣ этого воспитанника.

«Когда кто осуждаетъ тебя — не возражай, иди своей дорогой—увидятъ люди на дѣлѣ правду твою.

«Работай! работой мы усовершаемъ себя, работой добываемъ себѣ счастіе.

«Помни: жить—великое дѣло.

«Смотри вверхъ, молодецъ,—и тогда, когда пропала надежда твоя,—новая надежда явится, и сверху свѣтъ отразится тебѣ въ очи.

«Что такое жизнь? Жизнь — бореніе въ человѣкѣ разныхъ силъ—и всѣ совершаютъ его для вѣчности.

«Великое дѣло—жизнь; жить для ближняго—еще болѣе великое: самое великое—жизнь вѣчная.

«Повиновеніе и ученіе—вотъ въ чемъ первая честь юношества» (см «Колоколъ» № 344-й).

Писать по вопросамъ религіозно-нравственнымъ Константинъ Петровичъ началъ еще въ 60-тые годы. Въ 1861 г. онъ издалъ свой переводъ книжки Тирша — «Христіанскія начала семейной жизни», а въ 1863 г. помѣстилъ въ «Р. Вѣстникѣ» статью «Тишендорфъ и Синайская Библія». Въ 1869 г. онъ издалъ свой, по общему признанію, замѣчательный переводъ Ѳомы Кемпійскаго «О подражаніи Христу» [1]) Учено-литературную дѣятельность свою К. П особенно широко развилъ со времени назначенія его оберъ-прокуроромъ Св. Синода. Эта дѣятельность его была разнообразна, но преимущественно она посвящена была вопросамъ церковнымъ и нравственно-религіознымъ. Къ числу наиболѣе важныхъ трудовъ его въ этой области относятся: «Доброе слово воспитанникамъ духовныхъ семинарій и академій по поводу нынѣшнихъ страшныхъ событій» (1881 г.), «Исторія православной Церкви до раздѣленія церквей» 1891 г., четыре изданія). Объ этой книгѣ вотъ что написалъ, преосвящ. Алексію (нынѣ епископу Тобольскому) знаменитый Казанскій миссіонеръ Н. Ильминскій, «прочитавши и перечитавши» «Исторію Церкви Христовой» К. П — ча: «Нельзя читать безъ слезъ умиленія эту книгу. Ахъ, если бы всѣ наши книги

[1]) Трудъ этотъ выдержалъ уже семь изданій.

школьныя такъ были составлены!». («Тавр. Ц.-Общ. В» № 9-й). Къ той же области печатныхъ произведеній Побѣдоносцева относятся: «Праздники Господни» (1893 г.; шесть изданій), «Побѣда, побѣдившая міръ» (1895 г.; восемь изданій). Въ виду главнымъ образомъ произведеній К. Петровича религіозно-нравственнаго характера, «Полт. Еп В.» такъ высказались: «Безпристрастный судъ найдетъ въ немъ великаго знатока русской души, умѣвшаго задѣть ее за самыя завѣтныя струны. Такія книжки К. П—ча, какъ «Праздники Господни», «Вѣчная память» (воспоминанія о почившихъ), «Побѣда, побѣдившая міръ», высоко цѣнимыя и теперь «любителями», широкою волною пойдутъ въ народъ, какъ только проснется въ немъ и заговоритъ столь поруганное въ наши дни національное самосознаніе, пойдутъ онѣ въ народъ потому, что въ нихъ вѣетъ націонализмъ широкій, всеобъемлющій, христіанскій» (№ 11-й, стр. 512).—Въ «Моск. Церк. Вѣдомостяхъ» о сочиненіяхъ той же категоріи высказался Д. В. въ статьѣ «Надъ свѣжей могилой». Здѣсь говорится, что Константинъ Петровичъ, кромѣ многихъ ученолитературныхъ трудовъ, написалъ немало и такихъ, можно сказать, художественныхъ произведеній, которыя были потребностью его религіозно настроеннаго сердца и потому всегда доходятъ до сердца.. Онъ унаслѣдовалъ родовую набожность, которая еще въ раннемъ дѣтствѣ привила ему любовь къ храмамъ къ славянскому языку и къ церковному пѣснопѣнію И вотъ мы видимъ цѣлый рядъ его произведеній, въ которыхъ всюду сквозитъ его любовь къ церковности и къ возвышенному христіанскому мистицизму» (№ 12)—По отзыву «Подоліи», сочиненія К П—ча на богословскія, духовно-нравственныя и педагогическія темы отличаются глубиною мысли, силою религіознаго воодушевленія, чистотою и искренностію христіанскаго чувства» (№ 59).

Всѣми тѣми печатными произведеніями Константина Петровича, о которыхъ у насъ сказано или только упомянуто, далеко не исчерпывалась его литературно-научная дѣятельность. Имъ выпущены въ свѣтъ отдѣльными изданіями разныя другія сочиненія. Но онъ немало работъ своихъ помѣстилъ въ разныхъ журналахъ и въ «М. Вѣдомостяхъ». Въ послѣднихъ имъ, между прочимъ, напечатаны многимъ, вѣроятно, и доселѣ еще памятные — «Прощаніе Москвы съ своимъ царемъ» (1894 г.) и «Отвѣты русскаго человѣка Крапоткину» (1901 г.).

Въ доказательство того, что Константинъ Петровичъ откликался и на политическія злобы дня, г. Глинскій указываетъ на

двѣ переводныя его работы, сдѣланныя имъ во время славянскаго освободительнаго движенія на Балканскомъ полуостровѣ: одна съ англійскаго—«Болгарскіе ужасы и восточный вопросъ», Гладстона (1876 г.) и другая съ чешскаго—«Приключенія дворянина Вратислава въ Константинополѣ, въ тяжкой неволѣ у турокъ съ австрійскимъ посольствомъ» (1877 г.).

Въ статьѣ г. Глинскаго приводится характеристика К. П. Побѣдоносцева какъ стилиста, сдѣланная Б. Никольскимъ. Со стороны стилистики Побѣдоносцевъ, по отзыву г. Никольскаго является замѣчательнымъ, образцовымъ писателемъ. «Нельзя отрицать, говоритъ г. Никольскій, замѣчательнаго своеобразія слога К. П. Побѣдоносцева. Онъ обладаетъ удивительнымъ искусствомъ писать какими-то *несомнѣнными* (курсивъ автора) словами, съ какою-то механическою точностью выражающими свое содержаніе... Какъ стилистъ, онъ, можно сказать, чеканитъ свои мысли... Манера его письма всецѣло заимствована имъ у нашихъ духовныхъ писателей и можетъ быть признана манерой церковной стилистики по преимуществу. Эта стилистика страдаетъ однообразіемъ сравненій и уподобленій... допускаетъ большія грамматическія неправильности, изобилуетъ латинизмами и грецизмами, не говоря уже о насильственномъ укладываніи гибкой и подвижной русской рѣчи въ искусственные, угловатые церковно-славянскіе обороты. Но при всѣхъ этихъ недостаткахъ церковная стилистика носитъ на себѣ неизгладимый отпечатокъ художественнаго благородства».. Со стороны, слога г. Никольскій особенно высоко ставитъ книгу Побѣдоносцева «Письма о путешествіи государя наслѣдника цесаревича по Россіи отъ Петербурга до Крыма» [1]). Отрывки изъ этой книги и до сихъ поръ помѣщаются въ нашихъ хрестоматіяхъ, какъ лучшіе образцы русской прозы и отечественной стилистики.

Къ приведенной (въ сокращеніи) характеристикѣ стилистической манеры писанія К. П. П—ва, сдѣланной Б. Никольскимъ, Б. Глинскій прибавляетъ съ своей стороны, что «по техникѣ письменной рѣчи ученый писатель можетъ по справедливости быть поставленъ въ одинъ рядъ съ такими виртуозами русскаго слова, какъ покойный И. Аксаковъ и М. Катковъ съ отличіемъ отъ нихъ лишь въ томъ отношеніи, что въ его изложеніи мыслей постоянно проглядывало тяготѣніе къ церковнымъ оборо-

[1]) К. П—чу поручено было сопровождать Вел. Князя Николая Александровича въ его путешествіи по Россіи, результатомъ каковой поѣздки и явилась названная книга.

тамъ рѣчи и духу нашей церковной словесности, родство и близость съ которой у него начались еще съ дѣтскихъ лѣтъ» (стр. 252—253).

«Художникомъ «слова признаетъ его, также, преосвященный Алексій. Такъ охарактеризовать Побѣдоносцева далъ преосвященному поводъ переводъ Побѣдоносцевымъ свящ. книгъ Новаго Завѣта на русскій языкъ, гдѣ переводчикъ, по словамъ преосвященнаго, сумѣлъ сохранить и чудныя, понятныя безъ перевода, формы древне-славянскаго языка, и дать новый художественный русскій переводъ» (см. «Тавр. Ц.-О. В.» № 9 й).— Извѣстный писатель-публицистъ С. Н. Сыромятниковъ о языкѣ К. П. Побѣдоносцева выражается, что это языкъ «своеобразный, точный и ясный до прозрачности» («Россія», № 401-й).

ГЛАВА VII.

Мнѣнія о К. П. Побѣдоносцевѣ, какъ исключительно идеологѣ.—Послѣдствія его политики для жизни государства.—О чемъ свидѣтельствуютъ эти послѣдствія.—Побѣдоносцевъ, какъ оберъ-прокуроръ Св. Синода.—Заслуги его предъ церковною жизнію.—«Трагическій» разладъ между теоріей и практикой, обнаружившійся къ концу жизни Побѣдоносцева. О чемъ онъ свидѣтельствуетъ.—Заключительныя слова.

Въ обществѣ и печати распространено мнѣніе, что Константинъ Петровичъ былъ лишь несравненный идеологъ, исключительный по силѣ критикъ, но слабый въ практической дѣятельности. По словамъ, напр, В. Ш. въ «Свѣтѣ» (№ 65), «его глубоко-критическій умъ разбирался легко въ самыхъ сложныхъ и трудныхъ вопросахъ, но творческая и созидательная дѣятельность была не въ его характерѣ».—Извѣстный уже намъ сотрудникъ «Подол. Голоса» Альцестъ въ № 118 высказалъ: «Существуетъ два рода общественныхъ дѣятелей. Однихъ я назвалъ бы свѣточами, другихъ—орудіями. Первые не опускаются до практической дѣятельности, ихъ дѣло—освѣщать тотъ темный тоннель, который роетъ прогрессъ. На вторыхъ лежитъ черная работа,—сверлить, ломать и созидать. Кто изъ этихъ двухъ чище и свѣтлѣе, объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Но на вопросъ: кто полезнѣе, придется отвѣтить: оба одинаково необходимы. Напрасно горящій свѣточъ и ощупью работающая кирка одинаково безполезны. Поэтому, удивляясь такимъ людямъ, какъ Пушкинъ, Лермонтовъ, Бѣлинскій, Тургеневъ, гр. Л. Толстой, нельзя не отдавать должнаго Аксакову, Каткову, Побѣдоносцеву».

Мысль о томъ, что Константинъ Петровичъ былъ мужъ идеи, совѣта, а не дѣйствія, съ особенною подробностью развита Л. Тихомировымъ въ «Колоколѣ». Онъ пишетъ: «въ воспоминаніи о К. П. П-вѣ нельзя не остановиться на одной чертѣ его личности и характера. Онъ имѣлъ время величайшаго вліянія и часто говорятъ: «Почему же онъ не сдѣлалъ того или иного въ свое время, когда могъ все сдѣлать?..» «Если бы онъ сдѣлалъ то или иное, прибавляютъ нерѣдко, то не видалъ бы онъ разрушенія своего дѣла..» Этотъ упрекъ совершенно не заслуженъ К. П. Побѣдоносцевымъ. Не говорю уже о гадательности разсужденій о томъ, что было бы, если бы человѣкъ поступилъ не такъ, какъ онъ поступилъ? Но самое главное состоитъ въ томъ, что никогда не было времени, въ которое К. П. Побѣдоносцевъ могъ бы совершить *все*, что находилъ нужнымъ совершить.

«Велики и многоразличны были дары его природы, но не всѣ человѣческіе таланты, необходимые для дѣйствія, могутъ совмѣщаться въ одной личности. К. П. Побѣдоносцевъ былъ слишкомъ «мудрецъ» для того, чтобы обладать Дантоновскимъ «Osez». Онъ былъ драгоцѣннымъ совѣтникомъ, но для *дѣйствія* нуженъ былъ человѣкъ, способный воспользоваться этимъ. При всей практичности своей *мысли*, самъ К. П. Побѣдоносцевъ не обладалъ практичностью *дѣйствія*: для этого онъ былъ слишкомъ «мудрецъ», видѣлъ слишкомъ много «за» и «противъ», а потому становился слишкомъ остороженъ. Для дѣйствія же идеальнымъ прокзинскимъ правиломъ всегда остается формула Наполеона: для успѣха нужна 1/3 разсчета, 1/3 глазомѣра, 1/3 риска.

«Этой формулы «исполнителя», «диктатора» не можетъ имѣть «мудрецъ». Есть дѣла, на которыя нуженъ не «мудрецъ», а тотъ прирожденный «диктаторъ», который способенъ крикнуть «гдѣ духъ Иліи?» Для подготовителя историческихъ событій требуется мудрость. Для исполнителя нужна страсть, нуженъ голосъ «Osez», а по русски: «живъ не хочу быть, а сдѣлаю!» Такой-то человѣкъ нуженъ былъ Россіи при Побѣдоносцевѣ, чтобы воспользоваться содержаніемъ совѣта мудреца. Но такого человѣка не оказалось и это не вина Побѣдоносцева, а самъ онъ по законамъ естества не могъ быть одновременно и человѣкомъ совѣта и человѣкомъ дѣйствія» (№ 342).

Справедливо-ли и насколько справедливо мнѣніе о К. П. Побѣдоносцевѣ какъ лишь объ идеологѣ, безъ соотвѣтственныхъ важности и величію его идеаловъ способностей къ дѣйствованію, какъ о мужѣ лишь совѣта, но безъ порывовъ къ осуществленію подаваемаго въ совѣтѣ, какъ о глубокомъ, подавляю-

щемъ силою логики мыслителѣ, но слабомъ или неумѣломъ дѣятелѣ, какъ о «мудрецѣ», но не «творцѣ»,—для правильной оцѣнки этого мнѣнія необходимо стать на *точку зрѣнія заслугъ*, оказанныхъ Побѣдоносцевымъ государству и церкви.

Было да и теперь остается, можно сказать, общимъ мнѣніе, что церковно-государственная политика за время царствованія Императора Александра III была политикою Побѣдоносцева и и что его же въ значительной мѣрѣ политикою она была и въ настоящее царствованіе почти до послѣднихъ дней пребыванія его на оберъ-прокурорскомъ посту. Инымъ же особенно среди радикальной интеллигенціи казалось, что и по выходѣ въ отставку Константинъ Петровичъ продолжалъ оказывать могущественное вліяніе на ходъ и направленіе нашей церковно-государственной жизни. А если такъ, если Побѣдоносцевъ, по выраженію Баяна въ «Русской Правдѣ», «многія десятилѣтія, какъ несокрушимая каріатида, выдерживалъ на своихъ плечахъ весь укладъ нашей государственной и общественной жизни» (№ 94), то вполнѣ естественно, что такое или иное состояніе государства за эти десятилѣтія должно быть поставлено въ прямую вину или заслугу Побѣдоносцева. Тѣмъ еще въ большей зависимости отъ него должно представлятьтогдашнее состояніе церкви.

Въ какомъ состояніи были государство и церковь въ тѣ десятилѣтія, въ которыя К. П. Побѣдоносцевъ пребывалъ у кормила власти, это на живой еще нашей памяти. Поэтому отзывы объ этомъ состояніи, сдѣланные по поводу кончины Побѣдоносцева, доступны провѣркѣ личными воспоминаніями.

По отзыву «Нов. Вр.», царствованіе Александра III «дало новое направленіе русской мысли: мы, наконецъ, почувствовали себя русскими, полюбили свое родное, стали интересоваться своей исторіей» (№ 9536).

«Никогда еще, высказала та же газета въ № 13.008 отъ 31 мая 1912 г., по случаю открытія въ Москвѣ памятника Александру III,—до него не провозглашалось съ такою силою и не проводилась въ жизнь съ такою непоколебимою рѣшимостью глубоко неоспоримая истина, что Россія существуетъ для русскихъ, и что русскіе люди должны быть дѣйствительными хозяевами у себя дома. Самъ гордый Своимъ именемъ Русскаго, Царь-Миротворецъ во все Свое царствованіе стремился на дѣлѣ къ тому, чтобы Русскіе могли гордо держать свою голову передъ Европой и всѣмъ міромъ. Этой возвышенной и глубоко національной роли покойнаго Императора никогда не забудетъ русскій народъ».

Альцестъ въ «Подол. Голосѣ» въ цитированной нами статьѣ (въ № 118) говоритъ, что «при Александрѣ III Россія достигла небывалой славы и могущества».—«Пока онъ былъ у кормила правленія, высказалъ преосвященный Таврическій Алексій въ рѣчи предъ панихидой по К. П-чѣ, покой и благоденствіе царили въ землѣ нашей, и совершали мы всѣ—тихое и безмолвное житіе въ возможномъ благочестіи и чистотѣ» («Тавр. Ц.-Общ В.» № 9). — Царствованіе Александра III Л. Тихомировъ считаетъ «временемъ разцвѣта православнаго царства, эпохою неслыханнаго благоденствія, тишины, довольства и славы... Побѣдоносцевъ,—говоритъ Л. Тихомировъ,—какъ и всѣ, не могъ не видѣть, какъ быстро и велико поднялась страна даже и при маломъ осуществленіи его идеаловъ, его вѣры» («Колоколъ», № 342) Тотъ же г. Тихомировъ имѣлъ въ 1905 г. поводъ и случай такъ высказаться о дняхъ «благословеннаго» царствованія Александра III: «Много вѣковъ будутъ завидовать днямъ нашимъ» («М. Вѣд.» № 298 за 1905 г.). — Въ самые первые дни царствованія Александра III Побѣдоносцевъ, по словамъ Е. Поселянина въ «М. Вѣд.» «со всею убѣжденностью своего сильнаго и логическаго ума отстаивалъ и отстоялъ то, что считалъ существенно и безусловно необходимымъ не только для блага, но и для самой возможности существованія Россіи: Царское Самодержавіе. И тѣ, которые при Александрѣ III любовались этимъ явленіемъ русской политической жизни, развернувшимся во всемъ своемъ блескѣ и величіи - рядомъ съ именемъ незабвеннаго Самодержца, вознесшаго свою державу на степень небывалаго блеска и силы, будутъ вспоминать и имя человѣка, зорко оберегавшаго самую идею Самодержавія» (№ 64).—Почти ровно черезъ годъ послѣ кончины Константина Петровича, именно 19 марта 1908 г., С. Ю. Витте въ рѣчи, произнесенной имъ въ Г. Совѣтѣ, между прочимъ, высказалъ: «*никто не будетъ оспаривать* (нашъ курсивъ), что *никогда* Россія не достигала такого престижа въ международныхъ отношеніяхъ, такого блеска во внѣшнемъ положеніи, какъ въ царствованіе Александра III».— Въ разъ уже цитированной нами публичной рѣчи своей (26 мая 1909 г.) проф. ген.-л. Ак. М. Золотаревъ, между прочимъ, высказалъ: «Мы видѣли русскія войска на берегахъ Дуная, Одера, Рейна и даже Сены, но никогда голосъ русскаго Царя не слушался такъ предупредительно, никогда не слушали его съ такимъ благоговѣніемъ, какъ слушали слова Александра III, который не только ни разу не обнажилъ свой мечъ, но ни разу даже не пригрозилъ его обнаженіемъ» («Нов. Вр.» № 13 000).

Можно было бы собрать и привести и другіе отзывы или мнѣнія о царствованіи Императора Александра III, какъ о времени «разцвѣта православнаго царства», времени достиженія «державою» Россійской «небывалаго блеска и силы», высказанные уже спустя болѣе или менѣе продолжительное время послѣ кончины Константина Петровича и уже не по поводу его кончины, а по разнымъ другимъ поводамъ и случаямъ (такіе отзывы продолжаютъ слышаться и теперь), но мы считаемъ вполнѣ достаточнымъ и приведенныхъ.

Теперь спрашивается, неужели въ виду сказаннаго состоянія русскаго государства за время пребыванія Константина Петровича у кормила власти, когда, можно сказать, царилъ режимъ Побѣдоносцева и весь ходъ государственной жизни опредѣлялся его политикою,—неужели возможно представлять Побѣдоносцева лишь кабинетнымъ мыслителемъ, необладавшимъ ни волею, ни достаточными способностями, ни даже желаніемъ заставить слѣдовать его указаніямъ,—способнымъ лишь подать благой совѣтъ, но не привести въ дѣйствіе соотвѣтственныхъ мѣръ къ осуществленію совѣта? На вопросъ этотъ, по мнѣнію нашему, казалось бы, возможенъ лишь одинъ отвѣтъ—отрицательный. И умъ, и воля Константина Петровича направлены были къ укрѣпленію, къ возвеличенію русскаго государства, и онъ укрѣпилъ и возвеличилъ его до «небывалаго блеска и силы». Не значитъ-ли отсюда, что Побѣдоносцевъ не только умѣлъ глубоко размышлять и безпощадно, сокрушительно критиковать, но и обладалъ способностью созидать, способностью ввести въ право, въ общую жизнь тѣ начала, какія онъ принялъ у себя въ кабинетѣ...

Остановимся теперь на отзывахъ правой печати о Константинѣ Петровичѣ, какъ оберъ-прокурорѣ Св. Синода, и о плодахъ дѣятельности его въ области спеціально церковной, о заслугахъ его предъ церковною жизнію.

Какъ оберъ-прокуроръ Св. Синода К. П. Побѣдоносцевъ ярко обрисовывается въ статьѣ г. Глинскаго въ сопоставленіи съ предшественникомъ его по должности, гр. Д. А. Толстымъ. Характеристика послѣдняго представлена въ слѣдующей выдержкѣ изъ «Воспоминаній» [1]) кн. В. П. Мещерскаго, относящихся къ эпохѣ 1865—1881 годовъ:

«Въ области отношеній къ церкви графъ Толстой, какъ человѣкъ, изображалъ собою деиста, философа, все, что хотите,

[1]) Кн. В. П. Мещерскій «Мои воспоминанія», часть вторая.

но только не убѣжденнаго православнаго христіанина, слѣдовательно, почва, на которой этотъ необыкновенный умомъ и образованіемъ государственный человѣкъ могъ дѣйствовать, какъ оберъ-прокуроръ синода, была только почва дѣловая, оффиціальная и формальная, на которой въ каждомъ вопросѣ и въ сношеніи съ каждымъ лицомъ могли участвовать его умъ, его степень знанія, но гдѣ его душевное, а тѣмъ паче его сердечное участіе совсѣмъ отсутствовали; оттого духъ индифферентизма къ живой и главенствующей роли церкви сталъ, такъ сказать, руководительнымъ началомъ его политики оберъ-прокурора Синода, и вслѣдствіе этого то, что могло быть случайно до него,—давленіе оберъ-прокурора на духовную самостоятельность Синода,—при графѣ Толстомъ стало окончательно установившимся порядкомъ вещей и одновременно обезсилило церковь и обезличило ея іерарховъ.

«Я живо припоминаю, съ какимъ тяжелымъ впечатлѣніемъ, я выходилъ изъ пріемной гр. Толстого въ великолѣпномъ Нарышкинскомъ палаццо по Литейной, ставшемъ домомъ оберъ-прокурора Синода, всегда переполненной толпою представлявшихся, такъ какъ на пріемъ лицъ по обоимъ вѣдомствамъ [1]) назначался *одинъ часъ* въ недѣлю. Тяжелое это впечатлѣніе происходило отъ зрѣлища тѣхъ архіепископовъ и епископовъ, которые ожидали въ пріемной рядомъ съ разными учителями и чиновниками и одинаково ждали своей очереди, такъ что нерѣдко архіепископу приходилось входить въ кабинетъ графа послѣ какого-нибудь надворнаго совѣтника.. Помню и то, какъ иному запоздавшему архіепископу неумолимый курьеръ говорилъ: «опоздали, приходите на будущей недѣлѣ»; помню, наконецъ, и то, что получить свиданіе внѣ этого часа въ недѣлю было безусловно невозможно, какой бы важности поводъ къ тому ни былъ. Эта неизбѣжная особенность въ оффиціальной жизни графа Толстого, не допускавшая особеннаго почитанія къ іерархамъ церкви и практикуемая столько лѣтъ, вездѣ распространила убѣжденіе, что церковь въ лицѣ ея высшихъ представителей въ Петербургѣ въ пренебреженіи».

«Совершенно мѣняется картина дѣла, говоритъ Б. В. Глинскій, съ назначеніемъ на должность оберъ-прокурора К. П. Побѣдоносцева. Самъ вышедшій изъ духовной среды, не порвавшій съ ней ни внѣшней, ни внутренней связи, человѣкъ горячо вѣрую-

[1]) Графъ Д. Толстой совмѣщалъ должность оберъ-прокурора Синода и министра народнаго просвѣщенія.

щій и страстно и убѣжденно исповѣдующій православіе, человѣкъ обширнаго ума и громадной эрудиціи, лицо, приближенное ко Двору и имѣющее непосредственно доступъ къ Престолу и Царской семьѣ, переводчикъ Ѳомы Кемпійскаго, явилъ на своемъ посту самую яркую противоположность и съ формальной стороны и съ идейной своему предшественнику. Онъ сразу выдвинулъ съ необычайной силою значеніе своей должности, потребовалъ почтенія и вниманія къ церковнымъ вопросамъ, къ нуждамъ православной церкви и ея представителямъ, какъ стоящимъ на низшей ступени іерархической лѣстницы, такъ и высшей. Онъ авторитетно и властно заявилъ и правительству и обществу: встаньте предъ православнымъ священникомъ, поклонитесь съ почтеніемъ и любовію передъ его саномъ и отнеситесь благоговѣйно къ той трудовой и полной сокровеннаго и высшаго значенія крестной ношѣ, которую онъ несетъ. Его матеріальная бѣдность, приниженность и забитость, низкая порою степень его умственнаго и культурнаго развитія—общій грѣхъ нашей исторической жизни, грѣхъ, который мы всѣ должны искупить совокупными и дружными усиліями. Значеніе церковности въ русской жизни должно быть возстановлено, какъ то было въ до-петровскій періодъ, но, конечно, примѣнительно къ новому укладу государственности и общественности, духовенство должно быть поставлено на подобающую высоту, обезпечено въ матеріальномъ отношеніи и по возможности поставлено внѣ зависимости отъ житейскихъ случайностей, государство должно принять на себя попеченіе о немъ, о его семьяхъ, ему должно быть вручено духовно-нравственное воспитаніе народа, въ каковыхъ цѣляхъ надлежитъ усилить его образовательные рессурсы и дать ему возможность вліять широко и глубоко на всѣ стороны общественной жизни.

«Самая русская жизнь, какъ она исторически и стихійно сложилась, рисовалась по ходу его мысли благопріятствующею для выполненія поставленныхъ имъ задачъ: въ этой жизни незыблема вѣра въ Бога, и простой народъ, хотя часто и безсознательно, но несетъ Богу свою душу... Признавъ наличность благопріятствующихъ своей программѣ началъ, заложенныхъ хотя бы въ зачаточномъ состояніи въ русскую дѣйствительность, онъ принялся съ желѣзною энергіей и неумолимой послѣдовательностью осуществлять свою программу. По мнѣнію его принципіальныхъ и идейныхъ противниковъ, въ воздухѣ запахло ладаномъ и постнымъ масломъ, и московско-византійскіе идеалы начали вытѣснять идеалы западно-европейскіе.

Оппозиція ему, какъ государственному дѣятелю, не замедлила явиться на свѣтъ, вокругъ его имени создались самыя темныя легенды, впрочемъ, не затрогивавшія его нравственной личности, и скоро наименованіе «чернаго папы» и «великаго инквизитора» сдѣлались сопутствующими ему наименованіями, произносимыми, конечно, за глаза. Не мало содѣйствовали такого рода репутаціи и самые представители церковной іерархіи, радостно привѣтствовавшіе его добрыя начинанія на пользу духовнаго сословія, но вмѣстѣ съ тѣмъ почувствовавшіе, что отнынѣ надъ ними бодрствуетъ «недреманное Царское око», отъ бдительнаго и остраго взора котораго не уйти и не укрыться. Мягкій, нѣсколько нерѣшительный и уступчивый въ личныхъ отношеніяхъ, Побѣдоносцевъ въ роли оберъ-прокурора Синода, какъ Царскій слуга, какъ блюститель государственныхъ интересовъ и историческихъ традицій, былъ суровъ, требователенъ и послѣдователенъ въ своихъ требованіяхъ. Расточая широко заботы о духовенствѣ, о его матеріальномъ благополучіи и соціально-этическомъ значеніи, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ предъявлялъ и ему требованія, чтобы оно было достойно тѣхъ благъ, которыя ему даются изъ народныхъ средствъ, и того положенія, которое онъ своими реформами, своими мѣропріятіями и громадными усиліями ему пріуготовляетъ» (стр. 261—264).

Кратко, но выразительно характеризуетъ Побѣдоносцева, какъ оберъ-прокурора Св. Синода, В. К. Истоминъ въ «Свѣтѣ». По его словамъ, Константинъ Петровичъ, какъ оберъ-прокуроръ, былъ можетъ быть слишкомъ властенъ, даже самовластенъ, пусть такъ, но во всякомъ своемъ поступкѣ онъ былъ вѣренъ началамъ апостольскаго ученія и личною своею жизнью, среди окружающаго служенія мамонѣ, былъ поистинѣ высокимъ примѣромъ. Древній Римъ гордился бы его безкорыстіемъ, древнее христіанство уважало бы его за ревнивую охрану всего воспринятаго въ божественномъ ученіи, за его назидательную неуступчивость въ вопросахъ вѣры и церкви» (№ 96).

Правая печать весьма высоко цѣнитъ дѣятельность Побѣдоносцева какъ оберъ-прокурора Св. Синода. Общею мыслью сдѣланныхъ въ ней отзывовъ о заслугахъ Побѣдоносцева въ церковной области могутъ служить слѣдующія слова изъ рѣчи преосв. Томскаго Макарія предъ панихидой по немъ: «Никто изъ занимавшихъ оберъ-прокурорское мѣсто по вѣдомству православнаго исповѣданія не сдѣлалъ столько блага для этого вѣдомства, сколько Константинъ Петровичъ» («Время», № 63). Буквально то же самое высказано и въ «П. Листкѣ» (№ 70).

«Не подлежитъ никакому сомнѣнію, говоритъ «Подолія», что К. П. П—въ былъ лучшій изъ оберъ-прокуроровъ Св. Синода [1]) и принесъ несомнѣнную пользу своею ученостью, своимъ авторитетомъ и своею практическою опытностію и мудростію вѣдомству православнаго исповѣданія. Онъ былъ прежде всего лучше другихъ подготовленъ къ прохожденію столь важной должности... Дѣятельность К П. П—ва по дѣламъ церкви за 25-лѣтіе его оберъ-прокурорства весьма разнообразна и многостороння. Ростъ и развитіе церковной жизни за это время характеризуется въ такихъ чертахъ: возникли новыя учрежденія духовно-просвѣтительнаго и благотворительнаго характера; въ сферѣ высшаго церковнаго управленія созданы новыя учрежденія; учреждены новыя епархіи; открыто большое число новыхъ приходовъ; возникли во множествѣ женскія общины со школами или иными благотворительными учрежденіями, а равно женскіе и мужскіе монастыри; обращено особенное вниманіе на улучшеніе быта и матеріальнаго положенія духовенства, которое всецѣло обязано К. П. П—ву назначеніемъ содержанія изъ казны и обезпеченіемъ пенсіями по уставу 1902 г.; пересмотрѣны уставы и штаты дух.-учебн. заведеній; учреждены церк.-пр. школы и образованіе народа поставлено на церковныхъ основахъ и ведется въ ближайшемъ общеніи съ церковью. Церковно-книжное издательство достигло небывалыхъ размѣровъ. Церковное строительство получило особое значеніе и направленіе... (№ 59).

Приведенная характеристика церковной жизни за время оберъ-прокурорства Побѣдоносцева заимствована газетою изъ капитальнаго оффиціальнаго труда—«Обзоръ дѣятельности вѣдомства православнаго исповѣданія за время царствованія Императора Александра III». Гораздо подробнѣе характеризуетъ, основываясь на томъ же трудѣ, плодотворную дѣятельность Побѣдоносцева, какъ оберъ-прокурора Св. Синода, Б. Б. Глинскій въ извѣстной намъ статьѣ его, помѣщенной въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (стр. 266—267).

Въ подкрѣпленіе своего мнѣнія о такой именно, т. е. плодотворной дѣятельности Побѣдоносцева г. Глинскій ссылается и на нашъ статистическій трудъ, помѣщенный въ «Церк. Вѣдомостяхъ» за 1905—1906 гг., подъ заглавіемъ: «Что говорятъ цифры о состояніи церкви въ царствованіи императоровъ Николая I, Александра II, Александра III и въ настоящее царство-

---

[1]) Такимъ же,—припомнимъ кстати,—находилъ его и извѣстный іерархъ нашей церкви, преосв. Херсонскій Никаноръ.

ваніе по 1903 годъ». Цифры эти, замѣтимъ отъ себя, точнѣе, яснѣе, краснорѣчивѣе всякаго литературнаго описанія свидѣтельствуютъ по предмету изслѣдованія, т. е. въ настоящемъ случаѣ о состояніи церкви въ разныя царствованія прошлаго вѣка. За цифрами стоятъ факты и явленія, и потому, съ другой стороны, сказанное языкомъ цифръ всего менѣе можетъ быть оспариваемо[1]). Данныя статистики непреложно свидѣтельствуютъ, что состояніе церкви при Побѣдоносцевѣ, какъ оберъ-прокурорѣ Св. Синода, было воистину цвѣтущее, особенно по сравненію съ состояніемъ ея въ предшествующее царствованіе.

Не оспаривая прямо такого нашего заключенія о состояніи церкви при Побѣдоносцевѣ, г. Глинскій и не принимаетъ его во всемъ его объемѣ. Онъ готовъ считать состояніе церкви при Побѣдоносцевѣ цвѣтущимъ, но цвѣтущимъ только съ внѣшней стороны. По его сужденію, Побѣдоносцевъ намѣченную имъ программу въ области руководительства имъ церковною жизнію выполнилъ удачно Но между выполненіемъ формальной программы и осуществленіемъ ея по существу замысла и конечной цѣли наблюдается въ данномъ случаѣ значительная и печальная пропасть, заставляющая задуматься надъ вопросомъ: могъ-ли считать Константинъ Петровичъ, озирая взглядомъ, обвѣяннымъ уже холодомъ смерти, все сдѣланное имъ въ области церковныхъ мѣропріятій, достигшимъ намѣченнаго результата? Отвѣтъ придется, пожалуй, дать отрицательный, если судить по тѣмъ фактамъ нашей современной жизни, которые намъ ежедневно приносятъ печать, почта и телеграфъ».

То, что Константину Петровичу на закатѣ дней его суждено было видѣть полное несоотвѣтствіе дѣйствительности тѣмъ идеаламъ, которые онъ такъ ревностно, съ такою настойчивостью и усердіемъ старался и словомъ и дѣломъ воплотить, это, конечно, фактъ безспорный. Но говоритъ-ли этотъ фактъ, этотъ, справедливо называемый г. Глинскимъ «трагическимъ», разладъ между теоріей и практикой—противъ дѣла Побѣдоносцева, противъ средствъ и способовъ, которые онъ считалъ цѣлесообразными для успѣха дѣла? Намъ казалось бы, что нѣтъ, а почему, объяснимъ ниже. Теперь же скажемъ два слова въ отстраненіе возможнаго возраженія противъ примѣненія статистики въ области изслѣдованія состоянія церкви.

---

[1]) Мы просили бы имѣть въ виду еще и то, что лучшихъ статистическихъ данныхъ, чѣмъ какими мы оперировали въ названномъ нашемъ трудѣ, нигдѣ не имѣется.

Могутъ сказать, что цифровому учету поддается лишь внѣшнее сосстояніе церкви, и потому, на основаніи цифръ нѣтъ возможности судить о связи церкви съ жизнію, о томъ, насколько глубоко церковь проникаетъ въ жизнь и благоустрояетъ ее въ нравственномъ отношеніи. То, что цифровому учету поддается лишь внѣшнее состояніе церкви, это вѣрно; но съ другой стороны справедливо и то, что такое или иное внѣшнее состояніе церкви не можетъ не служить признакомъ или—точнѣе—слѣдствіемъ того или другого внутренняго ея состоянія, степени религіозности въ обществѣ, любви народа къ церкви и преданности его къ ней,—слѣдовательно, не можетъ не служить показателемъ внутренняго состоянія церкви.

Но есть цифровыя данныя, которыя ведутъ къ прямому заключенію о внутреннемъ состояніи церкви, это данныя о добровольныхъ приношеніяхъ въ пользу церкви. Данныя эти фактически, значитъ, съ полною достовѣрностью свидѣтельствуютъ о степени религіозности народа, о его благочестіи, любви къ церкви Божіей. По цифровымъ даннымъ о приношеніяхъ въ пользу церкви, все это—и религіозность народа, и его благочестіе, и любовь къ церкви въ Побѣдоносцевское время проявлены были въ степени значительно большей, чѣмъ прежде.

И правая и лѣвая печать одинаково находятъ, что изъ всѣхъ другихъ крупныхъ и важныхъ дѣлъ, совершенныхъ К. П. Побѣдоносцевымъ въ званіи оберъ-прокурора Св. Синода, самымъ большимъ и важнымъ дѣломъ было предоставленіе духовенству завѣдыванія начальнымъ образованіемъ народа. Е. Поселянинъ признаетъ, что «идея дать русскому народу просвѣщеніе чрезъ руки церкви—останется одною изъ важнѣйшихъ идей истекшаго вѣка» («М. Вѣд.», № 64).

Въ томъ же 64-мъ № «М. Вѣд» Е. Святловскій съ подробностью раскрываетъ величіе и важность дѣла возстановленія цер.-пр. школы для государства чрезъ выясненіе сущности и задачъ этой школы.

Замѣтивъ, что Побѣдоносцевъ, «можно сказать, вложилъ душу свою въ церк.-пр. школу, которая должна считаться его дѣтищемъ», Е. Святловскій говоритъ: «*Побѣдоносцевъ первый понялъ, усвоилъ идею народной школы* (курсивъ автора), какова она должна быть, къ чему должна стремиться, и осуществилъ ее на дѣлѣ. Идея церковности, положенная въ основу церковно-приходскихъ школъ, ясно указываетъ на жизненность и пригодность ея для русскаго народа, который полюбилъ ее, какъ дщерь православной церкви, и считаетъ ее «плотью отъ плоти»

и костью отъ костей своего тѣла. До него не было усвоено нами самой идеи народной школы [1]), и существованіе разнаго типа начальныхъ школъ съ различными программами, а главное, не-любовь народа къ этимъ школамъ служитъ лучшимъ доказательствомъ ихъ негодности и неправильности... Возрожденіе начальной народной школы — вотъ *та самая крупная и главная реформа* Побѣдоносцева, которою закрѣпляется насажденіе и произростаніе на Руси: Православія, Самодержавія и Народности, какъ дѣйствительныхъ и жизненныхъ началъ, которыя должны спасти Россію и обезпечить ей великое и славное будущее, при условіи правильной и разумной постановки церк.-пр. школы. Вотъ почему вся жидовствующая пресса, масоны и интеллигенція такъ яростно и неудержимо ополчались на церковную школу, въ которой видятъ самаго могучаго и опытнаго и въ то же время самаго вѣрнаго и дѣйствительнаго проводника тѣхъ жизненныхъ началъ, которыми Русь крѣпка, сильна, могуча и грозна».

Въ «Минскихъ Еп. Вѣд» (№ 8) напечатана рѣчь мѣстнаго епархіальнаго наблюдателя церк.-пр. школъ, произнесенная имъ (24 марта) въ каѳедральномъ соборѣ предъ заупокойною по Константинѣ Петровичѣ литургіею. Въ рѣчи этой, коснувшись вопроса, «что сдѣлалъ К. П—чъ для народнаго просвѣщенія чрезъ церковныя школы», ораторъ прежде всего указалъ на «повсемѣстное распространеніе ихъ въ Имперіи, не исключая Сибири, Кавказа и Средне-Азіатскихъ владѣній», и на огромную пользу, ими приносимую. «Цѣлые десятки милліоновъ русскихъ и инородческихъ дѣтей, — говорилъ ораторъ, — увидѣли свѣтъ грамоты, только благодаря насажденнымъ К. П—мъ церковнымъ школамъ. Въ настоящее время поднятъ вопросъ о всеобщемъ обученіи въ государствѣ: въ данномъ случаѣ церковныя школы, стоящія государству ничтожныхъ денегъ, сыграютъ громадную

---

[1]) Это положеніе г. Святловскаго должно быть принято съ большою оговоркою Идея народной школы, какъ «дщери православной церкви», ясно сознана была и народомъ, и духовенствомъ, и правительствомъ, и даже самою Высочайшею Властію еще д Побѣдоносцева. Въ частности горячимъ поборникомъ такой народной школы былъ Кіевскій митр Арсеній. Съ момента освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости церковная школа стараніемъ духовенства и любовію къ ней народа стала-было повсемѣстно быстро развиваться. Въ 1864 г. школъ этихъ было уже 22.305, а учащихся въ нихъ 427.167, въ томъ числѣ дѣвочекъ 63 300. Но съ этого же 1864 г. и началась печальная исторія церк. школы, продолжавшаяся до до 1884 г. Исторія эта хорошо извѣстна. К. П—вичъ, собственно, возстановилъ церковную школу изъ развалинъ и могущественною своею поддержкою довелъ ее до высокой степени внѣшняго и внутренняго благоустройства.

роль. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что исторія отмѣтитъ К. П—ча какъ великаго насадителя въ Россіи начальныхъ школъ ..

«Близко знавшіе Константина Петровича,—продолжалъ ораторъ,—свидѣтельствуютъ, что церковныя школы были для него роднымъ дѣтищемъ. Онъ самъ неоднократно заявлялъ въ кругу своихъ приближенныхъ, что устроенію церковныхъ школъ удѣлялъ въ жизни наибольшее вниманіе, считая его для себя самымъ важнымъ дѣломъ, такъ какъ оно было для народа. К. П—чъ безконечно радовался, получая хорошія вѣсти о состояніи церковныхъ школъ, и безутѣшно скорбѣлъ, когда до него доходили слухи, что въ извѣстномъ мѣстѣ церковныя школы не могутъ войти въ надлежащую свою колею. Среди множества государственныхъ дѣлъ К. П—чъ никогда не могъ удержаться, чтобы не дѣлать распоряженія о благоустройствѣ школъ непосредственно отъ себя, помимо высшей инстанціи церковно-школьнаго управленія—Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ. За самое послѣднее время своей службы онъ разослалъ всѣмъ подчиненнымъ себѣ администраторамъ громадный свой циркуляръ, который дышетъ отеческою любовію къ учащимъ и учащимся. Казалось, если бы не преклонный возрастъ, то К. П—чъ не остановился бы передъ хлопотами о благоустройствѣ школъ на мѣстѣ ихъ существованія. Вниманіе К. П—ча къ труженикамъ по церковно-школьному дѣлу было по истинѣ изумительнымъ. Не будетъ преувеличеніемъ, если сказать, что цѣлыя сотни изъ нихъ были облагодѣтельствованы имъ при постигшихъ ихъ несчастіяхъ и гнетущихъ нуждахъ въ счетъ своихъ собственныхъ средствъ»

Въ видахъ характеристики Константина Петровича, какъ педагога, въ печати приводились разныя его педагогическія замѣтки. Въ «Спб Вѣдом.» В. Шемякинымъ приведенъ, между прочимъ, слѣдующій взглядъ К П—ча на учителя, законоучителя и экзамены, заимствованный изъ спеціальной его книжки «Ученье и учитель»: «Учитель — подвижникъ... Онъ долженъ отрѣшиться отъ всего, самоотверженно взять свой школьный крестъ и идти вслѣдъ... за руководителями (конечно, если эти руководители такіе же подвижники). Если же учащій этого не дѣлаетъ, то онъ плохой «наемникъ»... «Учитель не есть какая-либо принадлежность школы, которая при ней предполагается: это есть самая сущность школы, и безъ учителя никакая школа не мыслима; учитель долженъ быть созданъ для школы. Любую канцелярію можно составить изъ охотниковъ, но бѣда, если школа разумѣется не выше канцеляріи... Учитель-ремесленникъ,

учитель-чиновникъ не годится для живого дѣла. Учитель долженъ быть подвижникомъ своего дѣла, полагающимъ душу свою въ дѣло обученія и воспитанія.. » (№ 172).

Интересенъ и весьма характеренъ для Константина Петровича взглядъ его и на законоучителя и на экзамены: «Есть,— пишетъ онъ въ названной книжкѣ,—какое-то лицемѣрное обольщеніе въ школьномъ дѣлѣ, когда законъ Божій и соединенное съ нимъ внушеніе началъ нравственности составляетъ лишь одинъ изъ предметовъ начальной программы. Какъ будто нечего больше желать и требовать для нравственной цѣли, какъ имѣть наличность той или другой цифровой отмѣтки за отвѣтъ въ предметѣ, называемомъ Закономъ Божіимъ. Есть въ школѣ законоучитель, есть программы, есть баллъ, показатель знанія— *e sempre bene.*

«Результаты такой постановки ученія — поистинѣ чудовищные Я видалъ учебники, въ коихъ по пунктамъ означено, что требуется для спасенія души человѣка,—и экзаменаторъ сбавляетъ цифру балла тому, кто не можетъ припомнить всѣхъ пунктовъ. Гдѣ тутъ разумъ? Гдѣ нравственность? Гдѣ, наконецъ, и прежде всего, вѣра, о коей мы лицемѣрно заботимся?.. Случается слышать о варварствѣ нѣкоторыхъ формъ новѣйшей культуры Немудрено отнести къ этому разряду, въ области педагогіи, наши экзамены» (Тамъ же).

Въ непримиримомъ, казалось бы, противорѣчіи съ извѣстными уже намъ отзывами о цвѣтущемъ состояніи государства и церкви за время, въ которое Константинъ Петровичъ находился у кормила власти, стоитъ та, всѣмъ намъ еще такъ памятная печальная дѣйствительность, которая началась предъ оставленіемъ имъ своего служебнаго поста и съ особенною силою и яркостью проявила себя въ самый, можно сказать, моментъ выхода его въ отставку. По тѣмъ отзывамъ, Россія при дѣйствіи и подъ дѣйствіемъ политики Побѣдоносцева достигла «небывалой славы и могущества», «небывалаго блеска и силы», и состояніе церкви за «Побѣдоносцевское» время характеризуется также, можно сказать, небывало высокимъ подъемомъ и развитіемъ всѣхъ сторонъ ея жизни. И вотъ, все это — и блескъ, и слава, и могущество государства, и процвѣтаніе церковной жизни оказались столь непрочными, скоротечными, что еще при жизни Побѣдоносцева отошли въ область воспоминаній.

Съ нескрываемымъ злорадствомъ лѣвая печать указывала на крушеніе дѣла Побѣдоносцева. Въ печальнѣйшемъ этомъ явленіи она хочетъ видѣть доказательство правоты своего взгляда

на крайній, якобы, вредъ, на пагубность для Россіи «побѣдоносцевскаго» режима, его политики, системы управленія. Правая печать съ глубокою скорбію высказывалась *о недолговѣчности* строя и порядковъ, которые Побѣдоносцевъ ввелъ-было съ такимъ успѣхомъ и пользою въ нашу церковно-государственную жизнь. Впрочемъ, въ этой печати высказывалось не одно только сожалѣніе о томъ, что дѣятельность Побѣдоносцева не увѣнчалась прочнымъ успѣхомъ, но и сомнѣніе въ самой осуществимости его идеаловъ тѣми путями и методами, которые имъ были проложены и примѣнены (Б. Глинскій).

Позволительно, однако, спросить, есть-ли у нашихъ либераловъ и радикаловъ, проклинающихъ «Побѣдоносцевскій» режимъ, твердое основаніе пережитыя Россіею неслыханныя пораженія на войнѣ и смуты внутри страны ставить въ вину Побѣдоносцеву, его политикѣ, системѣ управленія? Сознаемся, что вопросъ этотъ и нынѣ многимъ даже въ средѣ, незараженной крайнимъ либерализмомъ и радикализмомъ, можетъ показаться безпочвеннымъ, излишнимъ, не нуждающимся въ отвѣтѣ. Тѣмъ скорѣе могъ считаться онъ такимъ на взглядъ, современный кончинѣ Побѣдоносцева. Тогда вліяніе еврейской и еврействующей и всякой другой инородческой печати было сильнѣе и захватывало болѣе широкіе круги общества, чѣмъ теперь. Подъ ея гипнозомъ у насъ и люди трезвыхъ убѣжденій свыклись съ мыслью, что причина всѣхъ пережитыхъ Россіею несчастій—режимъ Побѣдоносцева, его система управленія. Но, однако, и тогда раздавались голоса, несогласные съ этимъ доминировавшимъ въ обществѣ мнѣніемъ. Къ числу шедшихъ, такъ сказать, противъ теченія относится, наприм., знакомый уже намъ г. Альцестъ

Высказавъ въ «Подол. Голосѣ» (въ № 118), что, по суду и оцѣнкѣ общества, Побѣдоносцевъ—«это типичный чиновникъ-бюрократъ, ничего не видѣвшій и не признававшій дальше бюрократическаго управленія страною, съ его бумажнымъ благополучіемъ и съ полнымъ пренебреженіемъ ко всѣмъ жизненнымъ задачамъ страны», Альцестъ выступаетъ съ такимъ своимъ, по условіямъ тогдашняго времени требовавшимъ даже извѣстной доли мужества, мнѣніемъ: «Ахъ, эти вывѣтрившіяся, заѣзженыя фразы о бюрократическомъ режимѣ, приведшемъ будто бы Россію на край гибели! Какъ онѣ опошлились, однако; любой проходимецъ можетъ теперь укрыться за ними для оправданія собственной наглости. Да вѣдь не со вчерашняго же дня начался на Руси этотъ ненавистный бюрократическій режимъ.

А Карамзинъ, а Жуковскій, а Пушкинъ—развѣ они выросли и разцвѣли не подъ вліяніемъ того-же бюрократическаго режима? Вѣдь, бюрократическимъ режимомъ у насъ начинается эпоха, въ которой зачато все, что составило славу Россіи. Вѣдь если уже говорить о глубокомъ національно-государственномъ разложеніи, переживаемомъ русскимъ обществомъ, то причину его надо искать не въ бюрократическомъ режимѣ, а скорѣе въ тѣхъ освободительныхъ вѣяніяхъ, которыми характеризовалась, напр., эпоха Александра II и, пожалуй, Николая II, со смертью Плеве» (№ 113). — Такого же взгляда на этотъ предметъ держится и «Кіевлянинъ». Онъ говоритъ: «если дѣятельность Побѣдоносцева не увѣнчалась соотвѣтственнымъ успѣхомъ, если ему пришлось дожить до крушенія своихъ идеаловъ, то отвѣтственность за такой исходъ не можетъ пасть ни на него, ни на тѣ убѣжденія, которымъ онъ служилъ. Повидимому,—прибавляетъ газета,—человѣческая природа такъ слаба, ничтожна и склонна къ легкомыслію, что самыя несомнѣнныя идеи отъ времени до времени теряютъ власть надъ толпой, и требуется ихъ провѣрка огнемъ и кровью» (№ 71).—По словамъ «М. Вѣдомостей», «чѣмъ шире лилась волна человѣческой крови, чѣмъ сильнѣе разливалось зарево пожаровъ, тѣмъ больше и глубже понимала и цѣнила Россія К. П. Побѣдоносцева, его упорную борьбу съ крамолой, послѣдствія развитія которой онъ такъ прекрасно понималъ» (№ 63).

Съ твердымъ убѣжденіемъ, съ подъемомъ чувства ту же мысль высказываетъ въ «Каз. Телеграфѣ» Н. И. К—то. Онъ пишетъ: «И годы (преклонные), и мутныя волны современности отодвинули Побѣдоносцева въ сторону. Стало быть, вся его дѣятельность прошла даромъ? Стало быть, побѣдили его противники?» На вопросы эти авторъ отвѣчаетъ не прямо, а ссылкою на такой очень выразительный фактъ: «За нѣсколько дней до кончины Побѣдоносцева, «Нов. Вр.» по поводу одного изъ послѣднихъ (писалъ Н. И. К—то въ день похоронъ К. П., т. е. 13 марта) позорныхъ засѣданій нашей «провалившейся» Думы припомнило «Московскій Сборникъ». Въ Екатерининскомъ залѣ Таврическаго дворца происходила та самая вакханалія черни, которую такъ мастерски предсказалъ и описалъ, какъ неминуемаго спутника парламентаризма, Побѣдоносцевъ. Казалось, будто онъ лѣтъ десять тому назадъ вѣщимъ умомъ своимъ угадалъ рѣчи нашихъ кавказскихъ ораторовъ. Можно представить себѣ, какъ истекало кровью его русское сердце, когда онъ къ ужасу своему видѣлъ осуществленнымъ все то, отъ чего такъ на-

стойчиво предостерегалъ. Побѣдоносцевъ-патріотъ долженъ былъ страшно мучиться. Зато Побѣдоносцевъ-философъ, авторъ «Московскаго Сборника» долженъ былъ ликовать Его пророчества сбылись. Его теорія нашла себѣ блестящее подтвержденіе на практикѣ. Кто прежде не хотѣлъ повѣрить *его* (курсивъ автора) словамъ, теперь долженъ вѣрить событіямъ и «*ихъ*» (курсивъ и ковычки автора) дѣламъ. Прежде онъ долженъ былъ защищать свои идеи только отвлеченными доводами. Теперь его доводы нашли себѣ прекрасное подтвержденіе въ.. стенографическихъ отчетахъ Государственной Думы. Теперь вокругъ «Московскаго Сборника» нѣтъ прежней пустыни и онъ не одинокъ. Послѣднія, кровавыя страницы русской исторіи—его лучшія, его краснорѣчивѣйшія союзницы» (№ 4 221).

«С.-Петербургское Русское Собраніе» памяти К. П. Побѣдоносцева посвятило вечеръ 16 марта. Въ числѣ ораторовъ на этомъ вечерѣ былъ членъ Г. Думы В. М. Пуришкевичъ. Какъ передаетъ г. Юлія Загуляева въ «М. Вѣдомостяхъ» г. Пуришкевичъ говорилъ о Побѣдоносцевѣ, какъ о великомъ прозорливцѣ, провидѣвшемъ и предсказавшемъ *будущее* (курсивы автора), ставшее теперь для насъ *настоящимъ*. Онъ прочелъ нѣкоторыя выдержки изъ «Московскаго Сборника» покойнаго, а именно изъ статей—«Новая демократія» и «Великая ложь нашего времени», и сопоставилъ тѣ опредѣленія парламента и вообще народнаго представительства, что далъ въ своихъ писаніяхъ Побѣдоносцевъ, съ нашею Думскою дѣйствительностью. Получилось поразительное сходство словъ покойнаго прозорливца съ картинками и сценками изъ Думской жизни, нарисованными г. Пуришкевичемъ, сильно увлекавшимся своимъ сюжетомъ и нашедшимъ полный откликъ въ аудиторіи» (№ 68).

О дѣятельности или о политикѣ Константина Петровича въ смыслѣ послѣдствій ея очень опредѣленное замѣчаніе сдѣлалъ г. Ярмонкинъ въ «Зорькѣ». По замѣчанію этому, «сказать, что Побѣдоносцевъ оставилъ намъ въ наслѣдіе тотъ свирѣпствующій развратъ мысли, который мы переживаемъ, было бы совершеннѣйшей несправедливостью» (№ 298).

«Трагическій», по выраженію г. Глинскаго, всѣмъ бросавшійся въ глаза разладъ между прекрасной и стройной теоріей и жестокой практикой», иные, въ томъ числѣ и г. Глинскій, объясняютъ неосуществимостію идеаловъ философа-оптимиста тѣми путями и методами, какіе имъ были проложены и примѣнены. Ярко нарисовавъ «печальную наличность» отечественной жизни,

г. Глинскій особо указываетъ на то, что «наличность» эту «не предупредили ни церковно-приходская школа, построенная на началахъ единенія съ церковью, ни священнослужители, утерявшіе, не смотря на улучшенное ихъ матеріальное и соціальное положеніе, всякое былое вліяніе на свою паству и не могущіе, да, пожалуй, зачастую и не желающіе воздѣйствовать на нее именно въ томъ историческомъ направленіи и согласно съ тѣми идеалами, носителями которыхъ ихъ желалъ видѣть Побѣдоносцевъ» (268—269).

По нашему глубокому убѣжденію, считать нецѣлесообразными, непрактичными тѣ пути и методы, которые употреблялъ Константинъ Петровичъ, осуществляя свои идеалы, никакъ нельзя съ точки зрѣнія «печальной наличности» *за послѣдніе годы* его жизни. О нихъ правильнѣе и естественнѣе судить по результатамъ его дѣятельности *за время, въ которое онъ находился у кормила правленія*. Тогда въ результатѣ дѣятельности К. П. «наличность» была самая отрадная. Въ то время состояніе и государства и церкви было цвѣтущее. Этого не отрицаетъ и г. Глинскій. Въ отношеніи руководительства собственно церковною жизнію онъ, какъ это намъ уже извѣстно, прямо говоритъ, что тутъ К. П. удачно выполнилъ намѣченную имъ программу. «Но,—оговаривается онъ,—между выполненіемъ формальной программы и осуществленіемъ ея по существу замысла и конечной цѣли наблюдается въ данномъ случаѣ значительная и печальная пропасть» (стр. 268).

Позволяемъ себѣ не согласиться съ почтеннымъ авторомъ этихъ строкъ и утверждать, что въ томъ отношеніи, о которомъ рѣчь, нѣтъ той пропасти, какую онъ усматриваетъ.

Краеугольнымъ камнемъ того основанія, на которомъ г. Глинскій утверждаетъ свое доказательство безуспѣшности усилій и заботъ Константина Петровича по осуществленію имъ же намѣченной программы въ области руководительства церковною жизнью, должно признать указаніе его на утрату священнослужителями всякаго былого вліянія ихъ на свою паству. Но объ этомъ вліяніи пастырей на паству, о степени и объемѣ его въ періодъ смутъ и волненій, совпавшихъ съ послѣдними годами жизни Константина Петровича, вполнѣ позволительно имѣть и противоположное мнѣніе, опираясь при этомъ на авторитетъ неоспоримый—на всеподданнѣйшій отчетъ оберъ-прокурора Св. Синода по вѣдомству православнаго исповѣданія за 1905—1907 годы. На первыхъ страницахъ этого отчета читаемъ—

«Война окончилась, но съ заключеніемъ мира внѣшняго не было дано Россіи мира внутренняго. Какъ бурныя волны вздымались повсюду отъ столицъ до глухихъ деревень народныя смятенія и междоусобныя брани. Казалось, все потеряно и обречено на гибель, и уныніе и смертельный страхъ могли обезоружить сильнѣйшихъ. Но Церковь православная не отступала отъ своей задачи проповѣдывать миръ и спасеніе: въ самыя смутныя времена, въ самыхъ ужасныхъ мѣстностяхъ борьбы и насилія благовѣстъ не умолкалъ, богослуженіе совершалось, умножались на Руси святые храмы, и духовенство, гонимое, оклеветанное и запугиваемое, изо дня въ день творило невидное дѣло своего пастырскаго служенія Подвигъ терпѣнія, любви и молитвы русское духовенство несло не ослабѣвая. Явились и изъ его рядовъ предатели, отверженные нынѣ церковнымъ судомъ и осужденные народною совѣстью,—но они, слава Богу, считались единицами, были колеблющіеся, сбитые съ толку, шедшіе на сближеніе съ врагомъ «страха ради іудейска»,—но ихъ, къ счастію, были сотни изъ всей 50-тысячной христоносной рати русскаго православнаго духовенства... Въ Первопрестольной столицѣ, гдѣ сильнѣе всего сказались революціонная злоба и напоръ вражеской силы, противоборствующей Христу, сильнѣе показалась и эта тихая молитвенная доблесть духовенства. среди ужасовъ московскаго вооруженнаго возстанія, когда Москва отрѣзанная отъ Россіи забастовками, внутри охваченная мятежниками, перерѣзанная баррикадами, десять дней томилась въ страхѣ и неизвѣстности до прибытія Семеновскаго полка, когда ея церкви обстрѣливались, а во время богослуженія врывались негодяи, которые тушили папиросы объ иконы,—московскіе священники, готовые ежечасно на оскорбленія, насилія и гибель, совершали изо дня въ день свой молитвенный подвигъ. Въ темномъ запертомъ, почти беззащитномъ Кремлѣ къ ночнымъ службамъ не звонили въ большой колоколъ, чтобы не привлечь скопищъ и смятеній народныхъ, но громче кремлевскаго колокола звучалъ надъ Москвою неизмѣнно твердый и вѣрный истинѣ голосъ московскаго архипастыря, митрополита Владиміра. Извѣстно его поученіе, прочитанное во всѣхъ церквахъ столицы 17 октября и воздвигшее противъ него цѣлую бурю клеветы и ненависти. Въ столицахъ, городахъ и селахъ повсемѣстно въ Россіи молитва церковная не умолкала, храмы, временно опустѣвавшіе, опять наполнялись, и русскіе люди поднимали головы и почерпали увѣренность, что не погибла Россія, если стоитъ и молится церковь.

«Трудно учесть цифрами, говорится далѣе въ отчетѣ, народное благочестіе, но есть одинъ признакъ, который позволяетъ, хотя несовершенно, приблизиться къ опредѣленію молитвеннаго настроенія народа именно въ тревожные 1905 и 1906 годы: это—подсчетъ свѣчного церковнаго дохода за эти годы. По имѣющимся въ контролѣ при Св. Сунодѣ свѣдѣніямъ, чистой свѣчной прибыли въ 1905 г. получено на 451,369 р. болѣе, чѣмъ въ 1904 г., а въ 1906 г. на 500,000 р. болѣе, чѣмъ въ 1905 г. Присемъ должно принять въ соображеніе, что указанное увеличеніе свѣчной прибыли относится къ 1905 и 1906 гг., когда огромная часть Имперіи была постигнута бѣдствіемъ неурожая. Не можетъ не обращать на себя особаго вниманія и то обстоятельство, что начавшіеся въ 1905 г. политическіе безпорядки съ особенною силою сказались въ большинствѣ именно тѣхъ епархій, въ которыхъ наблюдалось наибольшее увеличеніе свѣчного дохода. Поэтому ставить безпорядки въ связь съ уменьшеніемъ, якобы, добраго вліянія на народъ духовенства нѣтъ никакихъ основаній. Приведенныя данныя, несомнѣнно свидѣтельствуя объ увеличеніи благочестиваго усердія прихожанъ къ храму Божію, не могутъ не свидѣтельствовать и о томъ, что доброе вліяніе духовенства на прихожанъ продолжало и въ смутные годы сохранять свою силу (стр. 2—5).

Приведенная столь вѣско обоснованная выдержка изъ всеподданнѣйшаго оберъ-прокурорскаго отчета какъ-то невольно напоминаетъ слѣдующее жалкое фразерство гр. Олсуфьева, съ которымъ онъ не постѣснился выступить въ Гос. Совѣтѣ 11 ноября 1911 г. Заявивъ объ утратѣ духовенствомъ, будто-бы, всякаго вліянія на народъ, онъ счелъ для себя возможнымъ такъ отозваться о прошлой дѣятельности нашей церкви въ лицѣ ея пастырей: «Корабль русской церкви въ послѣдніе два вѣка привыкъ плавать въ стоячей водѣ. Теперь ему придется плавать, какъ и всякому настоящему кораблю, иной разъ и по волнамъ. Но за то это заставитъ проснуться и кормчаго и матросовъ, заставитъ и почиститься и дыры позадѣлать».

Коротка, оказывается, память у гр. Олсуфьева. Или онъ, какъ выражаются, проспалъ «тяжелые дни великой скорби, постигшей державу Россійскую (въ 1905—6 г.г), когда колебались отеческія преданія и дерзновенно попирались законъ и правда» (того-же отчета, стр. 110-я), если утверждаетъ, что «корабль русской церкви» два вѣка плавалъ лишь «въ стоячей водѣ». Насколько фразистое заявленіе гр. Олсуфьева находится въ противорѣчіи со всей исторической и современной правдой,

это въ томъ же засѣданіи основательно, со ссылками на историческіе факты и явленія, показалъ протоіерей Д. А. Бѣликовъ. Выражая «и отъ своего лица и отъ лица всего духовенства протестъ противъ заявленія гр. Олсуфьева о томъ, что вліяніе духовенства на народъ равняется нулю», о. Бѣликовъ говорилъ: «можно-ли зачеркивать великую историческую заслугу духовенства въ просвѣщеніи прежней Руси? Можно-ли игнорировать такую же важную заслугу и въ просвѣщеніи народа путемъ богослуженія, проповѣдей, школъ и всего пастырскаго вліянія? Кто въ самомъ дѣлѣ оберегаетъ, охраняетъ нравственное благополучіе въ нашихъ селахъ, какъ не духовенство? Роль духовенства въ недавнюю смуту освободительныхъ лѣтъ еще не учтена. Въ противномъ случаѣ мы съ благодарностью, съ великою признательностью увидѣли-бы, какъ много, какъ существенно духовенство потрудилось въ области успокоенія народа и удержанія его отъ разрушительныхъ неистовствъ, причемъ нерѣдко оно жертвовало и своею жизнью. Если-бы не было храмовъ и духовенства, быть можетъ мы погибли-бы въ деморализаціи и вмѣстѣ съ тѣмъ въ анархіи».

Въ газ. «Колоколъ» приводится особое и очень вѣское доказательство тому, что «государство, лишь благодаря вліянію церкви, избавилось отъ разгрома». Газета пишетъ: «Что мы не преувеличиваемъ значенія церкви, объ этомъ свидѣтельствуетъ «Верховная Вента», т. е. масонская ложа, которая даетъ такія инструкціи своимъ агентамъ: «Раскиньте сѣть вашу въ самыхъ алтаряхъ, окутайте ею семинаріи и монастыри, тогда вы будете проповѣдывать революцію въ митрѣ и обличеніи, съ крестомъ и хоругвью въ рукахъ».

«Что масоны не ошибались въ значеніи для дѣла революціи креста и митры, это,—говоритъ «Колоколъ»,—показываетъ 9-е января въ Петербургѣ, и успѣхъ революціоннаго движенія тамъ, гдѣ священниками были члены революціонныхъ обществъ; и еслибъ ихъ были не единицы, еслибъ духовенство въ общей массѣ не осталось непоколебимо вѣрнымъ, еслибъ оно всѣми силами не поддерживало-бы въ народѣ любовь къ Царю и покорность власти, у насъ были-бы не «безпорядки» въ той или другой мѣстности, а новый пугачевскій бунтъ, и сумѣло-ли бы справиться съ нимъ правительство—Богъ вѣсть» (4 ноября 1911 г. № 1676).

Въ «Запискѣ о необходимости созыва Помѣстнаго собора Русской Церкви», поданной П. А. Столыпину въ октябрѣ 1908 г., Л. Тихомировъ говоритъ, что «присущее православной церкви

довѣріе къ власти, а равно разумный патріотизмъ, выдержали (въ смутные революціонные годы) испытаніе съ честью, такъ что въ борьбѣ съ революціей поддержка церкви правительству имѣла *огромное* значеніе, остающееся далеко недостаточно понятымъ и оцѣненнымъ (см. «М. Вѣд.» за 1912-й г. № 77-й отъ 4 апрѣля).

По мнѣнію Б. Глинскаго, не оправдала своего назначенія, не выполнила своей задачи въ частности и церковно-приходская школа, построенная Побѣдоносцевымъ на началахъ единенія съ церковью. «Печальной наличности», по его словамъ, не предупредили ни священно-служители, ни церковно-приходская школа. Но и въ оцѣнкѣ значенія церк.-пр. школы г. Глинскому можно противопоставить авторитеты, компетентность которыхъ, надѣемся, и онъ признаетъ. Укажемъ для примѣра на слѣдующіе:

Въ мартѣ 1912 г. (именно 16-го ч.) въ Госуд. Совѣтѣ членъ сего Совѣта, бывшій товарищъ министра народнаго просвѣщенія Н. А. Звѣревъ, имѣлъ поводъ свидѣтельствовать о благодѣтельномъ значеніи церк.-пр. школъ въ особенно важномъ отношеніи, именно о вліяніи и «самомъ рѣшительномъ», хотя и косвенномъ, этихъ школъ на другія начальныя училища, а чрезъ нихъ на характеръ и общее направленіе народнаго образованія. Въ рѣчи своей по этому предмету г. Звѣревъ, между прочимъ, представилъ Гос. Совѣту справку изъ исторіи церк.-пр. школъ за вторую половину минувшаго вѣка, напомнившую извѣстную превратную судьбу ихъ за это время. Въ половинѣ 60-хъ г.г. церк.-пр. школы получили-было, благодаря трудамъ духовенства, очень широкое развитіе, но вскорѣ затѣмъ духовенство либеральными земствами отстранено было (и добавимъ это отъ себя—вопреки воззрѣніямъ и намѣреніямъ, царившимъ на Тронѣ и возлѣ Трона)—отъ ближайшаго участія въ народномъ образованіи, и церк.-пр. школы къ началу 80-хъ годовъ почти прекратили свое существованіе. Но съ устраненіемъ духовенства съ поприща народнаго образованія, послѣднее приняло нежелательное одностороннее направленіе, грозившее по выраженію Высочайшаго рескрипта на имя м-ра народнаго просвѣщенія (1 января 1873 г.) «духовнымъ растлѣніемъ народа». Съ такимъ направленіемъ вѣдомству народнаго просвѣщенія приходилось вступать въ борьбу. Однимъ изъ ненамѣренныхъ и въ этомъ смыслѣ невольныхъ, но сильныхъ союзниковъ его въ этой борьбѣ явилась возстановленная въ 80-хъ годахъ церковная школа. «Какое доброе вліяніе оказала она на другія начальныя учи-

лища, вамъ,—говорилъ г. Звѣревъ,—подтвердятъ ваши личныя воспоминанія, относящіяся къ тому времени. Но если ихъ недостаточно, имѣются другія надежныя свидѣтельства. Въ 1889 г. бывшій тогда министръ народнаго просвѣщенія гр. Деляновъ заявлялъ, что церковно-приходскія школы оказали благотворное вліяніе на земскія начальныя училища, въ которыхъ, подъ ихъ вліяніемъ, стали усиленно преподаваться церковно-славянскій языкъ и церковное пѣніе и значительно увеличено число уроковъ по Закону Божію. Нѣсколько позднѣе, въ 1895—6 году, бывшій профессоръ московскаго университета С. А. Рачинскій, человѣкъ большого ума, выдающагося таланта и широкаго образованія, беззавѣтно отдавшій большую часть своей подвижнической жизни просвѣщенію народному, въ своей замѣчательной книгѣ «сельская школа», заслуживающей быть настольною для всякаго интересующагося этими вопросами человѣка, писалъ между прочимъ: «Нынѣ замѣчается несомнѣнный поворотъ къ лучшему: строй церковно-приходскихъ школъ значительно повліялъ на строй школъ земскихъ». Да и какъ могло быть иначе? Свѣтская школа не могла отставать отъ церковной, находившей живой сочувственный откликъ въ народѣ» (см. «Колоколъ» отъ 17 марта 1912 г., № 1784).

Въ томъ-же Гос. Совѣтѣ, 5 іюня 1912 г., имѣлъ поводъ въ такихъ, между прочимъ, словахъ высказаться о церк.-приход. школахъ преосвященный Ніконъ: «правда, мы знаемъ, что во дни революціи изъ 50 000 учащихъ въ нашихъ школахъ нашлось сотни полторы несчастныхъ юношей и дѣвицъ, запутавшихся въ сѣтяхъ іудейскихъ, но мы знаемъ и то, что въ той школѣ, не нашей, число таковыхъ насчитывается болѣе 22.000—только сосланныхъ административно. Объ этомъ было говорено въ Гос. Думѣ, и никто этого не опровергалъ» («М. Вѣд.» № 135-й, отъ 12 іюня 1912 г).

Ту-же самую мысль объ огромномъ значеніи церк.-пр. школъ для характера и направленія народнаго образованія, какъ нельзя лучше и яснѣе, подтверждаютъ тѣ проклятія, которыя изрекала Побѣдоносцеву лѣвая печать за насажденіе у насъ церк.-пр. школъ. Печать эта подтверждаетъ, съ своей стороны, и фактъ борьбы духовенства противъ развращающаго вліянія на народное образованіе безвѣрныхъ, безцерковныхъ учителей и учительницъ земскихъ школъ. Шла, говоритъ напр. В. Варваринъ въ «Р. Словѣ» (№ 58), скрытая, шипящая борьба въ каждомъ селѣ, почти въ каждой деревнѣ между учителемъ и учительницею съ одной стороны и завѣдывающимъ школою законоучи-

телемъ съ другой». Вдумайтесь въ мысль слѣдующихъ строкъ того-же Варварина, и вы поймете, какъ хорошо дѣятели лѣвой печати видѣли и сознавали огромное практическое значеніе церк.-пр. школъ въ жизни нашего народа. «Я положу сѣмя, говоритъ Варваринъ отъ лица Побѣдоносцева, изъ котораго, по жестокости, грубости, темнотѣ, лукавству и странной (?) настойчивости нашего духовенства, выростетъ такая охрана для «Вѣрую, Господи, и исповѣдую», о какую какъ брызги разобьются презрѣнныя волны разныхъ учительскихъ семинарій и учительскихъ институтовъ, этихъ земствъ и т. п. временной слякоти».

Варварины, конечно, доказываютъ, что «сѣмя», положенное Побѣдоносцевымъ, не проросло, и затѣя его съ церковно-приходскими школами оказалась безуспѣшною, пустою. Но статочное-ли дѣло, чтобы пустая, безрезультатная «затѣя» Побѣдоносцева могла выводить лѣвый лагерь печати изъ себя, раздражать его до границъ, можно сказать, бѣшенства?

Итакъ, вполнѣ позволительно остаться при убѣжденіи, что Константинъ Петровичъ въ церковно-государственной дѣятельности своей намѣченную имъ программу не только выполнилъ съ формальной ея стороны, но и осуществилъ по сути ея замысла и конечной цѣли. И, можетъ быть, только благодаря этому, у насъ не случилось «новаго пугачевскаго бунта», и «мы не погибли въ деморализаціи и вмѣстѣ съ тѣмъ въ анархіи».

Не режимъ Побѣдоносцева, не его политика, система управленія, такъ яростно проклинаемые въ отзывахъ радикальной и инородческой печати, привели «къ неслыханнымъ пораженіямъ на войнѣ и къ смутамъ внутри страны», а измѣна его режиму, пренебреженіе къ его политикѣ, уклоненіе отъ системы его управленія.

По извѣстнымъ уже намъ словамъ М. Меньшикова, еще задолго до революціи (значитъ, въ Побѣдоносцевское время) за подписью «дозволено цензурою» часто выпускалась пресса завѣдомо клеветническая, шантажная, смердящая самымъ подлымъ зловоніемъ»... Публика отдана была «во власть мошенниковъ пера, которые проституировали гласность до жалкаго ея паденія. Еще до революціи на глазахъ правительства создалась такъ называемая «жидовская дешевка», «распивочная», «подкаретная печать». Выше говорено было нами и о томъ, какая пристрастная, безпощадная, полная ненависти и высокомѣрія и въ то-же время лживая, раздавалась, также, еще до революціи критика современной и прошлой, исторической дѣятельности

церкви въ лицѣ ея представителей и какую вражду къ православной церкви, къ самымъ догматамъ ея ученія прививала обществу еще до-революціонная пресса. Подобныхъ явленій, повторимъ мы и теперь, никакъ не могло-бы быть, если-бы тогдашняя пресса, дѣйствительно, находилась подъ строгимъ и неумолимымъ контролемъ Побѣдоносцева. Но если уже и говорить о строгости контроля за прессою со стороны Побѣдоносцева и выражать сѣтованія и жалобы на эту строгость, то, какъ на это выше и указывалось, основанія для этого скорѣе могли-бы найтись въ отношеніи его къ прессѣ праваго, консервативнаго лагеря. По извѣстнымъ, также, намъ словамъ «одного изъ столповъ вѣры православной», лагерь этотъ только и слышалъ: «тише, тише, не задѣвайте этихъ красныхъ, лѣвыхъ, не раздразните этихъ «освободителей».

Церковно-государственную политику въ предъ-революціонное время кто-то (кажется, г. Меньшиковъ) справедливо сравнилъ съ мебелью, поставленною въ сыромъ подвалѣ. Тамъ и хорошая мебель неминуемо сдѣлается никуда негодною. «Побѣдоносцевскій режимъ» находился и дѣйствовалъ тогда въ такихъ парализующихъ его условіяхъ, что его справедливо можно счесть лишь призракомъ деспотизма или декораціей церковно-государственной тиранніи. А если такъ, то верхъ несправедливости считать Побѣдоносцева отвѣтственнымъ за пережитыя нами «неслыханныя пораженія на войнѣ и смуты внутри страны». Съ другой стороны, по той-же самой причинѣ, нельзя считать не практичными, ненадежными пути и средства, которыми Константинъ Петровичъ достигалъ поставленныхъ имъ для своей дѣятельности цѣлей.

Сущую правду писалъ самъ Константинъ Петровичъ въ 1900 г. П. А. Тверскому: «Всюду утвердилось фантастическое представленіе, что я «первый по фараонѣ», и сдѣлали меня козломъ отпущенія за все, чѣмъ тѣ или другіе недовольны въ Россіи и на что тѣ или другіе негодуютъ. Такъ навалили на меня и жидовъ, и печать, и Финляндію, и вотъ еще духоборовъ—дѣла, въ коихъ я не принималъ никакого участія,—и всякія распоряженія власти, въ коихъ я нисколько не повиненъ» («Вѣстн. Европы», № 12-й, за 1904 г.).

Да, Константину Петровичу Побѣдоносцеву суждено было остатокъ дней своихъ доживать среди развалинъ всего, что онъ любилъ, чему служилъ, правду чего сознавалъ всей силой своего свѣтлаго ума, своей чуткой совѣсти, своихъ громадныхъ знаній. Душевныя страданія его за судьбу родины очень понятны. «Но,

какъ говоритъ Д. В. въ «М. Ц. В.», переживая тяжелыя муки скорби, Константинъ Петровичъ, и удалившись отъ дѣлъ правленія, считалъ своимъ правомъ остаться до гроба со своими продуманными выстраданными убѣжденіями, хотя и это готовы были оспаривать у него (№ 12-й).

Вполнѣ присоединяется къ слѣдующимъ прочувствованнымъ строкамъ передовой статьи «Колокола» въ № 337-мъ, вышедшемъ въ самый день похоронъ Константина Петровича (13 марта).

«Константинъ Петровичъ удалился отъ дѣлъ въ 1905 году въ тотъ моментъ, когда въ нашей внутренней политикѣ обнаружился переломъ и она стала принимать тотъ курсъ, который онъ считалъ ложнымъ и который привелъ къ переживаемому кризису. Подобно врачу, который видитъ, что больному, вмѣсто лекарства, знахарь подаетъ медленно дѣйствующій ядъ, государственный человѣкъ долженъ былъ испытывать глубокое страданіе отъ сознанія опасности и невозможности исправить ошибку. Это страданіе завершило тѣ великія печали, какими болѣло его русское сердце при видѣ нестроеній, терзавшихъ горячо любимое отечество. И чѣмъ яснѣе представлялъ себѣ онъ положеніе дѣлъ въ свѣтѣ своего глубокаго государственнаго ума, тѣмъ глубже должна была проникать горечь скорби о судьбахъ родины въ его душу по слову премудраго: приложивый разумъ, приложитъ болѣзнь. Только сознаніе честно исполненнаго долга и крѣпкое упованіе на Господа, въ рукахъ Коего судьбы царей и царствъ, служили для него источникомъ утѣшенія»...

Прошло пять лѣтъ со времени кончины Константина Петровича Побѣдоносцева, и онъ уже начинаетъ виднѣться намъ въ исторической перспективѣ. Въ настоящее время судить о немъ и о его дѣлѣ стало легче, удобнѣе, безъ чувства пристрастія и, потому, съ большею увѣренностью въ справедливости оцѣнки. Въ моментъ кончины Константина Петровича было трудно, мудрено, такъ сказать, разглядѣть, уяснить себѣ, что и какъ, насколько раціонально и успѣшно строилъ, творилъ этотъ великій человѣкъ. Въ такой-же, если еще не большей степени трудно, мудрено было-бы разобраться и въ появившихся тогда многочисленныхъ, теперь уже извѣстныхъ намъ, отзывахъ о немъ, правильно понять эти отзывы. «Тогда, по картинному изображенію момента г. Глинскимъ, которое въ предисловіи къ настоящему труду читателямъ было уже показано, кругомъ кипѣли страсти и политическія бури, тогда явленіямъ жизни не было спокойнаго суда и разсужденія, и въ особенности въ

отношеніи тѣхъ, кто такъ или иначе своей жизнью и дѣятельностью былъ причастенъ и этимъ бурямъ и той пыли земли, которая встала густымъ облакомъ надъ всею поверхностью нашей родины, какъ прямое слѣдствіе отечественной непогоды».

Теперь буря утихла, пыль улеглась, и если атмосфера еще не такъ чиста и прозрачна, какъ хорошее стекло, намъ все-таки съ достаточною ясностью видны «явленія жизни» во время «всемогущества» Константина Петровича, и о явленіяхъ этихъ можетъ уже быть спокойный судъ и разсужденіе. Наше глубочайшее убѣжденіе выразимъ въ формѣ пророчества: «такого разцвѣта православнаго царства», какимъ любовались, какимъ благородно гордились мы въ «благословенные дни» царствованія великаго Императора Самодержца Александра III «съ незабвеннымъ Именемъ котораго всегда будетъ вспоминаться и имя Константина Петровича», едва-ли когда увидитъ еще русская страна. Что-же касается Церкви, то время, въ которое Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ состоялъ руководителемъ церковной жизни, потомки наши будутъ считать—въ этомъ мы нисколько не сомнѣваемся—золотымъ временемъ въ ея исторіи.